

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Е. П. Смелов

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ГОДАХ ОБУЧЕНИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
(1912–1918 ГГ.)**

Представим себе, что мы стоим лицом к учебному корпусу. Слевой стороной от него, ограничивая семинарскую территорию, протекает речушка, именовавшаяся у нас „Монастырской“, справа забор, отделяющий Семинарию от сада Духовной Академии, и корпусов Духовного училища. В этой стене тогда была калитка ведшая, минуя Ведомственный Обводный, внутренним ходом к северу двор Духовного училища и Лагу на садовой Невский...

Санкт-Петербург
Москва
2009

Сзади учебного корпуса располагался обширный и довольно терпеливый сад со скамейками...

*По благословению
епископа Гатчинского Амвросия,
ректора Санкт-Петербургской
православной духовной академии*

Смелов Е. П.

Воспоминания о годах обучения в Санкт-Петербургской духовной семинарии (1912–1918 гг.). — СПб.; М.: Свято-Владимирское издательство, 2009. — 160 с.

ISBN 978-5-900249-45-2

Впервые публикуются воспоминания выпускника Петроградской духовной семинарии Е. П. Смелова о годах обучения в ней (1912–1918). В мемуарах подробно рассказано о деятельности семинарии во время Первой мировой войны и в последний год ее существования, когда студенты вынуждены были сдавать экзамены преподавателям на их квартирах. Описан семинарский быт, повседневная жизнь студентов, даны яркие характеристики некоторых преподавателей. Книга иллюстрирована фотографиями из архива семьи Е. П. Смелова.

- © Санкт-Петербургская православная духовная академия, подготовка текста, комментарии, 2009
- © А. А. Бовкало, Д. А. Карпук, комментарии, 2009
- © Свято-Владимирское издательство, оформление, 2009

Дорогие читатели!

В 2009 году Санкт-Петербургские духовные академия и семинария отмечают свой двухсотлетний юбилей.

Истории Санкт-Петербургской духовной академии посвящено много работ и исследований, опубликовано немало воспоминаний ее питомцев.

Значительно меньше внимания уделялось Санкт-Петербургской духовной семинарии. К 75-летию юбилею семинарии вышло несколько работ. А. Надежин опубликовал «Историческую записку о С.-Петербургской духовной семинарии» (СПб., 1884), а затем выпустил «Историю С.-Петербургской православной духовной семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884» (СПб., 1884). В том же году вышел сборник «Семидесятипятилетие Санкт-Петербургской духовной семинарии. 1809–1884» (СПб., 1884). В 1896 году Н. А. Скроботов составил «Памятную книжку окончивших курс в Санкт-Петербургской духовной семинарии с 1811 г. по 1895 г.». К столетнему юбилею семинарии была издана «Краткая записка о Санкт-Петербургской духовной семинарии за сто лет (1809–1909)» (СПб., 1909). Празднование столетия семинарии — 26 сентября 1909 года — широко освещалось в церковной и светской периодике.

Все эти труды являются бесценными источниками и позволяют детально рассмотреть историю семинарии и процесса обучения в ней, однако дают мало информации о повседневной жизни и быте семинаристов. Широко известны «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, выпускника Санкт-Петербургской духовной семинарии 1857 года, но это все-таки художественное произведение, в котором сознательно подчеркнуты одни стороны жизни студентов и умалчивается о других. Воспоминаний семинаристов о годах учебы до сих пор опубликовано не было.

Сейчас появилась возможность восполнить этот пробел. Недавно Елена Михайловна Травина, внучка выпускника Петроградской духовной семинарии 1918 года — Евгения Петровича Смелова — предоставила часть его воспоминаний, касающуюся времени обучения в семинарии, за что хочется выразить ей огромную благодарность.

Представляемые читателю воспоминания интересны тем, что в них дается описание деятельности Петроградской духовной семинарии в годы Первой мировой войны. На своем примере Е. П. Смелов описывает последний 1917/1918 учебный год, когда студенты семинарии вынуждены были сдавать экзамены преподавателям на их квартирах. Евгений Петрович дает яркие характеристики некоторых преподавателей — Х. М. Попова, И. П. Щербова, П. З. Белодеда, П. В. Солтицкого, А. Я. Судакова, иеромонаха Николая (Ярушевича), впоследствии — митрополита Крутицкого и Коломенского. Особое внимание в воспоминаниях уделено деятельности епархиального миссионера Дмитрия Ивановича Боголюбова. В описаниях семинарского быта, интересов своих товарищей, достоинств преподавателей чувствуется любовь и уважение Е. П. Смелова к воспитавшей его духовной школе. Как свидетельствует его внучка, Евгений Петрович с особым теплом вспоминал о годах обучения в семинарии: «Он всегда говорил, что в трудные жизненные минуты его поддерживали вера и воспоминания о годах, проведенных в стенах Санкт-Петербургской семинарии».

Учитывая, что практически все архивные материалы, касающиеся истории дореволюционной Санкт-Петербургской духовной семинарии, безвозвратно утеряны, предлагаемые читателю воспоминания с точки зрения представленных там фактических сведений имеют огромную ценность, тем более что эти сведения относятся к последним годам существования семинарии, тем более что эти сведения относятся к последним годам существования семинарии перед ее незаконным закрытием в начале XX века.

АМВРОСИЙ
Епископ Гатчинский,
ректор Санкт-Петербургской
православной духовной академии

Елена Травина

О ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕДУШКИ

Мой дедушка, Евгений Петрович Смелов, прожил долгую жизнь. В этой жизни были революция и две войны, любовь и предательства, духовные просветления и падения в мрак безнадежности и уныния. Но он всегда говорил, что в трудные жизненные минуты его поддерживали вера и воспоминания о годах, проведенных в стенах Санкт-Петербургской семинарии. Уже тогда, в пору юношеского взросления, он начал анализировать свою прошлую, совсем молодую жизнь, давать оценки поступкам.

«Во все возрасты жизни встречаются нам иногда такие радостные или грустные впечатления, которые поселяются в нашем сердце навсегда. Из области ощущений они становятся достоянием сознания и, наконец, превращаются в устойчивое воспоминание. Таким незабываемым воспоминанием, связанным с моим семинарским пребыванием, стал для меня коридор того этажа, где помещались классы. Из широкого и высокого окна в конце коридора открывался вид на железнодорожную линию Московской дороги.

Я любил в одиночестве стоять подолгу у этого окна осенью или зимой в темное время. Вдали, вдоль железной дороги мелькали огоньки фонариков. Какое манящее, тревожное, тоскливое чувство вызывали в сердце эти желтоватые мерцающие огоньки.

Грусть щемит сердце, а взор жадно впивается в эти далекие светящиеся точки. Окружающее исчезает в тумане внутренних чувств, и воспоминания, и неясные мечты, и какие-то сладостные неизъяснимые желания охватывают душу. Не символ ли это вечности и нашей связи с ней? В эти таинственные мгновения

пережитое, прошлое сочетается с будущим, с тем, что ждет нас впереди, и мы сами как бы растворяемся в непрерывном потоке бесконечного и вечного движения.

В этих редких переживаниях настоящего мгновения будто бы и нет. Оно становится неуловимой полоской жизни, узеньким протоком души между двумя бесконечными океанами вселенной — океаном минувшего и океаном грядущего. Не в одну ли из таких созерцательных минут апокалипсический пророк узрел того ангела, который поклялся человечеству, что “...tempus non fore amplius” (Апокалипсис 10:6).

Огоньки мелькают вдали... Они, как искорки промелькнувшей жизни...»*

Там, в коридоре Евгений вспоминал прошлое и еще ничего не знал о будущем.

Евгений Петрович Смелов родился 10 (22) февраля 1894 г. в большой семье. Главой семьи был дед, Дмитрий Николаевич Бараненков. Его предки были дворовыми крепостными помещицы Сарры Яковлевны Куломзиной, но выкупили себя еще до отмены крепостного права. Дом Куломзиной находился где-то на Лиговском канале, и Бараненковы вначале по старой памяти селились поблизости, а потом понемногу стали обживать Петроградскую сторону и Новую Деревню.

В 1863 г. Дмитрий Николаевич венчался с Пелагеей Феодосьевной Ивановой. Ее мать, Ирина Федоровна, была дочерью дьячка церкви Воскресения в селе Яблоницы Ямбургского уезда, а отец, Феодосий Иванович, был рядовым унтер-штабской команды Кавалергардского полка.

У Дмитрия Николаевича и Пелагеи Феодосьевны было девять человек детей, из которых до взрослых лет дожили лишь двое сыновей, Николай и Валентин, и дочь Екатерина.

В 1893 г. она вышла замуж за вдовца Петра Васильевича Смелова и родила ему единственного сына, Евгения. Отец Женюшки рано умер, и мальчик помнил его очень плохо. «Вот смутное, едва

* Здесь и далее в кавычках приводятся отрывки из воспоминаний Е. П. Смелова, которые не вошли в данную публикацию.

уловимое воспоминание об отце... На границе Новой и Старой Деревни, у маленькой речушки, поросшей травой, отец гуляет со мной. Мне не более 4-х лет. Я прячусь от него. Он зовет и ищет меня. Пугается, думает, что я утонул. Я молчу: меня по-детски жестоко радует его испуг».

После смерти Петра Васильевича мать с малышом переехали жить к бабушке и дедушке на Рыбацкую улицу, что на Петроградской стороне. Дедушка Дмитрий Николаевич служил в Губернской земской управе, получал там хорошее жалованье, на которое мог содержать всю семью. Когда он вышел на пенсию, то за «беспорочную службу» получил потомственное почетное гражданство. В 1904 г. дедушки не стало. Мальчик запомнил, как «в красном углу нашей столовой головой к образу в гробу лежал неподвижный дедушка. Собрались его сослуживцы по Губернской земской управе и смешались с родственниками в ожидании очередной панихиды и следования на Смоленское кладбище. Ждут священника...

Бабушка подходит ко мне и говорит:

— Женюшка, поди причеши дедушку в последний раз...

Как ножом, полоснули меня эти слова... Я каждый день по утрам причесывал жиденькие волосы дедушкины, усы и бороду особым металлическим гребешком, которым только я ведал. Нестерпимо больно было услышать это всегда печальное слово «в последний раз». Меня кто-то поставил на стул пред гробом, бабушка подала мне гребешок, и я причесал дедушку в последний раз, навсегда... Гроб с трудом пронесли по парадной узкой лестнице с 5-го этажа и поставили на дроги, на которые сзади гроба посадили меня и моего двоюродного брата — двух Евгениев.

За гробом шли пешком до храма на Смоленском кладбище бабушка, моя мать и два ее брата, мои родные дяди — Николай и Валентин, жена дяди Коли — тетя моя, и человек 10–15 сослуживцев, да несколько дальних родственников.

Ноябрьский день 1904 г. был сумрачный и теплый, от оттепели снег таял и распространял сырость. Так был похоронен дедушка на 67-й дорожке по правой стороне (если стоять спиной к храму), шагах в 20 от забора».

Вскоре на семейном совете было решено уехать в Лугу, где жизнь была гораздо дешевле, чем в Петербурге, и дедушкиной пенсии должно было хватить на бабушку, мать и Женю. В Луге он пошел в школу — городское четырехклассное училище, которое называлось «высшим начальным». Оно не давало аттестата о среднем образовании, но давало вполне приличные базовые знания и возможность дальнейшей работы, к примеру, мелким чиновником в различных ведомствах. Евгений запомнил своих учителей, некоторые из которых были весьма колоритными фигурами. «В те годы, о которых идет речь, во главе училища стоял инспектор Семен Казимирович Шпаковский. Он был преклонного возраста. Высокий, худощавый, с гладко выбритым лицом и головой, он преподавал математику в старших классах. Ученики его побаивались. Даже на улице, завидев Семена Казимировича, ученик невольно подтягивался и при встрече почтительно снимал фуражку. Так же почтительно отвечал на приветствие и Семен Казимирович.

Полную противоположность инспектору представлял собой другой учитель, преподававший географию, черчение и рисование, Разумник Константинович Константинов. Маленького роста, довольно плотный, коренастый, с черной окладистой бородой, он производил впечатление умного добродушного гнома. В противоположность инспектору его в классе нисколько не боялись, иногда на его уроках шалили. Он все сносил без злобы и раздражения».

«Новый педагогический дух появился в городском училище с назначением к нам нового молодого учителя. Александр Александрович Виноградов поселился в казенной квартире при училище. Это был живой, энергичный, предприимчивый учитель. По внешности он был среднего роста, худощав, с пышными усами в виде щетки. У себя на квартире по вечерам он собирал наиболее способных учеников и читал им с комментариями литературные произведения. Это, разумеется, было по тому времени весьма демократическим новшеством.

Вероятно благодаря ему, однажды на Рождество впервые был организован вечер в специально для этой цели снятом зале. Ве-

чер прошел очень весело. Танцы проходили под духовой военный оркестр. Приглашенных было очень много. Этот вечер не шел ни в какое сравнение с вечерами, которые бывали в реальном училище. В городском училище подлинное шумное веселье с духовым оркестром, танцы, а там, у реалистов чинность, строгий порядок с танцами под рояль на скользком, хорошо натертом паркете».

В тихой патриархальной Луге общественная жизнь протекала в трех местах городка: на базарной площади, в церковном саду и на вокзале. Летом монахи Черемнецкого монастыря и лужане шли крестными ходами к храму на горе у реального училища. Обычай этот установился в давние времена в память об избавлении Луги от эпидемии холеры. Зимой всем городом праздновали Крещенское водосвятие.

Были и светские развлечения. «Летом, каждое воскресенье в беседке церковного сада на самом берегу реки происходил концерт духового оркестра артиллерийской бригады. Дирижировал оркестром талантливый капельмейстер Чекой. Иногда солдаты-солисты размещались в кустах на некотором расстоянии от беседки, где находился оркестр. В вечернем сумраке над рекой разносились чудесные мелодии Мусоргского, Глинки и т. п.

Молодежь, местная и приезжая из столицы (дачники), гуляла в саду. Здесь завязывались знакомства, возникала любовь со всеми драматическими и юмористическими последствиями.

Другим местом городских гуляний был вокзал. Привокзальный перрон был крытый. В любую погоду здесь можно было прогуливаться. Само вокзальное помещение было обширно. В зале ожиданий помещался буфет, содержавшийся татаринном Симаковым. На вокзале имелись даже царские покои. К каждому поезду летом на перрон собиралось много встречающих, провожающих и просто гуляющих. Буфет почти всегда посещался завсегдатаями.

Как место публичных развлечений, волновавших весь город, но не в духовном, а в светском стиле, были ярмарки. Они происходили раз в год на базарной площади. На них съезжались многочисленные купцы-торговцы с самым разнообразным товаром. Шум, гам, крики раздавались в это время над площадью. Ребята

обычно устремлялись к каруселям, где за 3 копейки под гармонь или под шарманку можно было прокатиться верхом на деревянной лошади. Здесь же на базарной площади иногда располагался странствующий цирк Лапиадо. Под высоким брезентовым куполом сооружались расположенные одна над другой деревянные грубо отесанные скамьи, от партера до галерки.

Для лужских ребятишек приезд цирка был увлекательным событием. Тем более что он происходил только в летнюю пору и всегда совпадал с каникулами. Хозяин цирка — Лапиадо — был известным силачом. Его выступления на арене очень нравились молодежи. Особенно восхищал его номер — разбитие на груди и на голове больших булыжников двумя молотобойцами, которые по очереди били молотами по камням.

О силе впечатлений лужских ребят можно судить по такому факту. Один из моих приятелей по школе, ученик Скородумов, убежал вместе с цирком из Луги, чтобы сделаться циркачом».

Именно в Луге у Евгения появился первый друг, Всеволод Садовский, в честь которого он через несколько лет назвал своего сына Всеволодом. «Мать Всеволода, Мария Владимировна, полная представительная женщина, всегда выглядела важной барыней, имела прислугу и знакомилась только с представителями лужского «beau-monde'a». У нее были значительные связи со столицей. К ним иногда приезжали в летнее время довольно высокие лица, вроде Ридигеров, один из которых был министр. В их доме впоследствии я, как говорится, имел честь видеть лицестов, правоведов и пажей и даже разговаривать с ними».

Были и другие знакомые. С Лаврентием (Лаврюшкой) Плинером Евгений учился все четыре года в школе, но затем их пути разошлись. Лаврентий поступил в реальное училище, а после него в Лесной институт в Петербурге. Оттуда «он был призван на военную службу, во время Первой мировой войны служил офицером в какой-то технической части и погиб в Петрограде в первые дни Февральской революции».

Очень приятные воспоминания были связаны с семьей Васильевых, глава которой, Яков Васильевич, был известным всей округе торговцем кожевенным товаром. За свое примерное бла-

гочестие и порядочную состоятельность Яков Васильевич был постоянным помощником церковного старосты. Старший сын, Шура, был инвалидом, в те годы прикованным к кровати. Это был на редкость одаренный мальчик, который впитывал знания, как губка. На дому он окончил реальное училище, а потом поступил в Петроградский университет на химический факультет. Впоследствии он и преподавал там. Младший сын, Анатолий, склонности к наукам не имел. Мать мечтала видеть его священником, и он даже окончил Александро-Невское духовное училище. Но после Октябрьской революции жизнь его завертела, он примкнул к большевикам, стал чекистом. Одно время даже работал директором ленинградского цирка.

Времяпрепровождение лужских мальчишек было обычным для всех мальчишек, живших в маленьких городках. Играли в солдатиков, рыцарские и морские бои, используя собственноручно нарисованных солдатиков, рыцарей, парусные и военные корабли. Играли в индейцев, начитавшись Майн Рида и Фенимора Купера. По свежим следам играли в англо-бурскую войну, воображая себя героями Луи Буссенара. Лето проводили на речках Луге и Обле в бесконечных купаниях, по утрам ходили за ягодами и грибами. Особым шиком было принести в корзине маленькие белые грибы, которых не было видно, но можно было нащупать босыми ногами.

Вольная жизнь закончилась вместе с окончанием школы. Надо было думать, как жить дальше. В 1912 г. семья вернулась в Петербург и поселилась в Новой Деревне на 5-й улице. Детской мечтой было Училище дальнего плавания императора Петра Великого. Женя был принят туда, успешно сдав вступительные экзамены, но не было денег на форму, питание и обучение. Детская мечта рухнула, но появилась другая, уже из взрослой жизни.

В Петербурге юноша стал посещать Народно-миссионерские курсы при Матвеевской церкви на Петроградской стороне, организованные Димитрием Ивановичем Боголюбовым. Боголюбова Евгений видел еще в Луге, где тот запомнился по диспутам с баптистами как миссионер-проповедник, обладавший глубокими знаниями и превосходным даром слова.

Благодаря курсам Евгений нащупал дорожку, по которой он отныне собирался идти по жизни. И эта дорожка была связана со Словом: словом поучающим и словом объяснительным. Вначале это были проповеди, которые он учился произносить в церквях, затем речи и доклады о внутренней и внешней политике государства, которые он строил по всем канонам проповедей. Жизнь забросила его в Военно-морское ведомство, он надел морской китель, но в душе остался все тем же почитающим Слово семинаристом. Но это всё позже.

Пока же, в 1914 г., Евгений успешно сдал экзамены во второй класс Петербургской духовной семинарии, о которой с благодарностью, как о самом важном этапе своей жизни, вспоминал в мемуарах. В 1918 г. он ее окончил в числе студентов последнего выпуска. За четыре года жизнь страны совершенно перевернулась. Революция и Гражданская война перевернули все привычные ценности с ног на голову. Надо было не только физически выжить, но и не потерять при этом человеческий облик. Выжить тогда означало найти работу и еду. И то, и другое обещал Ян Фабрициус, набиравший в Луге добровольцев в Красную Армию.

«Всех лужан — добровольцев — расквартировали за железной дорогой в казармах, на полигоне. У меня не было ни малейшего понятия о военном деле. Но в то время в Красной армии особенно ценились грамотные люди. В общей солдатской массе грамотных было совсем немного. Меня наспех обучили обращению с винтовкой и стали обучать работе на полевых телефонах и на коммутаторе, так как очень нужны были телефонисты, хоть сколько-нибудь знавшие географию и умевшие обращаться с полевыми военными картами».

Так Евгений стал телефонистом второго кабельного отделения роты связи второй бригады шестой стрелковой дивизии. Жил он, как ни странно, на частной квартире вместе с матерью, а солдатским пайком платил за проживание. Весной 1918 г. часть была отправлена во Псков, который был фронтовой зоной. Солдат расквартировали в Кремле, и Евгений (опять вместе с матерью, которая так и сопровождала его во всех фронтовых передвижениях) поселился в маленькой комнатке в семье тамошнего священника.

В ноябре 1918 г. часть бросили в бои с «белоэстонцами». Евгений работал старшим телефонистом при штабном коммутаторе и обеспечивал связь штаба с частями. Однажды кабель перебило, и комбриг Травинский пообещал расстрел на месте, если связь не будет восстановлена за четверть часа. Спасло тогда чудо: кабель залатали буквально за несколько минут до назначенного срока. Вообще, война оставила впечатление холода, голода, грязи, бесконечных перемещений в железнодорожных вагонах и всеобщего хаоса, в котором никто ничего не знает определенно. «Бои с белыми шли близко от города Валк, когда наше отделение прибыло сюда для обслуживания боевого участка. Артиллерийская канонада доносилась до города. Выгрузившись в отведенном нам помещении, мы быстро наладили связь.

В городе царил покойствие, какое бывает в прифронтовой полосе. Я с несколькими приятелями отправился в ближайшую деревушку поискать хлеба: пайковая порция была недостаточной для молодых здоровых желудков, а хлеб насущный был соблазнительной пищей, даже лакомством, что становится понятным до очевидности всегда, когда хлеба не хватает. Мы, конечно, предусмотрительно взяли с собой оружие. У меня в то время был прекрасный японский кавалерийский карабин.

Посоветовавшись, мы решили, что, не зная расположения своих позиций, благоразумнее будет возвратиться в город, тем более что в ту войну, как правило, сплошного фронта не было, и потому можно было, не зная обстановки, нарваться на неприятеля совершенно неожиданно.

Когда мы вернулись на городскую окраину, нашим глазам представилась тревожная картина. Город стал неузнаваем. У ворот и за заборами толпились жители. В окнах мелькали лица обывателей. Жители, видимо, были чем-то встревожены и взволнованы. Они чего-то выжидали и были насторожены. Прежнее спокойствие исчезло.

Во взглядах и повадках обывателей проглядывала едва скрытая к нам враждебность. Оказывается, белоэстонцы теснят нас к городу. Происходят упорные бои. Судьба города зависит от результата этих боев. Удастся красноармейцам остановить ярост-

ное наступление белых, Валк останется в наших руках, а если белые прорвут фронт, то кто может сказать, какая тогда сложится обстановка. Нашему кабельному отделению было приказано, оставив только дежурных, немедленно погрузиться в эшелон и ждать дальнейших распоряжений».

Евгений был далек от политики, не имел ни малейшего представления о марксизме, не читал Ленина, поэтому происходящие события пытался объяснить себе единственно доступным ему способом — с точки зрения справедливости. «Что касается целей революции и их справедливости или несправедливости, то библейские легенды и особенно новозаветные поучения давали мне весьма широкий, глубокий и многогранный простор для подходящих размышлений. Библейские обличения золотого кумира, презрение Христа и первых его последователей к земному богатству мне очень нравились. А, например, то, что на приветствие Елизаветы “рече Мариам” меня на каждой всеобщей давно уже приводило в восторг. А “рече Мариам сице: сильный... сотвори державу мышцею своею, расточи гордыя мыслию сердца их. Низложи сильныя со престол и вознесе смиренныя. Алчущыя исполни благ и богатыяся отпусти тщи”.

С этой точки зрения, в моем тогдашнем семинарском представлении революционный народ совершенно справедливо сурово обращался с богатыми, разжиревшими и зазнавшимися господами, эксплуататорами и их охранителями. В этом был даже какой-то провиденциализм. Люди, подобные Фабрициусу, были карающей десницей в руках исторического Правосудия».

В начале 1919 г. Евгений заболел сыпным тифом, с большим трудом пошел на поправку и был направлен на долечивание в Петроград. «Петроград тех дней не был похож на прежнюю столицу. Невский проспект непривычно поражал взгляд безлюдьем. Бывшие роскошные магазины пустовали. Многие зияли разбитыми витринами и были заколочены досками. Но меня поразил тогда, как и после Второй мировой войны, не его внешний печально-унылый вид. Меня больше всего поразил страшный звук чужих голосов за хорошо знакомыми дверями. Кладбищенской суровостью веяло от квартир “сродников и знаемых”. Ни

сродников, ни знакомых уже не было на этом свете. Оставались только живые душевные воспоминания о них, да старые квартиры, занятые незнакомыми людьми». Умерла бабушка, умер любимый мамин брат, дядя Валя, духовно заменивший Евгению отца.

Именно к этому времени относится встреча на Загородном проспекте бывшего семинариста Смелова и ректора семинарии протоиерея Василия Мартинсона. Евгений донес до Витебского вокзала чемоданчик отца ректора, который уезжал из России навсегда.

В Петрограде Евгений поселился в знаменитом доме Фредерикса на Лиговке, напротив Московского вокзала. Поход Юденича на Петроград весной 1919 г. «превратил меня в порядке общественной нагрузки в коменданта бывшего дома Фредерикса. Не помню, кто нашел целесообразным именно на меня возложить столь хлопотливые, беспокойные обязанности. Главная из них состояла в организации круглосуточных дежурств у ворот и на лестницах дома всеми его обитателями».

Была и «основная» служба. При многих частях организовывались особые комиссии по снабжению. При 19-й стрелковой дивизии РККА, к которой был приписан Евгений, работала аналогичная комиссия, а сам Евгений был назначен на должность помощника заведующего огородами. Назначение само по себе носило характер насмешки, если не фарса, ибо этот самый помощник не имел ни малейшего представления о сельском хозяйстве и легко путал редьку с редиской. Тем не менее, на этом посту был выполнен ряд важных поручений, включая реквизицию весов на Клинском рынке и доставка плуга на трамвае с Фонтанки в Лесной. Надолго запомнился также лихой вояж верхом на лошади из того же Лесного до Введенской улицы, где жила невеста Евгения.

К этому же времени относится поступление в Первый Медицинский институт, где наибольшее впечатление произвели лекции по ботанике профессора Надсона и по зоологии профессора Николая Михайловича Книповича. Кажется, восторг от лекций не в последнюю очередь был связан с тем, что в них снова было

много латыни, греческого и французского языков, напоминавших о семинарии. «Я видел и убеждался из разговоров с другими студентами и студентками однокурсниками, что лекции любезного нам профессора (Надсона) я понимаю отнюдь не слабее, а во многих случаях, как мне казалось, глубже товарищей и что причиной этого является не моя личная одаренность, а то, что я лучше их знал логику, ибо этот предмет увлекал меня еще в семинарии». Кроме того, «профессор поражал своим лекторским талантом. В моих глазах он олицетворял собой саму “гомилетику”».

Знания, полученные в семинарии, будут долго еще тешить самолюбие, а встреченные на жизненном пути люди сравниваться с семинарскими преподавателями. То похвалит профессор Института восточных языков, куда Евгений вознамерился поступать. «Сухощавый седой профессор беседовал со мной по вопросам моего предшествующего образования и в особенности знакомства с иностранными языками. Окончание мною семинарии явно удовлетворило его. Видимо, по его мнению, изучение греческого языка в какой-то мере полезно для желающих изучать слишком своеобразные языки Востока». То обратится за поддержкой в филологическом споре преподаватель Политехнического института им. Рошаля И. А. Давыдов-Борисов (дело касалось латинского окончания одного прилагательного).

К концу первого курса института выяснилось, что красноармеец Смелов явно мешает студенту Смелову пополнять свой умственный багаж новыми знаниями. Но кормил себя и мать красноармеец, а не студент. Институт пришлось бросить.

В декабре 1919 г. Евгений женился на Евгении Степановне Александровой и переехал жить к ней на Введенскую, 12. Квартира была большая, ее еще с дореволюционных времен снимал Степан Александрович Александров, работавший в издательском доме Суворина, в отделе, как мы бы сейчас сказали, «Книга-почтой». Кроме них, в квартире жила еще старшая сестра Евгении Степановны, Мария. На Введенскую стали приходиться гости, такие же молодые и жаждущие интеллектуального общения. Это был и давний приятель, еще по семинарии, Иван Алексеев, и лужский друг Всеволод Садовский, и новый

приятель, молодой военврач Сергей Евгеньевич Советов, и подруги жены.

Одна из посетительниц этих собраний, студентка-медичка по фамилии Кабардина, познакомила Евгения со своим мужем, тогда еще тоже студентом исторического факультета, Владимиром Николаевичем Кашиным. Встреча с этим человеком во многом определила дальнейшую жизнь Евгения.

Кашин был старше всего на четыре года, но реальная разница была гораздо больше. В Университете он учился еще до Октябрьской революции, увлекся марксизмом, «заработал» ссылку, откуда бежал за границу и смог вернуться в Петроград только после Февральской революции. «В разговорах со мной он нередко проявлял интерес к семинарским настроениям в период первой мировой войны и буржуазно-демократической революции 1917 года. Расспрашивал он меня и о семинарском преподавании. В то время у меня еще сохранялись семинарские сочинения. Он ими очень заинтересовался, попросил их дать ему, и они так у него и пропали. Разумеется, он не только учился, но и работал — во многих местах читал лекции по русской истории». Кашин посоветовал Евгению демобилизоваться из Красной армии и сразу же после этого взял к себе помощником в учебно-лекторский отдел Дорпрофсожа Мурманской железной дороги, где подрабатывал, как все в то время.

Новая работа состояла в организации лекций и докладов для сотрудников Мурманки, для чего приглашался «цвет» петроградской профессуры. Это был своего рода «подкорм» научной и творческой интеллигенции, без чего многие из них, может быть, не пережили бы первые послереволюционные годы. «Хороших докладчиков, лекторов, педагогов мне, по указанию Влад. Нича, сравнительно легко удавалось привлекать к работе в нашем учебно-лекторском бюро, так как имелась возможность многих из них по совместительству зачислять на штатную должность с получением при этом продовольственного ж. д. пайка и бесплатного проезда один раз в месяц по ж. д. на любое расстояние членам семьи за покупкой на вольном рынке продуктов питания».

Первым мероприятием после переезда Дорпрофсожа в дом «Перцова» на Лиговке стал вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Некрасова, на который был приглашен известный некрасовед, профессор Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов. Он запомнился «не только своим глубоким знанием произведений Некрасова, но и той сердечной связью, которую питал к своему любимому поэту».

Однажды Кашин предложил пригласить на очередную лекцию Анатолия Федоровича Кони, имя которого ничего Евгению не говорило. Последовал обстоятельный рассказ о знаменитом юристе, после чего помощник начальника лекторского отдела отправился на Надеждинскую (Маяковского) улицу, куда впоследствии приходил довольно часто.

«Мне хорошо запомнилось его старческое лицо с отчетливыми следами пройденного жизненного пути. Когда мне по делам службы приходилось сидеть напротив Анатолия Федоровича в его обширном, казавшимся пустым кабинете (он всегда сидел в темном углу за письменным столом), я мог хорошо рассмотреть его лицо. Это было лицо мыслителя. Большой лоб, голова, покрытая седыми волосами, две глубокие морщины над переносицей, небольшие седые усы и борода, закрывающая только подбородок и напоминающая широкую лопату, вероятно, модная во времена Сергея Тимофеевича Аксакова, украшавшего себя такой же бородой. Особенное впечатление производили на меня губы и глаза Анатолия Федоровича. Сжатые тонкие губы свидетельствовали о самообладании, о крепкой воле этого человека, а в его глазах отражались неповторимые образы прошлого... Мне иногда казалось, что, пожимая руку Анатолия Федоровича, я ощущаю своей рукой пожатие невидимой руки Льва Николаевича Толстого, Николая Алексеевича Некрасова и всех тех великих представителей нашей истории, которые некогда пожимали эту руку.

Каждая лекция А. Ф. Кони проходила при переполненной аудитории, безразлично на какую бы тему он не читал. Читал он, всегда сидя за столом, из-за которого видны были только его голова и плечи. До глубокой старости он сохранил не только способность к живой, яркой, блестящей, неповторимо оригиналь-

ной мысли, но и все ораторские приемы выражать свою мысль без вычурности, без всякого намека на искусственные, поддельные, мишурные блески. Слушать его было истинное наслаждение. Он умел покорять аудиторию, причем без всякого приметного усилия.

Как старый интеллигент А. Ф. Кони отличался общим, присущим этой породе людей, к сожалению почти исчезнувшей, ярким признаком: исключительной аккуратностью в отношении взятых на себя добровольно обязательств. Щепетильная честность никогда не покидала этих людей. Маститый старик, удрученный годами и недугами, всегда находил и время, и силы, чтобы заблаговременно письменно предупредить меня о невозможности прийти прочесть назначенную лекцию. Его записка очень любезного содержания никогда не писалась на каком попало клочке бумажки (как, кстати говоря, это часто делал впоследствии проф. Е. В. Тарле).

Обычно извещение вкладывалось в конвертик небольшого формата белого цвета, на котором старческой рукой, но очень ясно и четко кроме имени, отчества и фамилии адресата всегда приписывалось в правом верхнем углу — “нужное” или “спешное”, но не “срочное”, как это иногда делается невдумчивыми письмотворцами, не понявшими различия между русскими словами “срочный” и “спешный”. Они имеют совершенно разный смысл.

Получая от Кони его предупредительные уведомления, я никогда не видел на конверте справа слова “срочный”. И это было поучительно! Записки на самом деле были не срочные, а именно “спешные”... И А. Ф. Кони не только сам это прекрасно понимал (еще бы!), но учил всегда своим вдумчивым примером людей, с которыми даже случайно вступал в общение, бережному, уважительному отношению, грамотному подходу к каждому слову родного языка. Это было истинно интеллигентское, умное, благородное отношение к силе и красоте великого, могучего, правдивого и свободного русского языка.

А. Ф. Кони знал, что я бывший “бурсак”. Может быть, поэтому он однажды рассказал мне случай из школьных лет своей жизни. Этот рассказ иллюстрировал роль и значение профессио-

нальной находчивости человека в любых затруднительных обстоятельствах. Здесь речь шла о словесной находчивости, что в иных случаях едва ли не самый трудный ее вид.

А. Ф. Кони учился в Первой Санкт-Петербургской гимназии. В последнем классе преподавалась космография... И вот гимназисты, шутки ради, решили на уроке закона Божия столкнуть лбами Библию с наукой... Обычная ученическая затея. Чтобы понять смысл намеченной шутки, надо знать, как же именно гимназистам представлялось то противоречие между космографией и законом Божиим, которое они захотели продемонстрировать священнику, т. е. преподавателю закона Божия.

В том месте Ветхого Завета, т. е. в первой части Библии, где рассказывается о завоевании и разделении евреями земли обетованной, описано чудесное происшествие во время битвы евреев под предводительством Иисуса Навина с хананеянами. Бой продолжался целый день. Победу одержали евреи. Хананеяне обратились в бегство. В это время разразилась буря со страшным каменным градом. Град убивал бегущих. А солнце уже склонилось к западу. Вот-вот наступит ночная тьма, и враги евреев не будут добыты.

Еврейский полководец Иисус Навин очень хотел в этот день добить врагов. Он громогласно воскликнул, обращаясь к солнцу: “Стой, солнце!” И вдруг солнце тотчас же остановилось и не закатывалось за горизонт, пока еврейские воины не уничтожили почти всех своих врагов. Этот фантастический библейский рассказ из 10-й главы книги Иисуса Навина показался гимназистам вполне подходящим, чтобы “подкузьмить” священника на уроке закона Божия.

Один из наиболее бойких учеников поднялся с места и спросил разрешения задать вопрос священнику. Тот разрешил. Вопрос был заранее обдуман и выглядел примерно так: “В Библии говорится, что однажды Иисус Навин остановил солнце. Это мы знаем из закона Божия, а из космографии мы знаем, что в отношении земли солнце всегда находится в одном и том же положении, а земля движется вокруг него. Как примирить такое противоречие между законом Божиим и космографией?”

Мы знали, добавил, Анатолий Федорович, что священник был и образован, и умен, но все же нам казалось, что своим вопросом мы посадили его “в галошу”, и ему не выкрутиться. И что же? Священник весело улыбнулся, обозвал нас “желторотыми юнцами” и в свою очередь, даже с некоторым недоумением спросил нас: “Какое же вы тут увидели противоречие?” И продолжая свой вопрос, он уже довольно строго, не роняя своего авторитета, спросил, обращаясь ко всему классу: “Скажите! Вы изучаете космографию до Иисуса Навина или... после него?!”

Все ответили хором, что, конечно, после Иисуса Навина...

— Ну вот, — заключил священник, — значит, никакого противоречия тут нет! В космографии совершенно правильно отразился тот факт, что Иисус Навин “остановил” солнце. Вот оно теперь и стоит, как вы сказали, в отношении земли. Другое дело, если бы мы изучали космографию до Иисуса Навина. Тогда бы противоречие было бы несомненное...

Находчивость священника поразила весь класс. Мы были восхищены его остроумным ответом, и конечно, он стал ходить по рукам всей гимназии и за ее стенами».

В последний раз Евгений видел А. Ф. Кони в 1924 г., когда в Академии наук отмечалось его восьмидесятилетие. Специально к этому юбилею театр Гайдебурова поставил пьеску, изображавшую «суд» над Кони. «Вот артист, играющий роль председателя суда, предоставляет слово артисту, изображающему секретаря, для прочтения обвинительного акта. Акт составлен в серьезно-юмористическом тоне, на что, видимо, П. П. Гайдебуров был способный мастер. По смыслу этого акта А. Ф. Кони обвинялся в том, что, будучи по профессии юристом и судебным деятелем, он в течение всей своей сознательной жизни находился в незаконной переписке с такими подозрительными людьми крамольного духа, каковы, например, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, В. Г. Короленко и т. д. Это обвинение подтверждалось чтением отрывков из ранее не опубликованных писем А. Ф. Кони к ним и их писем к нему.

Отрывки были подобраны с большим вкусом и производили сильное впечатление на слушателей, воскрешая голоса великих

представителей русской литературы. Но этим суровое обвинение А. Ф. Кони в его явной преступности не ограничивалось. Мало того, что обвиняемый находился в преступных отношениях с подозрительными людьми и тем самым являлся их соучастником, но и сам он в течение своей жизни позволял себе писать, сочинять и печатать такие сочинения, которые самым вопиющим образом попирали его официальное государственное служение как юриста и судебного деятеля.

Этот пункт обвинения, бесспорно, подтверждался ссылками на все то, что опубликовал обвиняемый под общим названием “На жизненном пути”. Все это обвиняемый совершил с заранее обдуманскими намерениями и т. д.

Вслед за прочтением обвинительного акта слово было предоставлено представителю медицинской экспертизы. Он объяснил суду, что обвиняемый страдает тяжелой наследственностью: отец его был писатель и театральный критик. Кроме того, он был еще и редактор-издатель журнала “Пантеон и Репертуар русской сцены”. От отца и передалась по наследственности обвиняемому непреодолимая страсть к литературной работе, с которой он не мог справиться.

Речь обвинителя ввиду полной ясности состава преступления была очень кратка и повторила то, что содержалось в обвинительном акте, не требуя доказательств.

Защитник, опираясь на мнение судебно-врачебной экспертизы и не имея возможности опровергнуть силу обвинения, просил снисходительно отнестись к одержимому тяжелой наследственностью своему подзащитному.

Приговор суда был также немногословен и сводился к тому, что ввиду отсутствия в советском уголовном кодексе соответствующей статьи, по которой можно было бы осудить обвиняемого, апеллировать к суду истории! Инсценировка вызвала дружные аплодисменты и в публике, и в президиуме».

В 1921 г. лекторский отдел Дорпрофсожа организовал благотворительный вечер для сбора средств голодающим Поволжья. Благотворительность всегда ассоциировалась с Церковью, поэтому на такие вечера и в Москве, и в Петрограде приглашали

священников. Именно им доверяли люди свои драгоценности и деньги, зная, что все это не пропадет в чужих карманах, а дойдет в виде продовольствия до голодающих.

«Особенно среди докладчиков выделялся тогда талантливый священник, горячий сторонник церковной реформы Александр Введенский (впоследствии — глава так называемой “живой церкви”). Его лекции пользовались огромным успехом благодаря его несомненному пламенному красноречию, способному волновать душу и вызывать слезы у впечатлительных людей.

Его доклады всегда давали полные сборы и не ограничивались продажей входных билетов. Слушатели его необыкновенно ярких призывов иногда доходили до непонятного состояния. Они тут же на лекции снимали с рук золотые браслеты, кольца, серьги и жертвовали на голодающих».

Именно Введенского было решено пригласить для чтения доклада на Мурманской железной дороге, но в это время его не оказалось в городе. Тогда обратились к настоятелю Матвеевской церкви Альбинскому. Он тоже не смог, но порекомендовал пригласить протоиерея Владимирского собора Красницкого. «Этот священник был хороший проповедник. Про него говорили, что ему нравится выступать в рабочей аудитории. Он был убежден, что живая христианская правда всегда найдет доступ к сердцу рабочего человека. Он нередко принимал участие в диспутах по вопросам веры и неверия, что тогда было модно. В Красницком я не ошибся. Он согласился выступить с докладом в зале Мурманской ж. д. По своему ораторскому таланту он значительно уступал Введенскому, но все же был, несомненно, талантлив».

«Модными» были в то время открытые диспуты между «верующими» и «неверующими». «Они были всегда многолюдны, страстны, интересны. Приходили на них разнообразные слои населения, в немалом количестве и рабочие всех возрастов. В этом не было ничего странного, не только потому, что сами по себе вопросы веры и неверия интересовали многих, но еще и потому, что на этих диспутах предоставлялась возможность услышать выдающихся по культуре и ораторскому искусству представителей противоположных точек зрения.

В частности, здесь часто выступал тогдашний народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, все-сторонне образованный в гуманитарном духе и удивительно красноречивый и крайне находчивый оратор. Его обычным оппонентом был протоиерей А. И. Введенский. Это были достойные противники, стоящие на противоположных позициях. Словесный поединок был увлекателен, и тогдашние “болельщики” за правду-истину были не менее восторженны и горячи, чем теперешние футбольные безумцы.

Я много раз слышал в то время, будто бы Луначарский и Введенский школьные, гимназические или университетские товарищи... Каждый из них хорошо знал вооружение своего противника и относился к нему с уважением. Несмотря на всю силу и остроту своих ударов, иногда достигавших высокой находчивости и классического остроумия, ни один из них не переходил границ такта и взаимного уважения».

В конце 1921 г. В. Н. Кашин предложил Евгению место секретаря учебной части Центральных политических курсов Балтийского флота, которые размещались на Галерной, 51. Именно с этого времени и до пенсионных лет Евгений Петрович проработал на самых различных должностях в Военно-морском ведомстве. Вскоре Политкурсы были переименованы в Военно-морское политучилище им. Рошалья. «Теперь я попал в такой бурный поток политических мыслей и страстей, что, говоря фигурально, меня совершенно завертело в этом водовороте. До сего времени я никогда не слышал таких речей, какие услышал здесь. Меня восхищало все: и постоянное общение с представителями науки, с представителями всех направлений и с закаленными “солдатами” революции; сама работа захватила меня целиком. В душе я гордился, что мне пришлось работать и среди моряков, и среди ученых».

Снова, как и на Мурманке, пришлось организовывать лекции профессоров, многие из которых уже были знакомы. Курс западной новой истории читал Е. В. Тарле, курс математики И. И. Грацианский, курс биологии профессор Б. Е. Райков, политэконо-

мию — профессора Святловский и Чернышев, историю — профессор Вульфус.

В 1928 г. Политучилище им. Рошаля было расформировано, и Евгений Смелов был переведен в Военно-морскую академию им. Ворошилова на должность заведующего учебными кабинетами. Он отвечал за их оборудование и снабжение: техническими средствами, учебными пособиями, лабораторными приборами.

Именно в те годы дед начал собирать свою библиотеку, отдавая предпочтение мемуарной литературе. «В те годы в Рабочем издательстве “Прибой” выходило множество всякого рода воспоминаний о Февральской и Октябрьской революции и о Гражданской войне в России, и я усердно читал воспоминания Деникина “Русская смута”, Родзянко о Керенском, Шульгина и др. тогдашних мемуаристов».

Новую жизнь понять было очень трудно, практически невозможно. Надо было ломать себя, получая жестокие уроки каждый день, слушая разглагольствования молодых «архилевых» преподавателей Академии о русской классической литературе как о «подножном корме» новых людей («подножным кормом» назывались произведения Толстого, Тургенева и Чехова), присутствуя на открытых партсобраниях и пытаюсь найти смысл в произносимых там словах. «Помню, как на одном из них я впервые услышал выражение “политико-моральное состояние”. Оно привлекло к себе мое внимание, может быть, даже по аналогии со знакомым мне теологическим понятием о морали. Я попросил слова и попытался разъяснить, что в слиянии этих двух понятий, политического и морального, надо, по моему мнению, отдать первенствующую роль моральному, а не политическому фактору. Меня никто не перебил, никто мне не возразил на собрании, и лишь после собрания кто-то из коммунистов разъяснил мне, что в этом понятии нельзя отделять политику от морали, т. к. речь идет о классовой борьбе и о пролетарской морали, которая не имеет ничего общего с моралью религиозной, приспособленной к утверждению власти эксплуататоров над эксплуатируемыми».

Возникла новая порода людей. В академии получали в это время образование будущие адмиралы-флотоводцы, как, напри-

мер, Трибуц, Пантелеев, Басистый, Крупский, Далинин, Александров и др. «Эти, тогда молодые люди, несли с собой новые взгляды на жизнь, гораздо более меркантильные, чем революционные моряки времен гражданской войны. Именно тогда и от молодых слушателей академии я услышал впервые многозначительное выражение — “делить по-новому государственный пирог”... И они учились с большим успехом его делить... Они упорно стремились заменить собой старых специалистов, занять их место и перестроить всё по-своему. До того времени на пути к безудержному стяжательству и буржуазной роскоши преградой стоял ленинский “партмаксимум”. Теперь он исчез... Новый принцип оплаты по качеству и количеству труда дал всем любителям неограниченной наживы путевку в жизнь. На этой новой основе выросла новая порода советских людей 2-й половины XX века».

Жизнь превратилась в автоматическое исполнение приказов вышестоящих начальников и строжайшую самодисциплину, где исключалось случайно сказанное слово. В этой жизни был прием в партию в 1928 г. и успешно пройденная чистка ее рядов в 1933 г. В партии его оставили, но «своим» он так и не стал никогда.

Были и светлые моменты. В 1922 г. родился сын Всеволод, в 1926 — дочь Ольга. В 1927–28 гг. Евгений Петрович стал работать по совместительству заведующим вечерней школой им. Калинина, которая располагалась в здании бывшего Андреевского училища на Васильевском острове. Там он преподавал полюбившуюся ему математику. В 1931 г. Евгений Петрович поступил на заочное отделение историко-филологического факультета Ленинградского Педагогического института им. Герцена. Это была настоящая отдушина, потому что можно было заняться любимым делом — снова засесть за книги. В институте снова спасали семинарские знания. Без них, к примеру, он не сдал бы экзамен по языкознанию. В основе преподавания этого предмета лежало «новое учение о языке», или «яфетидология» академика Марра. Он считал кавказские наречия пра-языком индоевропейцев, и без их знания на экзамене делать было нечего. Правда, можно было заучить «классовое» обоснование этой теории. Вот как

следовало отвечать на вопрос о «среднем роде» в яфетидологии. «В концепции “Нового учения о языке” “средний род” в едином глоттогоническом процессе отражает классовую структуру общественных отношений. При всем многообразии языковых “скрещиваний” и филологических “взрывов” в обществе наряду с антагонистическими классами всегда существовали средние элементы, промежуточные прослойки, то, что в иных языках выступает в роли среднего рода...» Спасло, как ни странно, другое: знакомство с древнеславянским, церковно-славянским, древнееврейским, латинским, древнегреческим, немецким и французским языками.

После окончания Педагогического института Евгений Петрович в течение шести лет преподавал русский язык в учебном отряде подводного плавания. В 1940 г. преподавание было возложено только на гражданских лиц, и деда перевели научным сотрудником в исторический отдел Главного штаба Военно-морского флота. Там он встретил известие о начале войны. 14 августа сотрудники Военно-морской академии и исторического отдела погрузились в теплушки и отправились в эвакуацию: сначала в Астрахань, потом в Куйбышев. С Евгением ехали мать, жена и дочь. Сын, проходивший срочную службу на базе ВМФ за Ораниенбаумом, оказался уже в зоне боевых действий.

В Астрахани умерла старушка мать, в 1945 г. погиб сын Всеволод, бежавший из плена и попавший в штрафной батальон, откуда живыми выходили редко. На протяжении всей эвакуации вспоминался золотой шпиль Петропавловской крепости, как его можно видеть с Кировского (Троицкого) моста.

В 1948 г. в звании капитана второго ранга Евгений Петрович Смелов вышел в отставку. Лет десять после этого писал мемуары, вспоминая прожитые годы. Скончался 14 сентября 1973 г. Под конец жизни домашние часто слышали шаркающие старческие шаги и невнятное бормотание, доносившиеся по утрам и вечерам из комнаты деда. Он мерил шагами взад и вперед свою длинную узкую комнату и молился, молился, молился...

Евгений Петрович Смелов

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ГОДАХ ОБУЧЕНИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
(1912–1918 ГГ.)**

I

По прошению моему на имя Санкт-Петербургского митрополита я был допущен к экзаменам в первый класс духовной семинарии весной 1912 г. Экзамены я держал, но успеха не имел. Моя самостоятельная подготовка по тем предметам, которые я не проходил в городском училище, оказалась далеко не достаточной. В приеме мне было отказано.

Мои переживания были очень тяжелы. Опереться было не на что и не на кого. Силы мои падали, мрак безнадежности, как черная ночь, овладевал моей душой. Я стоял на пороге отчаянья. Реального выхода из нового житейского тупика я не видел. Его и не было в тот момент. Но все же какая-то едва тлеющая сладкая надежда где-то теплилась в глубине моего сердца.

И вдруг всё оживилось, засияло светом нового вдохновения.

Так иногда пробуждение спасает нас от кошмарного сновидения...

В это время таким счастливым для меня пробуждением было неожиданное сообщение об открытии при Матвеевской церкви на Петербургской стороне «Народно-миссионерских курсов».

В объявлении говорилось, что курсы предполагается открыть в конце сентября 1912 г., что на курсах будут преподаваться история и разбор сектантских вероучений, что в состав курсантов усердно приглашаются православные христиане, не запятанные дурными поступками в жизни, ревнующие о своей вере и хорошо грамотные, и, наконец, что желающие поступить на курсы и посещать их, по возможности без пропусков, благоволят о том прислать письменное заявление на имя руководителя курсов по указанному адресу.

Эта новость меня крайне заинтересовала. Борьба с сектантами еще в Луге меня интересовала и увлекала. А тут представляется возможность хорошо подготовиться к такой, как мне тогда казалось, благородной борьбе.

Я воспрянул духом. Но какова же была моя радость, когда одновременно я узнал, что организатором курсов является тот самый миссионер — проповедник Димитрий Иванович Боголюбов¹, который некогда в Луге так поразил меня своим отменным даром слова и своими знаниями².

* * *

Бывали жуткие ночные набаты. На соборной колокольне был огромный колокол, подаренный храму местным купцом в благодарность Богу за выигрыш семидесяти пяти тысяч. И вот, когда в г. Луге случался сильный пожар, то население оповещалось звоном в этот колокол.

На этот раз звон раздался днем, но совершенно не в обычное время. Однако все поняли его причину. Понял ее и я, 15 — или 16-летний мальчуган, ученик 3-го класса Лужского 4-классного городского училища. За несколько дней до этого благовеста на уроке закона Божия священник Александр Сперанский³ сообщил ученикам, что в ближайшие дни из столицы приедет в наш город епархиальный миссионер и будет вести беседы с местными сектантами. Священник сказал, что миссионер — это такой человек, который знает всю Библию наизусть и может в любое время ответить на какой угодно вопрос о православной вере.

Мне показалось тогда это поразительным. Не ахти какое мудреное дело выучить катехизис — а попробуй-ка... Но что такое катехизис по сравнению с Библией? — капля в море! Да ведь, думал я, миссионер-то знает Библию, вероятно, не только по-русски, но и по-славянски. Вот это память!

О миссионерах я тогда услышал впервые. Но интерес к их деятельности был уже подготовлен во мне сектантскими беседами. Мне хорошо был знаком двухэтажный деревянный дом вблизи костела. В первом его этаже происходили собрания сектантов. В секту обратились некоторые хорошо известные лужане. Особенно ревностным неопитом, горячим, говорливым и неутомимым был квасник Шишин. В недалеком прошлом горький пьяница. Его несчастная жена с малолетними детьми много страдала от беспутного мужа. Его квасное заведение помещалось в подвальном этаже на главной улице и славилось прекрасным качеством своей продукции. С переходом в сектантство жизнь Шишина изменилась до неузнаваемости. Это был другой человек: трезвый, рассудительный, трудолюбивый и ревностный в делах новой веры. Жена не могла нарадоваться на такую чудесную перемену в муже.

Мои приятели и я с ними в жаркую летнюю погоду частенько заходили в квасную. Там всегда было прохладно. Радушие хозяйина и хозяйки нам тоже очень нравилось. Бывало, Шишин подсядет к столу со своими рассказами о его беседах с лужскими священниками, а нам, ребятам, и любо. Его оригинальная наружность производила на нас сильное впечатление. Высокий, худощавый, с черной бородой и черными горящими глазами, он был похож на аскета. Речь его была всегда живая, горячая, остроумная, с большим количеством текстов из Св. Писания. Мне это очень нравилось. Он без малейшего колебания был убежден в своем спасении, и это нисколько не удивительно для человека, сумевшего побороть в себе губительный алкоголизм и связанную с ним распущенность. Его представление о православии после обращения в сектантство, как это очень часто бывает с сектантами, стало самым отрицательным. Пьянство, распутство в его сознании отождествлялось с православной верой. Можно было

подумать, что о православии, если когда он думал, то только в нетрезвом состоянии.

Поэтому, когда священники попытались вернуть его в лоно Православной Церкви, то неизменно наталкивались на его непреодолимый вопрос: а где вы были, когда я был окаянными грешником?

«И вот, говорю я о. Анатолию (настоятелю лужского собора), — рассказывает Шишин, — когда я валялся по канавам, сквернословил, беспробудно пьянствовал, потерял образ и подобие Божие, вы, духовные пастыри, не хотели меня замечать, проходили мимо, как левиты в притче о милосердном самаритянине... Когда ваша помощь была нужна моей окаянной душе, вы мне не захотели помочь. Чего же вы лезете теперь ко мне со своими праздными и ненужными увещаниями? Я нашел своего Спасителя. А вы хотите снова оторвать меня от Него, снова ввергнуть в пучину нечестия, заставить жить, как живут православные грешники, по стихиям мира сего? Вы меня искушаете, как сатана искушал Христа в пустыне. Отойдите от меня и идите не к спасенным святым, каким сделал меня Христос Господь мой, а к православным грешникам, не знающим спасения...»

Эти убежденные, восторженные шишинские рассказы мне нравились. Не только эти смелые сектантские рассуждения нравились мне слушать из уст Шишина. Нравились мне иногда поспорить с ним о слове Божиим. Как всякий сектант, Шишин заучивал тексты Св. Писания и любил поговорить на религиозную тему. Он иногда и публично выступал с импровизированными проповедями на сектантских открытых собраниях, чему я был свидетелем.

Бывали случаи, что в спорах с Шишиным я, основываясь на катехизисе и истории Церкви, ставил его своими вопросами и возражениями в затруднение. Но, как правило, он в то время оказывался гораздо начитаннее и сообразительнее меня, да и его житейский опыт был несравним с моим, а это в любом споре имеет немаловажное значение. Вот почему предстоящий приезд миссионера в Лугу меня очень интересовал. Я предполагал, что сектантские проповедники попробуют сразиться с право-

славным миссионером, т. к. их самоуверенность, убежденность и страстность были очень велики. Но я не мог думать в то время, что этот приезд миссионера сыграет в моей жизни исключительную роль и что сам миссионер станет впоследствии моим наставником и благодетелем.

Итак, соборный благовест призывал лужан на проповедь миссионера, а может быть, и на вероучительный диспут. Я поспешил в собор. Пробраться сколько-нибудь к амвону не было никакой возможности. Люди были буквально притиснуты друг к другу. На хорах также разместились слушатели. Я кое-как протиснулся от дверей и стоял прижатый со всех сторон. На середину амвона к поставленному аналою вышел миссионер, он был в стихаре, но рассмотреть его наружность я не мог.

Перед началом проповеди миссионер-проповедник просил верующих пропеть молитву Господню. Раздалось мощное пение всеми присутствующими молитвы «Отче наш»... Проповедь началась. Голос проповедника в первую минуту мне не понравился — звонкий, ясный тенор. Он говорил на такой текст из послания ап. Павла к Римлянам (13:12–14):

«Ночь прошла, а день приблизился: итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированию и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа и попечения о плоти не превращайте в похоти».

Я внимательно слушал каждое слово проповедника, слово пламенное, образное, красноречивое своей простотой и понятностью. По мере слушания сам голос проповедника на меня производил все более и более сильное впечатление. После проповеди в храме около амвона послышался какой-то громкий говор. Я за народом не мог видеть, что там происходит. Оказалось, что к амвону просили пропустить себя кто-то из сектантской общины. Вероятно, среди них был и Шишин. Они что-то кричали, по-видимому, задавая миссионеру какие-то вопросы.

Миссионер просил слушателей успокоиться и пропустить сектантов вперед. До меня долетали лишь отрывки того, что го-

ворили сектанты. Они упрекали православных в идолопоклонстве, указывая на иконы. Они хвалились своей святостью и спасенностью. В их довольно грубых выпадах и в ясных ответах миссионера была полная противоположность и по культуре речи, и по силе аргументации, по силе убедительности. Во всей манере миссионера ярко бросалось в глаза глубокое знание Св. Писания, опытность в простом и ясном истолковании каждого спорного положения.

Например, разъясняя сектантам ложность твердой, непоколебимой уверенности в своем несомненном спасении, миссионер сказал:

— Нет и не может быть в слове Божиим для верующего человека основания быть так, по-сектантски уверенным в своем спасении, иначе зачем бы апостол Павел в послании к Римлянам с такой настойчивостью сказал «Мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо, если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении»⁴.

Было совершенно ясно, что сектанты в своем понимании спасения полностью разошлись со Св. Писанием и со всеми христианскими церковными традициями. Во всей Библии нельзя найти текста, из которого вытекало бы, что каждый сектант в отдельности может о себе говорить, что после своей смерти он непременно будет в раю. Это ослепление и основа духовной гордыни, противной христианскому смирению.

Прямым последствием приезда миссионера в Лугу для меня было то, что я, тогдашний ученик третьего класса Лужского 4-классного городского училища, воспылал ревностью к защите православия и к борьбе с сектантскими заблуждениями. С другой стороны, после приезда миссионера, вероятно, под его влиянием, приходское духовенство стало проводить регулярные беседы не в храме, а в частном помещении. Я ходил и на эти беседы, и на сектантские собрания. Помнится, беседы священников, в том числе и моего законоучителя о. Александра Сперанского, несравненно меньше интересовали меня, чем сектантские собрания.

Пастырские беседы были сухи, вялы, бесстрастны. Дело сводилось к чтению чего-то уже напечатанного. А что может быть более чуждо живой и впечатлительной юношеской душе, чем монотонное чтение, предназначенное для благочестивых старушек? Это меня только утомляло и усыпляло ум, но никак не вдохновляло.

Другое дело — у сектантов. Даже когда малограмотный Шишин говорил с кафедры на сектантском собрании, чувствовалось горение его сердца, его восторг перед глубоким смыслом того или другого текста из Св. Писания. Правда, толкования текстов иногда были очень неуклюжи, весьма примитивны, страшно далеки от богословских тонкостей, но зато искренне соединены с жизнью, проникнуты живым чувством благодарности к своему спасению, ревностью к вовлечению в секту и обличением грешников.

В то время в Луге открытые сектантские собрания происходили в сравнительно небольшой комнате с простыми деревянными скамьями. На стенах было повешено несколько текстов из Библии. В правом переднем углу стояла приставленная к самой стене фисгармония⁵, на которой кто-нибудь аккомпанировал пению духовных стихов. Пели все присутствующие без специального хора. Немного поодаль от фисгармонии стояла низкая кафедра, с которой произносились проповеди, напоминающие собой живую импровизацию на какой-нибудь текст из Св. Писания.

Обычно после проповеди проповедник призывал верующих помолиться. Все сектанты становились на колени, наклоняли головы, закрыв глаза рукой, и после проповедника некоторые из молящихся произносили вслух импровизированную молитву. Содержание такой молитвы, разумеется, соответствовало умственному развитию и красноречию молящегося. Молитва была кратка, вроде того, что сектант благодарил Господа за свое спасение и просил открыть духовные очи грешникам и привести их в секту. При слушании подобных, иногда очень надуманных молитв у меня невольно появлялась искренняя улыбка.

Но часто по субботам к сектантам на помощь приезжали из столицы братья-проповедники. Среди них, помню, бывал в

Луге, в то время молодым человеком, Я. И. Жидков⁶, впоследствии председатель Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. Это были уже не доморощенные лужские назидатели, а культурные, образованные, опытные соавратители в свою секту. Вместе с толкованиями новозаветных текстов эти молодые сектанты привозили в Лугу и кое-какие политические сведения. Именно из разговоров сектантов между собой я впервые услышал, без всякого ясного понимания, такие слова, как «эсдеки», «эсеры» «народные социалисты» и т. п. Говорилось это, конечно, в узком кругу, почти шепотом, но, тем не менее, говорилось.

С петербургскими братьями я не решался вступать в споры. Это было явно не по моим силам. Но они, по-видимому, кое-что знали обо мне, т. к. лужские сектанты ко мне относились благосклонно, усматривая в любопытном мальчике пытливый ум и склонность к словесным состязаниям. По крайней мере, дважды я имел возможность наглядно и на деле убедиться в этом.

Первый случай курьезный. На одном из открытых сектантских собраний я был однажды с приятелями. И вот, сектанты запели под фисгармонию какую-то новую духовную песню. Мотив был какой-то жалостливый, протяжный, минорный. Один из озорников среди моих приятелей говорит нам: «Ребята, поют-то “разлуку”⁷ (популярную в то время и нам известную народную песню). Давайте, подтянем!» И мы включились в хор. Хор пел свое, а мы свое... Вдруг не знаю, что случилось: не то наступила пауза, не то духовная песнь была пропета до конца, — но мы по инерции рявкнули в наступившем молчании: «Никто нас не разлучит, лишь мать сыра земля». К нам подбежали распорядители и среди них высокий маститый старик, весь седой, с большой, как лунь, бородою. Мальчишек, моих приятелей, с позором выгнали из помещения, но меня не тронули, очевидно, предполагая (и, конечно, ошибочно), что в таком мерзком деле я не мог принять участия. Разумеется, по чувству приятельской солидарности я вышел из собрания вслед за удаленными товарищами. На улице мы над этим происшествием немало и от души смеялись.

Другой случай, серьезный, могший повлиять на всю мою последующую жизнь. В отчаянной борьбе за продолжение своего обра-

зования после окончания Лужского 4-классного училища с огромными трудностями я решил готовиться к поступлению в СПб. духовную семинарию. Сектанты об этом знали. Не помню, кто именно из их руководителей вызвал меня к себе на важную для меня беседу. Мне было предложено серьезно подумать, не соглашусь ли я за счет сектантской общины отправиться в Германию, чтобы там обучаться в каком-то сектантском колледже на проповедника. Я наотрез отказался, говоря, что меня увлекает борьба с сектантством, а не сектантская деятельность, что я верен вере своих отцов, что я русский и православный и никогда не перейду в немецкую веру, не стану немцем и не изменю своей Родине.

Несмотря на такую мою непримиримость, сектанты продолжали очень благосклонно относиться ко мне. Когда я поехал в Петербург держать экзамен в Духовную семинарию и не знал, у кого из родственников я смогу приютиться, то, узнав об этом, лужские сектанты снабдили меня просительными письмами к своим петербургским братьям. Между прочим, было у меня письмо и на Фонарный переулок к Проханову. Однако ни одним из писем я не воспользовался, т. к. мне удалось остановиться в Новой Деревне⁸ у родного дяди.

2

Поучиться ораторскому искусству непосредственно под руководством такого талантливого преподавателя — какое счастье.

Я немедленно послал по указанному адресу длинное восторженное письмо, в котором сообщал о себе и признавался, что в г. Луге по своему влечению пробовал бороться с сектантами и слышал там проповеди Димитрия Ивановича.

Через несколько дней я получил ответную открытку очень теплого и радостного содержания. Называя меня «дорогим братом», Д. И. Боголюбов принимал меня на курсы и просил придти на занятия с этой открыткой в назначенный день и час. Так я стал курсистом народно-миссионерских курсов и учеником Димитрия

Ивановича. Одновременно с этим я усердно переводил с латыни «De bello Gallico»⁹, а с греческого «Αναβάσις» Ксенофонта¹⁰.

Занятия происходили вечерами два раза в неделю в одноэтажном деревянном домике по Матвеевской улице¹¹ рядом с церковной оградой. Вход был через калитку во двор, поросший в летнее время травой. Низкое крылечко через небольшую прихожую вело в помещение для занятий. Это была довольно длинная узкая комната с несколькими окнами на улицу. Вдоль стен стояли деревянные скамьи и несколько стульев. Посреди комнаты — длинный стол со скамейками вдоль него. За этот стол садились курсисты во время занятий. Здесь помещалось человек до 20–25.

В левом углу при входе стояло пианино. Вся глухая стена справа от входа была превращена в иконостас, среди которого выделялось большое Распятие. В этой комнате я и встретился лицом к лицу с Д. И. Боголюбовым. Во время занятий он помещался на стуле в конце стола, у иконостаса. Я всегда сидел с левой стороны стола лицом к окнам, третьим или четвертым от Дмитрия Ивановича. Рядом со мной долгое время сидел гимназист выпускного класса (впоследствии студент Петроградской духовной академии). Напротив меня — старик с большой окладистой бородой и с несколькими медалями на груди.

Это был популярный «брат Курапов», швейцар Окружного суда. Большой любитель выступать публично, но отличавшийся неумением доводить свою речь до конца. По-тогдашнему говоря, «брат Курапов» никогда не мог уложиться ни в какой регламент. Его монотонная, малосодержательная, тускляя импровизация быстро утомляла и усыпляла слушателей. Д. И. Боголюбов в этих случаях обычно говорил: «Заканчивай, брат Курапов!» На что всегда следовал стандартный ответ импровизатора: «Мне никак не закончить, Дмитрий Иванович». Тогда под улыбки слушателей Д. И. Боголюбов советовал ему: «Скажи “аминь” и садись», — что тот и делал.

На курсах учились люди, во многих случаях с малым успехом несмотря на старанье, очень различные и по возрасту, и по профессии. Были кадровые питерские рабочие уже пожилого возраста, как «брат Колодкин» (впоследствии активный комму-

нист), чиновники, учительницы и т. п. Большинство из них были безмолвными посетителями миссионерских курсов, но зато активными членами СПб. Братства ревнителей православной веры во имя Христа Распятого, которым, как и курсами, руководил Димитрий Иванович.

Братство имело широкую деятельность как благотворительную, так и своеобразную просветительскую. Всякому желающему было где по способностям приложить свое усердие. За счет добровольных пожертвований слушателей проповедей Д. И. Боголюбова, от имени Братства в течение всего 1912 г. содержалось шесть сирот. Периодически при Братстве выпускалось печатное издание под названием «Дело веры»¹². Книгоноши Братства распространяли это издание, обычно в тех многочисленных местах, где проповедовал Димитрий Иванович.

В Братстве и за его пределами обаяние Д. И. Боголюбова было очень велико. Многочисленные слушатели посещали его проповеди. По воскресеньям после обедни Димитрий Иванович проповедовал во Введенском храме¹³. В это время храм был всегда переполнен, народ толпился и на площади. Так же бывало и в других местах. Красноречивее слов об авторитете Д. И. Боголюбова можно судить по такому, например, факту.

В 1911 г. десять губерний постиг страшный неурожай. Он породил ужасный голод. Об этом бедствии народном извещали и светские, и духовные журналы и газеты. Говорил об этом на своих беседах с народом в разных концах столицы и Димитрий Иванович, призывая к посильной материальной помощи голодающим. Сбор средств «от православных христиан петербургских» через проповедника — миссионера Д. И. Боголюбова — начался с ноября 1911 г. За короткое время через сотрудников Братства и от слушателей его бесед в Петербурге было собрано 1.100 рублей.

Меня в Димитрии Ивановиче поражала неутомимая энергия, зажигающая и увлекающая самых флегматичных людей. Высокий ростом, не полный, с очень волевым и умным лицом, с небольшой бородкой и волосами, подстриженными «ежилом», с резкими и порывистыми движениями, в черном сюртуке — он походил на учителя. Его присутствие всех оживляло. Его дар речи и по-

разительная находчивость в затруднительных случаях словесного состязания быстро позволяли ему овладевать вниманием слушателей.

Что касается его знания Библии, творений Отцов и учителей Церкви, церковной истории и сектантства, то мне оно казалось безграничным. При близком знакомстве Дмитрий Иванович явил собою яркий пример трудолюбия, доказывающего, как много может сделать одаренный человек, знающий «лукавство дней» и умеющий дорожить временем.

В разных местах города он вел ежедневные беседы с народом, издавал «Дело веры», в основном заполняя его своими собственными разнообразными и своеобразными, всегда интересными религиозно-нравственными и полемическими противосектантскими статьями; писал специальные книги, такие как «Миссионерские беседы с штундо-баптистами»¹⁴, вышедшие к тому времени уже пятью изданиями; «Православный противосектантский катехизис»¹⁵, выдержавший 14 изданий; «Религиозно-общественные течения в современной русской жизни и наша православно-христианская миссия»¹⁶ и т. п.¹⁷ Теперь к этому прибавилось его руководство миссионерскими курсами.

Я был увлечен одаренностью Д. И. Боголюбова. Его пламенная энергия, его полемический задор захватывал меня, одушевлял. Я вольно и невольно во всем, что было мне по силам, подражал Дмитрию Ивановичу, я копировал манеру его речи, его жесты, все его повадки. Мне хотелось, мне нравилось хоть сколько-нибудь походить на него. Тем более что его темперамент, страстный, горячий, легко воспламеняющийся, мне был так по душе. Я и сам отличался этими живыми чертами характера.

Даже немного грубоватые приемы словесного воздействия на слушателей, к которым нередко прибегал мой уважаемый наставник, приходились мне по сердцу. Мне очень нравилось, например, когда, рассказывая нам, курсистам, о беспардонных смехотворных забавах петербургского подражателя адвентисту Вильяму Миллеру¹⁸, он, Дмитрий Иванович, все вещи называл своими именами, немало не заботясь о том впечатлении, какое его слова производили на противников.

Вот в каких выражениях говорил Димитрий Иванович о петербуржце, полковнике в отставке Ван-Бейнингене¹⁹: «Сей полковник, убивая свой досуг теперь, на старости лет, ведет в Петербурге беседы с народом, высчитывая по пророчествам и доказывая, что во второй раз на землю Господь явится непременно в 1932–1933 гг. Предприятие Бейнингена в полном смысле похоже на то праздное занятие, которому предаются люди в отставках, за неимением живого дела: порой, они сидят на берегу реки от скуки и что-то пишут на воде. Пусть пишут, но не нужно с серьезным видом наблюдать за тем, что делают эти тоскующие люди; не надо и времени тратить на то, чтобы следить за праздными занятиями таких праздных людей».

Подобные полемические приемы меня тогда приводили в восторг. Ведь всякая острота впечатлений так свойственна молодому возрасту. А мне в то время было 18 лет.

Подражать Д. И. Боголюбову для меня было тем более легко и доступно, что на братских собраниях после кратенького слова руководителя он предлагал выступить с благочестивой импровизированной речью всем желающим. Были среди братчиков любители по-проповедывать. Об одном из них, брате Курапове, я уже немного сказал. Другим пламенным «назидателем», очень преданным лично Димитрию Ивановичу и делу Братства, был Гавриил Ефимович Неворов.

Средних лет мужчина, жгучий брюнет с очень живыми глазами и черной бородкой, живой и подвижный, он часто выступал на собраниях. В прошлом — кавалерист (как солдат он впоследствии, в Первую мировую войну сложил голову за веру, царя и отечество), теперь старший дворник, вежливый и деликатный брат Неворов. Он был один из самых деятельных членов Братства и член Правления его. Кажется, он ни о чем так пламенно не молился, как о том, чтобы благодетельная судьба послала Димитрию Ивановичу побольше надежных помощников, каким был сам Гавриил Ефимович, в деле проповеди среди простого народа, который, по его мнению, тогда много страдал от сектантских заблуждений и от таких гнусных пороков, как пьянство, распутство, грязное, пошлое сквернословие.

Речи брата Неворова часто сводились к нравоучительным рассказам о его многочисленных житейских встречах с распущенными людьми. Помню, например, такой его рассказ, разумеется подкрепляемый ссылками на тексты из Св. Писания.

«Вот, братья и сестры, — говорил Гавриил Ефимович, — недавно я был на проповеди Димитрия Ивановича в Лесном. Крепко мне запал в душу тот текст из послания ап. Иуды, на который говорилась проповедь. Я постарался на память запомнить слова апостольские. “Возлюбленные! — пишет апостол Иуда, — имея все усердие писать вам об общем спасении, я почел за нужное написать вам увещание — подвизаться за веру, однажды преданную святым”²⁰. Эти слова звучат в моей голове, как звон сторожевого колокола. Сладко мне было повторять их.

Вот, думалось мне, как по-православному учит апостол: не вообще надо нам подвизаться за веру Христову, а только за ту евангельскую веру, которая однажды была предана святым. А вот сектанты на свой лад подвизаются не за евангельскую, а свою выдуманную, созданную по своим прихотям веру. Вот поэтому и получается, что настоящая-то евангельская вера одна, а сект — то много. И все они спорят между собой.

Размышлял я об этом и на другой день после прослушанной проповеди, когда стоял на дежурстве на парадной лестнице вместо швейцара. Вдруг слышу на улице громкую срамную брань. Кто-то ругается самой площадной похабной бранью. Открываю дверь, выхожу на улицу. Вижу, идет какой-то по виду господин, а изрыгает из уст своих странную вонючую гниль.

Не могу я стерпеть похабщины. Остановил ругателя и с чувством искренней жалости к сквернослову говорю ему: “Послушайте, господин, что вы так мерзко ругаетесь? Кто это заставляет вас развозить с собой такую гниль?” Он остановился, посмотрел на меня с удивлением и молчит. Я заметил его растерянность и снова заговорил: “Брат мой! Нехорошо вы делаете. Ведь свою бранью вы и воздух-то отравляете. Посмотрите, вон малыши идут в школу. Они слышат, как вы сквернословите. Какой ужасный пример вы подаете им. Вспомните Христовы слова о соблазнительях, и устрашитесь, друг мой, своего поступка! Ведь Христос

сказал: ‘Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы ему повесили жернов мельничный на шею и потопили его в глубине морской’²¹. Вот, как строго судит Господь соблазнительей, а вы позабыли об этом и при малых детях так скверно выражаетесь”. Сказал я ему все это и замолчал. И прохожий тоже молчал. Мне показалось, что мои слова затронули его за живое. Тогда я ему говорю: “Может быть, у вас есть свободное время. Зайдите ко мне поговорить”. Он согласился.

Я провел его в помещение младших дворников. Там, помолвившись пред иконой Божией Матери, я стал говорить своему гостю от слова Божия, какой долг лежит на христианах, призываемых Господом к собственному спасению и обязанных спасти других, особенно “малых сих”. Я говорил ему о Христе, Который ради нас, грешных, Свою кровь святую пролил, перенес ужасные мучения на кресте. А мы как благодарим своего Благодетеля?

Вместо того, чтобы везде свидетельствовать языком своим о делах Божиих, мы этим языком срамно ругаемся. И сбываются на нашем грешном языке слова апостола Иакова, что наш язык — “огонь, прикраса неправды... неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда”²².

И что вы думаете, — продолжал брат Неворов, — мой случайный гость ничего мне не возражал, он навзрыд плакал, как ребенок, осознавший свою вину. Потом, собравшись духом, он ответил мне: “Добрый человек! Не трудитесь много читать мне из слова Божия. Вы говорите чистую правду. Я ее знаю. И слово Божие я читал. Я — сын диакона. А вот распустился, низко пал и теперь плохо владею собой. А люди ... вы же знаете, как редко они поддерживают падших ... и не хотят, и не умеют. Ты обезумел, идешь по улице, срамишься, а над тобой встречные только смеются! Никто не образумит и не остановит. Никто не поддержит”».

Вот примерно с такими братскими назиданиями любил выступать на собраниях в Братстве Гавриил Ефимович. Своей убежденностью, пламенностью своих слов, безыскусственностью речи и житейской опытностью он как-то невольно напоминал мне лужского сектанта Шишина. Да и наружностью они несколько были сходны.

Димитрий Иванович как «Брат-руководитель» часто предлагал мне выступить со словом. Я никогда не отказывался. И не только потому, что у меня к этому всегда было особое влечение, но и потому, что я слишком уважал Д. И. Боголюбова, чтобы мог уклониться от какого-либо его предложения. Св. Писание Нового Завета я и тогда знал уже прилично. Бойкость речи и находчивость у меня были достаточные, чтобы связно говорить. Подражание же Димитрию Ивановичу в манере изложения своих мыслей давали мне всегда надежную канву, образец.

Впрочем, Д. И. Боголюбов меня не баловал излишним вниманием, а тем более, какой бы то ни было похвалой. Наоборот.

Однажды я решил написать небольшое религиозное рассуждение. Написал. Помню, текстом из Св. Писания к этому рассуждению я взял слова апостола Павла из его послания к Коринфянам (1 Кор. 9:16): «Горе мне, если не благовествую». Надо же было выбрать столь неудачный для данного случая текст. Сам не понимаю, как я мог так опростоволоситься. Какая юношеская самовлюбленность могла мне нашептать дикую мысль считать себя «благовестником». Куда делась в этот раз моя обычная скромность в отношении всего, что относилось до Димитрия Ивановича.

Я всегда понимал, что в сравнении с Д. И. Боголюбовым я — только волос на его голове, не более. И вдруг — «горе мне, если не благовествую». Ну и получил же я за это от Димитрия Ивановича. Он вернул мне мое злосчастное рассуждение с собственноручной пометкой о том, что меня никто не поставил «благовествовать», что этот текст относится к пастырям Церкви и что обо всем надо всегда писать конкретно, из жизни и наблюдений над нею.

Этот урок я запомнил навсегда.

3

Чтобы более или менее отчетливо представить себе миссионерские уроки, я попробую изложить один из них с некоторыми подробностями, в том виде, как они тогда проходили.

Мы, курсисты, готовились на борьбу с сектантами. Оружием сектантов являются библейские тексты. Поэтому и нам надо было хорошо знать те тексты, которые наиболее ярко и убедительно опровергают сектантские заблуждения. Надо было эти тексты знать твердо — так твердо, как тогда знали «Отче наш» (т. е., одну из основных молитв). А память-то не у всех была хорошая. Люди-то, как правило, были пожилые. И вот, приспособиваясь к обстоятельствам, Д. И. прибег к такому оригинальному методу заучивания: самые важные тексты мы после тщательного разбора хором пели на тот или иной глас (т. е. церковный хорошо известный напев). Заучивание очень облегчалось, а заученное запоминалось крепко, надолго.

Вот мы на уроке. Помолившись перед Распятием и хором пропев трижды «Кресту Твоему», мы рассаживаемся по местам. У каждого перед собой Новый Завет в русском переводе. Дмитрий Иванович, перекрестясь, с произнесением слов «Господи, благослови» приступает к занятию. Урок обычно он ведет стоя. Вот он заговорил. Все сосредоточенно слушают, жадно ловя каждое слово:

«Сегодня мы побеседуем о том, чем объясняется коренное различие православного христианства от сект. Кому приходилось разговаривать с сектантами о вере, тот, без сомнения слышал такие их речи: мы ничего своего в вере не имеем. Мы только то содержим, чему учил Господь апостолов. Мы живем по Евангелию. Или: мы библейские христиане.

По неопытности, в простоте душевной можно подумать, что корень различия между сектантами и православными сводится к тому, что сектанты веруют по Евангелию, а мы, православные, по Преданию. Они будто бы содержат только апостольские порядки, а мы к ним присоединили отеческие, чего нет в слове Божиим.

Так думать грешно.

Коренное различие православия от сект вовсе не в том, что мы живем по Преданию, а сектанты — по Писанию, что будто бы мы держимся Отеческих обычаев, а они — апостольских. Надо твердо помнить, что ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИНИМАЕТ “до точки” всё ПИСАНИЕ ВЕТХОГО И НОВОГО

ЗАВЕТОВ. Мы не дерзаем из Библии выбрасывать ни одной заповеди и повеления Господня, которые не отменены или не исправлены Христом и апостолами. **НО** (и в этом главное) — заповеди Божии, учение Христа, наставления апостолов мы не смеем толковать и понимать так, как нам кажется правильным. **ВЫШЕ СВОИХ ДОГАДОК, ВЫШЕ СВОЕГО ТОЛКОВАНИЯ НА БИБЛИЮ МЫ ПОСТАВЛЯЕМ ГОЛОС ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.** Этот святой голос мы слышим из всей ее прошлой благодатной жизни, из всей церковной истории. Этому голосу мы сыновне повинемся во всех поступках своих и с ним сообразуем все свои разговоры о спасающей нас вере.

А потому с сектантами мы разнимся не только в словах или богослужбных обрядах. Нас с сектантами разделяет целая пропасть. Мы разное смотрим на **ИСТОЧНИК ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ВЕРЫ.** Мы таким источником почитаем **ЖИВОЙ ГОЛОС ЦЕРКВИ,** раздающийся из всей ее прошлой и настоящей истории. Мы свою веру заимствовали не из букв только библейских, но одинаково из Священного апостольского Писания и из Священного Предания. Поэтому мы с сектантами до противоположности различно понимаем **ПУТЬ НАШЕГО СПАСЕНИЯ ВО ХРИСТЕ ИИСУСЕ.**

У сектантов “вера легкая”. Например, молокане²³, пашковцы²⁴, баптисты думают, что достаточно уверовать человеку во Христа, и он уже за одну эту веру **НЕПРЕМЕННО** получит рай. Православные же христиане исповедуют, что наше спасение во Христе только **НАЧИНАЕТСЯ** верою в Него. По нашему пониманию, есть огромная разница между человеком “спасаемым” и человеком “спасенным”. “Спасаемые” христиане обязаны подвигом всей своей жизни приобрести себе право на вход в небесное царство. Поэтому Православная Церковь от своих духовных детей требует для спасения во Христе **ПОДВИГА И МОЛИТВ** в течение всей жизни.

Сектантам же и спасение за гробом представляется милостью Божией, подаваемой “уверовавшим” без всяких заслуг с их стороны. Будто бы спасение приходит к человеку **СРАЗУ, ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА.**

Чтобы убедиться, насколько такое сектантское заблуждение расходится с ясным учением слова Божия, прочтем в 25-й главе Евангелия от Матфея со стиха 31-го до конца».

Кто-нибудь из курсистов вслух читает указанное место. Вот оно: «Когда придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: ‘Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне’. Тогда праведники скажут Ему в ответ: ‘Господи! Когда мы видели алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?’ И Царь скажет им в ответ: ‘Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне’...»²⁵ и т. д.

По прочтении Димитрий Иванович продолжает: «Если мы станем додумываться, как же образовалась такая пропасть между православными и сектантами, то увидим, что корень различия тут зависит от ОТНОШЕНИЯ К ЦЕРКВИ и от взгляда на Церковь. Для православных христиан руководство Церкви в вере ставится выше и прежде всего, а для сектантов ГОЛОС ЦЕРКВИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ. Каждый сектант кричит, что он и “так” любит Библию; однако толкует ее, как только ему вздумается и захочется. Например, читает Библию молоканин — и приходит на основании своих догадок к выводу, будто бы христианину не нужны ни видимое причастие, ни водное крещение, ни вообще внешние церковные порядки.

А вот читает тот же самый текст баптист и находит в нем совсем другое — то, что креститься христианам в воде необходимо и причащаться надо. Только все это, по мнению баптистов,

не таинства, а простой обряд. Толкуя Библию в таком произвольном духе, баптист забывает слова апостола Павла о том, что само по себе “питие” или плотская еда нас не спасают пред Богом (Рим. 14:7; 1 Кор. 8:8). А станет читать библейский текст адвентист, и ему всюду грезится ветхозаветное еврейство с отрицанием воскресения как недельного праздника, Троичности Лиц в Боге и т. д.

Получается, что, хвалясь своим “евангелизмом” и “библейзмом”, сектанты превращают Библию в простую человеческую книгу. Выше Библии они ставят свой разум или свое сердце.

Само слово Божие учит нас не по-сектантски относиться к заповедям Божиим.

Вот, что рассказывает нам слово Божие. Во дни апостолов между христианами появились “уверовавшие” из фарисеев. Эти люди стали учить братьев, что для спасения необходимо обрезываться по закону Моисееву и соблюдать другие ветхозаветные заповеди.

Как видим, фарисействующие христиане во дни апостольские говорили то же самое, что сейчас повторяют адвентисты седьмого дня. Какой же в этом случае оставили нам пример апостолы? Достаточно ли при разногласиях вести словесные споры? Нет. Апостолы иначе поступали: они собрали Церковь на Собор. Они не стали по-сектантски читать Библию и в ней искать себе ответ, какой им понравится. Из рассказа об этом в 15-й главе Книги Деяний даже не видно, чтобы по вопросу об обрезании апостолы подбирали тексты из Библии. Нет! Отвергая для христиан обрезание, апостолы на Соборе исходили из общего смысла проповеди Христа о спасении людей. Вынося соборное решение, они сослались не на буквы библейские, не на тексты Писания, а на внушение Живущего в Церкви Святого Духа. Они постановили: “УГОДНО СВЯТОМУ ДУХУ И НАМ”²⁶ не возлагать на христиан брeмени еврейского закона.

Значит, чтобы ссылаться на озарение от Духа Божия и чтобы свои рассуждения о слове Божиим оправдывать святым внушением, христиане в подтверждение своих слов должны непременно указывать на жизнь Церкви, на то, что в прошлые времена Церковь Божия веровала всегда так, а не иначе.

Примеру апостолов неизменно и следует Православная Церковь. В доказательство истинности своих верований, в подтверждение святости своих обычаев, в удостоверение того, что она правильно понимает учение Иисуса Христа, Церковь наша указывает всегда на голос, раздающийся в ней из глубин христианской древности. В этом приеме истолкования трудных мест Библии, в таком способе понимания, как христианам надо жить перед Богом, наша Церковь коренным образом и отличается от сектантов.

Мы видим, что пример из жизни св. апостолов удостоверяет, что в данном случае безусловно правы мы, а не сектанты. И потому уж если рассуждать по-сектантски, так мы — “евангельские христиане”, а не они.

Подобным образом оправдывает православных христиан своим примером апостол Павел. Про себя он рассказывает, что на проповедь Евангелия он был призван не людьми, а Богом. С этой проповедью он пошел сначала в Аравию, а потом в Дамаск. Но через 14 лет после своего обращения ко Христу он по особенному “откровению” ходил в Иерусалим, чтобы предложить на рассмотрение апостолам свое благовестие. И в этом для нас заложен неисчерпаемый смысл.

Во всех религиозных сомнениях мы должны искать последнюю достоверность не в своем только понимании библейского текста и даже не в “озарении”, а в свидетельстве всей жизни Церкви, в церковной истории. В своем послании к Тимофею апостол Павел назвал “столпом и утверждением истины”²⁷ не отдельного христианина, кто бы он ни был, а Церковь.

Откройте, — говорит Димитрий Иванович, — первое послание к Тимофею, главу 3-ю и прочтите стихи 14-й и 15-й. Теперь для лучшего запоминания пропоем этот текст на 5-й глас с такими паузами: “Сие пишу тебе, / надеясь вскоре придти к тебе, / чтобы, если замедлю, / ты знал, как должно поступать в доме Божиим, / который есть Церковь Бога живаго, / столп и утверждение истины”».

Мы два-три раза хором поем этот текст.

«Из этих слов апостола, — продолжает Д. И. Боголюбов, — еще раз ясно следует, что всякий раз, когда то или другое место

в Св. Писании нам покажется неясным, недоговоренным или противоречивым, мы должны обращаться к живому свидетельству Церкви. И только к ней. В делах веры другого бесспорного авторитета у нас нет и быть не может. С этим авторитетом не могут идти ни в какое сравнение наши “догадки”. А сектанты читают Библию, но принимают из нее лишь то, что им кажется нужным, и толкуют это нужное так, как научили их “избранные” по прихоти учителя».

И Димитрий Иванович заключает это занятие примерно так: «Можно ли после всего сказанного сомневаться, что при рассмотрении коренного различия между православием и сектантами святая правда на нашей стороне? Ее подтверждают не только библейские тексты, но и вся церковная история».

Вот так проходили занятия на миссионерских курсах.

Занимаясь на курсах, я иногда посещал молитвенные собрания евангельских христиан на Лахтинской улице, пашковцев в Фонарном переулке и адвентистов в доме № 7 по Большому проспекту Петроградской стороны.

* * *

Наступил предвоенный 1913 г. Моя сладкая мечта о поступлении в духовную семинарию, хотя и не изменяла мне, но теперь я не столь тягостно переживал ее кажущуюся неосуществимость. Мои занятия на миссионерских курсах, возможность часто видеть Димитрия Ивановича наполняли мою душу радостным спокойствием.

Под праздник Троицы в Братстве было решено совершить паломничество на о. Валаам. С этой целью был нанят специальный монастырский пароход. Пристань его была на Калашниковской набережной²⁸.

Огромный пассажирский пароход стоял под парами. И капитан, и вся команда состояла из моряков, одетых в монастырские подрыски и скуфейки. Глаз с трудом привыкал к такому непривычному зрелищу.

Вместе с братчиками на Валаам отправлялись также прихожане Введенской церкви с популярным среди них священником

о. Дмитрием Кратировым²⁹. Но я не знал, что каюта первого класса была заполнена привилегированными паломниками — студентами Духовной академии, в которой тогда учился и ехал вместе с нами, красавец — монах-черногорец о. Мардарий³⁰. Этот черногорский монах играл заметную роль в тогдашних церковно-политических интригах. Впрочем, в то время я ничего этого не ведал.

Было прекрасное безоблачное утро. Нева осталась позади. Безграничная водная гладь, не возмущаемая ветром, расстилалась со всех сторон. Зрение и слух отдыхали от привычных утомительных впечатлений большого города. Чистый, влажный, свежий воздух наполнял грудь и очищал легкие и кровь. Настроение было радостное, приподнятое, торжественное. Кругом знакомые лица. Где-то за стеной каюта любимого Дмитрия Ивановича. Впереди — неведомый Валаам. По левому борту должен был показаться остров Коневец.

Я спокойно блаженствовал на юте, сидя рядом с одной из братчиц, математичкой, слушательницей Бестужевских курсов³¹. Она мне что-то рассказывала про свою родную Ветлугу.

Вдруг к нам подходит кто-то из приближенных Д. И. Боголюбова и говорит: «Женя Смелов, вас зовет Дмитрий Иванович. Он на носу парохода». Я поспешил на бак.

Там я очутился пред непонятной картиной. Все пространство под высоким застекленным капитанским мостиком было сплошь занято сидящими на каком-то возвышении, возможно и на кнехтах³², студентами Духовной академии. Их было много — человек, пожалуй, до 50-ти. Среди них в монашеском одеянии бросалась в глаза представительная фигура жгучего брюнета, высокого и худощавого о. Мардария. Тут же с ними сидел и Д. И. Боголюбов.

Я подошел к сидящим, повернувшись спиной к носу корабля, недоумевая, зачем я позван сюда. Мне показалось, что студенты с Дмитрием Ивановичем и о. Мардарием отдыхают, любуясь просторами Ладожского озера. Но я ошибался.

Не помню, как именно обратился ко мне Дмитрий Иванович. Назвал ли он меня по обыкновению брат Смелов или, как ино-

гда, по имени — Женей, но он попросил: «Скажите какое-нибудь слово».

Это предложение мне было понятно без всяких объяснений. Это значило сказать здесь сейчас перед такой небывалой для меня аудиторией краткое назидание на какой-нибудь текст из Св. Писания. Я остолбенел. Но на одно лишь мгновение. Как боевая команда, звучал во мне голос Дмитрия Ивановича. Я отчетливо понимал одно, что надо говорить. Так хочет Дмитрий Иванович!

Порыв вдохновения уже охватывал меня. Мысль заработала, прилив чувства оживлял сердце. Я уверенно посмотрел на внимательные, ожидающие чего-то лица слушателей. Взглянул уверенно на Дмитрия Ивановича, снял фуражку, перекрестился и твердым голосом сказал первую привычную фразу: «Господи, благослови!»

Это сакраментальное выражение, к которому в Братстве нас всех приучил Д. И. Боголюбов, на меня тогда производило какое-то магическое, неизъяснимое действие. Казалось, под влиянием этих двух простых слов душа мгновенно преображается, мозг наполняется из глубин сердечных новым содержанием, а на поверхность сознания властно поднимаются и захватывают его прочитанные, продуманные, заученные мысли, оставленные Христом и апостолами труждающемуся и обремененному человечеству. Мысли эти легко облекались в нужные слова. Сказывались уроки Дмитрия Ивановича.

Я заговорил на тему о житейском море, о нашем жизненном плавании, о том, что хорошо плыть на крепком надежном корабле, как мы плывем сейчас на Валаам, что таким надежным испытанным веками кораблем для православных людей в духовном плавании является Святая Православная Церковь.

Речь моя, как всегда, текла гладко, нужные слова приходили сами собой, говорил я громким уверенным голосом, без колебаний и сомнений. Меня слушали внимательно и, как мне помнится, с одобрением.

Лишь только я сказал заключительное слово «аминь», все слушатели разом поднялись со своих мест и о чем-то шумно за-

говорили. Я же, никем не задержанный, с чувством огромного душевного удовлетворения от сознания выполненного желания Димитрия Ивановича поспешно возвратился на ют судна к покинутой подруге.

Что было в каюте первого класса до и после моей импровизации, я не знал тогда и не знаю теперь.

Побывав недолго на Коневце, посмотрев на почитаемый давними насельниками этого островка, еще язычниками, священный камень, напоминающий своим видом «Коня»³³, мы двинулись дальше в плавание по Ладожскому озеру и на другой день прибыли в Валаамский монастырь, основанный, быть может, еще в XII веке³⁴. Не стоит повторять описания суровой, но прекрасной величественной природы, «дивного острова», воспетого одним тамошним монахом-поэтом. Не стоит повторять прекрасного описания Валаама, оставленного нам Н. С. Лесковым в трогательном рассказе «Павлин»... Кто хоть раз увидел Валаам, тот не забудет его никогда.

Возвращались мы домой не так безмятежно, как приплыли на Валаам. Примерно на середине пути нас настигла штормовая погода. Озеро разбушевалось. Оно и в штиль-то ни капельки не похоже на озеро, а в бурю оно пострашнее иного моря. Мы шли наперерез волне огромных размеров. Пароход взлетал высоко на ее гребень и оттуда стремительно падал в бездну. Такую килевую качку выдерживают немногие. Началась повальная морская болезнь.

Третий класс, набитый людьми, укрывавшимися от неистового ветра, представлял собой сплошное зловоние. На верхней палубе кое-где, в одиночку и небольшими группками сидели счастливики, не покоренные морской болезнью. В этот раз мне пригодилось плавание по Балтийскому морю: качка меня не брала. Не укачивалась и тогдашняя моя добрая знакомая, а ныне драгоценная супруга. С Валаама мы возвращались на одном пароходе.

С тревогой монах-капитан следил за усиливающейся непогодой. Он надеялся войти в Коневскую бухту и там немного переждать. Но не тут-то было. Положение было настолько серьезное, что благополучно миновать подводные банки и рифы

вблизи острова Коневец представлялось делом исключительно рискованным. Раздались тревожные гудки парохода. Я понимал эти сигналы. Капитан пытался изменить курс в направлении на Коневец.

Теперь и я с опасливым волнением думал о том, как-то будет вести себя руль при таком грозном волнении. Ведь в тот самый момент, когда капитан рискнет проскочить через наиболее опасное место при проходе в бухту среди подводных камней, судно может оказаться на очередной, да еще «девятой» волне, которая поднимет корму слишком высоко, и руль выйдет на какое-то короткое время из строя. И это короткое время может стать роковым и гибельным.

В конце концов, капитан отказался от заманчивой мысли войти в спокойные воды Коневской бухты. Дав печально-прощальный гудок Коневской службе наблюдения, вероятно, тоже с тревогой следившей за опасными маневрами нашего парохода, он, капитан, приказал положить руль мористее, и мы снова устремились навстречу свирепым волнам, подхватившим наш несчастный корабль, как щепку.

Те, кто находился на верхней палубе и видел бесполезные попытки капитана спасти нас от грозившей опасности, поддались чувству страха. Некоторые плакали и молились, сомневаясь в благополучном исходе нашей борьбы с бурей.

Желая подбодрить малодушных, о. Димитрий Кратиров попросил крепких, не сломленных морской болезнью пассажиров вынести икону и две-три хоругви, взятые из Введенской церкви на пароход, и когда они были принесены, стал служить молебен о плавающих и терпящих бедствие на воде. Его окружало небольшое число молящихся. Мало кто еще держался на ногах. Такую глубокую, слезную, полную горячей надежды на сверхъестественную помощь, на спасение, молитву редко, кто видел.

Каждый молился о том, чтобы пучина не поглотила его и всех нас, каждый молился одновременно и о себе, и о других, ибо в то время одинаковая судьба или общей гибели, или общего спасения грозила всем и каждому. Душа здесь невольно освобождалась от земного и уносилась к небесному: каждый сознавал свое

бессилие и ничтожество и думал только об общем и, может быть, только от силы его молитвы зависящем спасении.

Этому молитвенному настроению, этому чувству и сознанию своей полной беспомощности перед стихийными силами так утешительно отвечало читаемое Евангельское слово (на всякое прошение):

«Имейте веру Божию. Аминь бо глаголю вам, яко, иже аще речет горе сей: двигнися и верзися в море: и не размыслит в сердце своем, но веру имет, яко еже глаголет, бывает: будет ему, еже аще речет. Сего ради глаголю вам: вся елика аще молящися просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам»³⁵.

Опытность монаха-капитана, хорошо знакомого с причудами Ладожского озера и коварной погодой этих мест, вызволила нас из бедственного положения. Шторм сопутствовал нам до самого Невского истока. В Неве же никакого волнения не было, и мы по течению быстро прибыли в Санкт-Петербург.

4

Не напрасно в одном из псалмов Давида возносится философская просьба к Создателю: «Избави мя от клеветы человеческия» (118:134). Как бы ни был человек чист в сердце своем, ему не сохранить себя от злого человеческого свойства — клеветать на ближнего своего. Клевета настигает каждого, и нет никому от нее надежного прибежища.

Одна из газет сомнительной честности поместила заметку о том, что снисходительное отношение к сектантам со стороны епархиального миссионера Д. И. Боголюбова объясняется отнюдь не его справедливым характером и моральными взглядами, а теми взятками, которые миссионер получает от сектантов.

Люди склонны судить о чужом поведении по собственному поведению. Димитрий Иванович сначала решил не обращать внимания на эту позорную выдумку: мало ли что в то время печаталось в газетах различных оттенков. Но молчаливо пройти мимо этого факта оказалось невозможным. Духовное епархи-

альное начальство предложило Боголюбову реабилитировать себя от темных подозрений судебным порядком. Адвокат, приглашенный Д. И. Боголюбовым, без труда уличил газету в явной клевете, но от дальнейшего судебного преследования редакции газеты Димитрий Иванович отказался.

Дело как будто увенчалось полным успехом, но это так только казалось. В действительности, клеветническая газетная заметка явилась лишь первой ласточкой той реакционной весны в делах управления Русской Православной Церкви, которая началась со смертью митрополита Антония³⁶. Может быть, мнение мое о нем пристрастно. Я смотрю на этого выдающегося деятеля Церкви глазами Димитрия Ивановича и полагаю, что митрополит Антоний был последним настоящим митрополитом в дореволюционной России.

Наиболее симпатичной чертой митрополита Антония, судя по отзывам о нем Д. И. Боголюбова, который по долгу службы хорошо знал его, была его незлобивость и его миролюбие. В своих противниках, в многочисленных и разнообразных врагах Церкви Антоний видел не «безнадежных мерзавцев», «проклятых еретиков», «окаянных атеистов» и т. п., как это делали многие церковные деятели полицейского типа, но — духовно слабосильных людей, не сумевших или не пожелавших подняться до определенного уровня духовного развития.

Поэтому он снисходительно относился к инакомыслящим и был склонен людские недоразумения улаживать не грубыми средствами власти, а мирными способами христианского воздействия. Д. И. Боголюбов, ценя в митрополите Антонии эту черту его характера, и сам был человеком того же духовного склада. В своей миссионерской работе Димитрий Иванович всегда остерегался каким-нибудь неосторожным приемом озлобить заблуждающегося. Если он иногда и позволял себе иронически отзываться на явную глупость, упорное невежество, то лишь с единственной целью острее привлечь внимание к недомыслию, помочь увидеть вещи отчетливей, яснее, правильнее, чтобы пособить человеку заметить те стороны истины, которые по каким-то причинам остаются для него сокрытыми.

И это было тоже в духе руководства митрополита Антония. Сей пастырь по отношению к сектантам свое пастырское воздействие начинал не с озлобленных проклятий и не с обуздания через полицию, а с того, что призывал к себе церковных проповедников или известных своими способностями пастырей и им давал конкретные поручения улучшить приходское дело так, чтобы православные христиане не чувствовали желания обращаться к ложным учителям за назиданием.

Было видно по всему, что со смертью митрополита Антония церковное руководство теряет благомыслие, будто потускнела вера в свою веру. В вопросе о борьбе с сектантством взяли верх те, для кого в этой борьбе городской был ценней миссионера. Новые руководители Церкви не хотели знать других мероприятий, кроме полицейских обузданий. В этих условиях Д. И. Боголюбов оказывался неподходящим деятелем. Ему никогда не могло прийти на ум, как это теперь требовалось, ограничить свою миссионерскую деятельность полицейским девизом: «запретить, обуздать, выслать».

Впрочем, расправа с Димитрием Ивановичем наступила не сразу после кончины митрополита Антония. Скорее всего потому, что для свершения даже такого негативного акта все же требуется время. Вот почему миссионерские курсы продолжались, и Братство ревнителей работало по-прежнему.

Несколько раз около ворот деревянного домика, где по вечерам происходили собрания Братства, останавливалась карета, запряженная парой прекрасных вороных коней, с представительным кучером на козлах. Из кареты выходил и скрывался в воротах среднего роста, с окладистой бородой монах, с епископской панагией на груди. Это был преосвященнейший Никандр³⁷, с благословения которого и были открыты Народно-миссионерские курсы.

Мы встречали епископа пением входного «Достойно». Д. И. Боголюбов от лица всех присутствующих подходил к владыке под благословение, потом владыка благословлял общим благословением всех нас, садился на обычное место Димитрий Иванович, и наши занятия продолжались. Раза два мне

пришлось на курсах выступить с импровизированным словом в присутствии епископа Никандра. Конечно, я при этом очень сильно волновался, но, как мне кажется, такое волнение не понижало качества моей речи, а может быть, даже еще и повышало в эмоциональном отношении.

Примерно в начале лета 1913 г. на курсы и в Братство пришел Алексей Александрович Сокольский³⁸. Он недавно окончил духовную академию и был назначен помощником епархиального миссионера, т. е. Димитрия Ивановича. Очень высокого роста, от этого даже несколько сутуловатый, с круглым, открытым, чисто русским лицом и близорукими светлыми глазами, с постоянным пенсне на носу, Алексей Александрович производил впечатление очень добродушного человека. Так оно и было.

Это была сама кротость и доброта. По своему характеру помощник Д. И. Боголюбова был полной ему противоположностью. Если Димитрий Иванович всегда убеждал, доказывал и иногда довольно крепко порицал, то Алексей Александрович всегда только уговаривал, успокаивал, утешал и никогда не позносил ни одного резкого полемического слова своему противнику.

Он был родом из Владимира и говорил с едва заметным не питерским говорком. Его проповедническая манера в ласковых тонах меня не прельщала, я был поклонник несколько грубоватого, с императивным оттенком стиля речи Димитрия Ивановича. Видеть же Алексея Александровича и разговаривать с ним было всегда приятно. Он был умный, очень начитанный и оригинальный собеседник. Впоследствии, в бытность мою семинаристом, когда Алексей Александрович, удаленный с миссионерской работы за несоответствие новой церковной политике, был назначен помощником инспектора Духовной семинарии и жил при ней, я часто бывал у него на квартире.

Иногда, сидя за чаем, я слышал споры Алексея Александровича с двумя его приятелями, студентами духовной академии братьями Верзилиными³⁹. Эти споры обычно велись по поводу новых книг философского и богословского содержания. Я по скромности в споры не вмешивался, но внимательно вслуши-

вался и немало поучался. Из этих споров я особенно хорошо уяснил, какую важную роль при любом столкновении мнений имеет общий аспект или концепция.

Эти слова, сначала для меня малопонятные, часто произносились на квартире Сокольского. Он был холостой, жил уединенно, и чаще всего я заставлял его в кресле-качалке за чтением какой-нибудь книжной новинки. У него была небольшая, но тщательно, умно подобранная библиотека, в двух или трех застекленных шкафах. Он любил ее называть «лечебницей от суеверий и атеизма».

Он был убежден, что атеизм есть результат недомыслия, поверхностности суждений, увлечения модой времени и стыдливости быть самим собой. Он был убежден, что наука не враг религии, что большинство крупнейших ученых вовсе не атеисты, но или индифферентны к религиозным вопросам, или считают себя недостаточно компетентными, чтобы с научной ответственностью братья за их разрешение.

Не помню сейчас, какую он при этом показывал мне книжку. Помню только, что в ней были опубликованы анкетные данные по опросу тогдашних крупнейших зарубежных ученых об их отношении к вере в Бога и, кажется, бессмертия души, словом, по основным религиозным вопросам.

Алексей Александрович не раз тогда цитировал мне ответы опрошенных ученых. Большинство из них безоговорочно верило в существование Бога, и лишь ничтожное меньшинство объявляло себя атеистами. По мнению Алексея Александровича, с религией борется не наука (она такой цели себе не ставит), а всякого рода политические и философские течения, использующие, часто в извращенном виде, отдельные научные данные, тенденциозно популяризаторские, антирелигиозного направления.

Некоторые книжки из своей библиотеки А. А. Сокольский давал мне на прочтение. Но, помнится, эти книжки меня не завлекли, вероятно, до вдумчивого отношения к их серьезному содержанию я тогда еще не дорос, и мне было не по силам взглянуть на вещи в том аспекте, с точки зрения тех концепций, которые проводились в этих книгах.

Запомнился мне один задушевный разговор с Алексеем Александровичем, по-видимому, на какую-то религиозно-нравственную тему. Он мне по ходу разговора вдруг сказал: «А знаете, Женя, нелегко, учась в семинарии, остаться верующим человеком. Но зато, кому удастся преодолеть в этом случае все сомнения и сохранить веру, тому уже не страшны и не опасны никакие испытания в дальнейшей жизни. Тот закален от неверия до конца дней своих».

Была в А. А. Сокольском еще одна странность. Она еще резче подчеркивала разность в характерах между Боголюбовым и им. В то время как Димитрий Иванович ни в чем не щадил своих сил и с одинаковым рвением пользовался как устным, так и печатным словом, Алексей Александрович ни в чем особого рвения не проявлял, а печатным словом сам никогда не излагал своих мыслей и чувств. Он в полушутливом духе иногда говорил, что невозможно перечитать даже те нужные и хорошие книги, которые уже напечатаны. «А я, — добавлял он, — не испытываю никакого желания увеличивать число ненужных или малонужных книг, место которым не в умах и сердцах умно-разборчивых людей, а лишь на пыльных библиотечных полках, да под глазами тех, кто сам не ведает, что творит, он над книгой и книга над ним».

По всей вероятности, при этом поминались доброй памятью те два славнейших благодетеля на пути человеческого величия, которые сами о себе ничего не написали, но о которых так много написано их ближайшими почитателями.

Был среди членов Братства еще один отменно любопытный человек с довольно известной фамилией — Владимир Борисович Шкловский⁴⁰. Биография его родного брата, Виктора Борисовича⁴¹, удостоилась, хоть и критического, но все же похвального упоминания в БСЭ⁴². Все семейство Шкловских отличалось одаренностью.

Владимир Борисович одновременно был способнейший лингвист-филолог и глубокий органический фидеист⁴³. Последним качеством он едва ли уступал даже протопопу Аввакуму, столь прославившемуся своим пламенным фанатизмом. Влади-

мир Борисович был религиозен до самозабвения. Не говоря уже о том, что он, придя в любую квартиру, пусть даже к совершенно незнакомым людям, прежде чем подать руку, искал глазами по всем углам икону и, увидев ее, набожно, истово, широким крестом и не торопясь, полагал на себя троекратное крестное знамение. То же самое он творил неизменно на виду у всех на улице или в трамвае, проходя или проезжая мимо храма.

Сама наружность его производила странное впечатление. Грузный, с всклокоченными волосами на голове и бритым лицом еврейского типа, он казался всегда рассеянным. Это впечатление еще усиливалось его постоянно приоткрытым ртом и скороговоркой его речи.

Все свои житейские успехи он никогда не приписывал лично своим способностям, но всегда объяснял их милосердием Божиим и неизреченной милостью Его к нему, грешному. В то время он многими, знавшими его, именовался «профессором» духовной академии. Профессором он не был, но состоял в академии на штатной должности преподавателя французского языка, которым он владел, как парижанин. Но и многими другими новыми и древними языками он владел также в совершенстве.

Он любил вспоминать, как ему удалось стать «профессором» духовной академии. «Был объявлен конкурс, — рассказывает Владимир Борисович, — соискателей много и не каких-нибудь, а с известными именами. Ну, думаю, подам прошение, а там, как Богу будет угодно, на всё Его святая воля. Подал — и прошение приняли, значит, к конкурсному испытанию меня допустили. По-человечески говоря, шансов почти никаких, да на человеческие расчеты я и не полагался — не в них сила! Наступил день испытания. Пошел я на конкурс в духовную академию. На сердце все-таки тревожно. Прохожу мимо Лаврского собора. Дай, думаю, зайду в храм, подкреплю себя слезной молитвой пред ракой св. благоверного великого князя Александра Невского, молитвенного предстоятеля пред Богом за город наш и нас, грешных.

Долго и усердно я молился пред св. ракой, пред св. гробницей с нетленными останками нашего небесного ходатая. И что

бы вы думали, осеняя себя крестом, — продолжал свой рассказ «профессор», — все мои сомнения, колебания, все мои плотские помышления как рукой сняло. Встал я с колен ободренный и просветленный. Я знал, что все будет так, как угодно Господу. Конкурс был жестоким, но из всех соискателей выбор пал на меня»⁴⁴.

Помимо встреч с ним на собраниях Братства, я часто видел его в том «коммунальном коридоре», где проживала моя «нареченная тетушка», «невеста» моего дяди Вали. В этом же коридоре, напротив тетушкиной комнаты тогда жительствовавшая пожилая женщина французского происхождения с дочерью. Мать все называли madame Каро, а дочь, соответственно, «m-lle». Обе они были православные и отличались благочестием. Дома разговаривали мать с дочерью только на родном языке. Мать по-русски говорила слабо и с очень сильным акцентом, дочь же нашим языком владела вполне прилично. Она работала в каком-то учреждении, кажется, машинисткой.

В этом семействе очень часто бывал Владимир Борисович.

Коридорные сплетницы окрестили его «женихом» m-lle Каро. Ни ее, ни его это шутовское прозвище несколько не смущало. Он ходил сюда практики ради: разговор в его присутствии велся всегда на французском языке, причем все говорили с природным акцентом.

Кто знает, может быть, славная, кроткая, но, вероятно, темпераментная m-lle в тайниках своего французского сердца мечтала о Шкловском не только как о приятном «interlocuteur⁷е»⁴⁵. Может быть, он и предстоял иногда пред нею в сладких сновидениях или в «стародевичьих» мечтаниях в заманчивом образе близкого друга. Душа женщины непостижима и до сих дней окончательно не разгадана: это оказалось не по силам даже для древнегреческого мудреца Платона.

Но если такие сны когда-либо обуревали бедную m-lle, если она позволяла себе мечтать о нем, как о мужчине, то эти сны и мечты были совершенно бесплодны... Шкловский был для всех женщин на свете только «профессор» и глубоко верующий человек. Его чистая и фанатичная душа представляла собой

прототип нашего праотца Адама до сотворения Богом Евы... Шкловский, это можно утверждать без всякого колебания, никогда не ведал вожделения, не соблазнился грехом седьмой заповеди и был пред суровым ликом блудного греха чист, как новорожденный.

Может быть, благочестивая мать этого никогда и не подозревала: прекрасный пол не думает о том, что претит женской душе. И слава женщине за это!я

В книжном магазине Тузова⁴⁶ в те годы можно было купить тоненькую брошюрку, на заглавном листе которой стояла фамилия Шкловского с его инициалами⁴⁷. В ней можно было найти указания для чтения Св. Писания решительно на все случаи жизни. Это был его скромный дар страждущему брату на утешение в скорбях, печалях, болезнях и невзгодах житейских, а также и во дни душевного ликования.

До какой степени Владимир Борисович был одарен талантом филолога, можно судить по такому, например, совершенно достоверному факту. Во времена жестокого гонения на всех мало-мальски активных церковников Шкловский попал под карающую длань земного правосудия. Он был выслан куда-то за полярный круг в снежную пустыню и жил среди малоизвестной северной народности...

Хлопотали ли за него, несчастного, его друзья или родственники, или он попал под амнистию, или отбыл положенный срок, — не знаю. Но он вернулся в Ленинград, и не один, а с ученым трудом⁴⁸, написанным, может быть, в какой-нибудь эвенкской или ненецкой юрте, не при электрическом освещении и без библиотечных пособий, а по древнеримскому обычаю, «omne me tecum porto»⁴⁹.

Он привез с собой научно разработанную грамматику, дотоле никому не известного языка и подробный словарь того народа, среди которого он жил в ссылке. Специалисты высоко оценили этот труд. Но вряд ли Владимир Борисович после перенесенных испытаний придавал серьезное значение суждениям ученых о его труде... Он его творил не для суда ученых, а по велению собственного духа и суровых условий жизни!

Что стало с ним потом, я не знаю. Он исчез, и теперь, наверное, навеки.

Я не сомневаюсь, что жизнь его окончилась.

*Bone et care frater, sit tibi terra levis!*⁵⁰

* * *

Над миссионерскими курсами, а купно и над Братством быстро собирались черные тучи большой церковной политики. Угроза нашего предстоящего разгона надвигалась с роковой непреложностью. Возможно, Дмитрий Иванович уже был осведомлен о грозившей разлуке, но до меня никакие тревожные слухи еще не доходили. У меня и в мыслях не было, что я скоро потеряю своего любимого Наставника.

В братстве многие знали о том, что я готовлюсь к поступлению в духовную семинарию и сочувствовали мне.

Одна из братчиц, солидная дама средних лет, имевшая отношение к торговому делу, однажды попросила меня съездить в духовную семинарию и возвратить взятую ею на прочтение книгу семинарскому преподавателю Ивану Павловичу Щербову⁵¹. Возможно, она что-нибудь лестное для меня уже говорила ему обо мне и теперь хотела познакомить меня с ним...

Я поехал. Дверь мне открыла худошавая пожилая женщина: как я впоследствии узнал, его родственница, ведшая его несложное хозяйство. Иван Павлович был одинокий холостяк, влюбленный в богословие и преданный ему. Дома преподавателя не было, и я по своей недогадливости, вместо того, чтобы приехать в другой раз, отдал книгу и тем лишил себя возможности переговорить с полезным для меня человеком. Но я все же считаю, что мое первое, хотя и заочное знакомство с Иваном Павловичем совершилось в этот раз.

Потом я его узнал близко и хорошо и проникся к нему глубоким уважением. На память о нем мне, к сожалению, осталась всего-навсего подпись его в аттестате моем об окончании Петроградской духовной семинарии.

5

Наконец, наступили дни расставания с Димитрием Ивановичем. Он получил назначение на должность инспектора в Ставропольскую духовную семинарию. Он мне предложил ехать вместе с ним для поступления в тамошнюю духовную семинарию. Как ни было для меня заманчиво находиться подле него и под его руководством, но я крепко и тревожно задумался. А как же быть с бабушкой и мамой? Мне совсем не улыбалось на долгий срок расставаться с ними, уговаривать же бабушку переселяться на Кавказ в ее возрасте было бы весьма легкомысленно. Кроме того, она получала за дедушку пенсию от СПб. губернской управы, и порывать связь с этим учреждением не имело никакого смысла, если не сказать больше.

Димитрий Иванович видел мои колебания и со свойственной ему решительностью и обстоятельностью поступил иначе. Он посоветовал мне снова подать прошение на имя митрополита о допуске меня к экзаменам в СПб. семинарию, но уже не в первый, а во второй класс, так как этого требовал мой возраст. Это мое прошение по субординации поступило на исполнение к викарному архиерею, преосвященнейшему Никандру. А по миссионерским курсам и по Братству, как мы уже знаем, епископ Никандр был высоким покровителем. Он же управлял через ректора и духовной семинарией.

Сообразуясь с этими, крайне благоприятными для меня обстоятельствами, Димитрий Иванович надеялся, что при поддержке владыки Никандра мне удастся пробить непролазную стену в вожделенные классы духовной семинарии.

В глазах ректора и семинарского правления теперь я не мог выглядеть сумасбродным юношей с улицы, замыслившим из городского училища перескочить в сугубо сословное, единственное на всю епархию учебное заведение без надлежащей систематической подготовки, одолевавшим премудрость на свой риск и страх самоучкой.

Как ни парадоксально, но поступать для меня во второй класс было легче, чем в первый. Объясняется это следующими обстоя-

тельствами: в первый класс был всегда большой конкурс, так как окончившие духовные училища (а их в епархиях было несколько) по непременно вступительному экзамену поступали в семинарию, которая была одна на всю епархию: все желающие поступить не могли, отсеив был большой... Во второй же класс, как правило, поступающих не бывало, значит, и конкурса не было, достаточно было только не провалиться на экзаменах.

Кроме того, в первый класс мне приходилось наравне с другими держать испытания по всем предметам за духовное училище без учета того, что некоторые предметы я прошел в городском училище в большем объеме, чем они проходились в духовном училище. Иное дело при поступлении во второй класс. В этом случае я подвергался испытаниям по программе первого класса духовной семинарии и по тем предметам духовного училища, которых не было в программе городского училища.

Вот по каким предметам мне пришлось подвергаться испытанию во второй класс:

1. Древнеславянский язык.
2. Церковнославянский язык.
3. Церковное пение.
4. Греческий язык.
5. Латинский язык.

6. Изъяснение Священного Писания (только за первый класс духовной семинарии).

Когда я узнал, что меня допустили к экзаменам во 2-й класс семинарии, я засел за учебник Афанасьева по изъяснению Св. Писания⁵². Я должен был твердо знать содержание законоположительных книг Ветхого Завета (т. е. Пятикнижия Моисея), исагогику (т. е. историческое введение к этим священным книгам) и герменевтику (т. е. святоотеческие приемы изъяснения текста). Этот предмет меня увлек. Всё в нем казалось мне новым и интересным.

Готовился я с увлечением, не щадя сил и времени. Мне представлялось, что я это делаю для своего любимого наставника Дмитрия Ивановича. В моих глазах и в моем благодарном сердце Дмитрий Иванович теперь был для меня не только наставник, но и благодетель!

В августе 1913 г. я выдержал предстоявшие мне экзамены и поступил во 2-й класс СПб. духовной семинарии.

* * *

Семинария как тогда, так и теперь помещается в доме № 19 по Обводному каналу⁵³. Главный фасад учебного корпуса в четыре этажа выходит к Обводному каналу, несколько отступая за чугунной решеткой. В то время у ворот решетки находилась деревянная колокольня. Около семинарии три двухэтажных дома, два из них перед учебным корпусом справа и слева, и один рядом с правой стороной корпуса, отделенный от него лишь узким проходом. Эти дома предназначались тогда для преподавателей.

Представим себе, что мы стоим лицом к учебному корпусу. С левой стороны от него, ограничивая семинарскую территорию, протекает речушка, именованная у нас Монастыркой, справа — забор, отделяющий семинарию от сада духовной академии и корпусов духовного училища. В этой стене тогда была калитка, ведшая, минуя безлюдный Обводный канал, внутренними ходами во двор духовного училища и Лавру на старый Невский.

Сзади учебного корпуса располагался обширный и довольно тенистый сад со скамейками. Он своей задней стороной примыкал к митрополичьему саду и отделялся от него глухой высокой оштукатуренной стеной. Само учебное здание выстроено в виде буквы «твердо». Ножки этой буквы представляли собой пристройку к заднему фасаду в его середине в три этажа. В нижнем помещается столовая с пищеблоком, в среднем — фундаментальная библиотека, в верхнем — храм. Из столовой можно было пройти светлым коридором в конец всей этой пристройки. Он вел в двухэтажное строение, в котором помещался лазарет и квартира лекарского помощника, обслуживавшего больных семинаристов под руководством доктора медицины, главного врача Мариинской больницы, преподавателя гигиены в последнем классе Ивана Иеронимовича Козловского⁵⁴.

Мы вошли в парадную учебного корпуса. Поднялись на несколько ступеней, налево вниз ведет лестница в обширную гарде-

робную. Вестибюль с двумя колоннами, и через все здание — коридор. Такие продольные коридоры расположены во всех этажах. В первом этаже помещались квартиры ректора, инспектора, эконома, канцелярия и правление. Во втором — актовый зал с высоченными потолками в два этажа и огромными полукруглыми окнами и классы по обе стороны коридора. В третьем — дортуары⁵⁵. И в последнем — квартиры двух помощников инспектора и какие-то подсобные помещения.

Итак, я стал семинаристом. Теперь мне было обеспечено получение законченного среднего образования. Правда, среднее образование здесь не являлось самоцелью. Оно в течение четырех лет после духовного училища, так сказать, сопровождало другое специальное — богословское образование, длившееся в семинарии шесть лет. Естественно, что во всем семинарском обучении господствовал дух классицизма и гуманитарных наук — не в их средневековом понимании, как антипод теологии, а в современном.

В семинарии же *studia humana et studia divina*⁵⁶ представляли собой не более, как две руки одного и того же тела. Все было подчинено одному принципу — подготовить к наилучшему пониманию Священного Писания и богословских наук. Причем, бесспорным постулатом являлось положение о том, что истинная религия никогда не противоречит истинной науке.

В семинарии дух классицизма не имел того мертвящего «грамматического» значения, каким отличались тогдашние гимназии. Изучение древних языков в семинарии имело практический уклон. Эти языки требовались для богословской полемики и для развития ораторских способностей, т. е. опять-таки, эти языки служили делу специальной выучки, чтобы, по возможности, каждый семинарист в конце концов мог стать достаточно образованным *advocatus ecclesiae*⁵⁷.

Какие сочинения древних классиков изучались в семинарии с наибольшим старанием, но не вдаваясь в грамматический анализ? По-гречески — платоновская Апология Сократа и речи Демосфена; по латыни — речи Цицерона и Лактанция. Но чаще всего при изучении библейского текста нам приходилось обра-

щаться к сравнительному чтению славянского перевода с подлинниками — древнееврейским, греческим и латинским. Таким образом расширился диапазон историко-филологических понятий.

Всего в семинарии преподавалось 29 предметов, из них 13 специальных, а именно:

1. Изъяснение Священного Писания.
2. Общая церковная история.
3. История Русской Церкви.
4. Церковная археология.
5. Богословие основное.
6. Богословие догматическое.
7. Богословие нравственное.
8. Богословие обличительное.
9. История и обличение русского раскола.
10. Практическое руководство для пастырей.
11. Гомилетика.
12. Литургия.
13. Церковное пение.

В пору моего пребывания в семинарии воспитание и обучение здесь ни капли не напоминало бурсы Помяловского⁵⁸. Во всем мне по сравнению с городским училищем бросались в глаза исключительная вежливость преподавателей и внешнее приличие семинаристов.

Главнейшим предметом в семинарии, хотя и не вносимым в аттестат, было сочинение. Предполагалось, вероятно, как аксиома, что без умения излагать свои мысли устно и письменно нельзя успешно выполнить ту роль, к которой нас готовила семинария.

Вспомогательными предметами для подготовки к организованному и умелому изложению мыслей служили теория словесности и логика. Петр Захарович Белодед⁵⁹, плотный мужчина украинского типа с усами à la Тарас Бульба, преподавал теорию словесности и историю литературы. Он заставлял нас тщательно разбираться в отличительных особенностях видов и родов поэтических и прозаических произведений. Особое внимание обращалось на изучение рассуждений. С этой целью в первых

двух классах писались так называемые «хрии» (от греческого «хрейя» — предмет обсуждения, вопрос, тема)⁶⁰. Хрия у нас представляла собой письменное рассуждение на какую-нибудь поговорку, пословицу или цитату. Причем, рассуждение должно было быть написано по всем правилам ораторской речи и с последовательным применением логических приемов доказательства. Для развития находчивости и словесной изобретательности хрии, несомненно, были полезны. Кроме того, эти упражнения являлись своеобразной подготовкой к будущему изучению гомиластики (искусства проповеди).

Логика изучалась по учебнику профессора СПб. духовной академии Светилина⁶¹. Учебник был краткий, до предела сжатый, без всяких отступлений. Он вел прямо к цели, т. е. ясному пониманию законов мышления, силлогизмов, методов индуктивного исследования, роли дедукции в развитии науки и особенно к пониманию прямых и косвенных доказательств и логических ошибок.

От первого до последнего класса семинарии тщательно изучался библейский текст от Книги Бытия до Апокалипсиса.

Первоисточники богословия требовалось знать с возможной полнотой. Каждая библейская книга изучалась в двух церковных отношениях: с точки зрения исторической (этим занималась исагогика, от греческого слова «эйсаго» — вводить, т. е. «введение»)⁶² и с точки зрения правильного понимания и толкования текста, чем занималась герменевтика («герменейя» — истолкование, раскрытие смысла)⁶³.

Исагогика учила, когда и по какому поводу появилась на свет та или другая библейская книга, кто ее автор. Какие существуют тексты ее, и какова их сравнительная ценность. На какие части по своему содержанию она разделяется, и в какой логической связи находятся эти отдельные части к книге в целом и к ее частям.

Герменевтика же, основываясь на филологии и творениях церковных толкователей текста, разъясняла приемы изъяснения Священного Писания.

Ветхий и Новый Завет проходил в семинарии в таком порядке. В 1-м классе изучались так называемые законоположи-

тельные ветхозаветные книги Моисея, или Пятикнижие, т. е. книги — Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

Во 2-м классе — исторические ветхозаветные книги, т. е. книга Иисуса Навина, Судей, Руфь, четыре книги Царств, две книги Паралипоменон, три книги Ездры, книга Товита, Иудифь, книга Эсфирь и три книги Маккавейские — всего 18 исторических книг.

В 3-м классе — учительные книги Ветхого Завета, т. е. книга Иова, Псалтирь, притчей Соломоновых и его же Екклесиаста, Песнь Песней и Премудрости, книги Иисуса, сына Сирахова, — всего семь книг.

В 4-м классе изучались все девятнадцать пророческих книг Ветхого Завета, т. е. пророков Исайи, три книги Иеремии, Варуха, Иезекииля, Даниила, Осии, Иоиля, Амоса, Авдия, Ионы, Михея, Наума, Аввакума, Софонии, Аггея, Захарии и Малахии.

В 5-м классе — пять первых книг Нового Завета, т. е. Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна и Деяния Апостолов. И наконец, в 6-м классе — двадцать одно апостольское послание и Апокалипсис.

В каждом классе преподавал особый преподаватель, в двух последних — ректор семинарии, протоиерей Василий Мартинсон⁶⁴. Текст изучался только в славянском переводе. В случае надобности приходилось обращаться к греческому подлиннику или, когда речь заходила о тексте Евангелия от Матфея или ветхозаветных книг, к еврейскому подлиннику. Впрочем, ветхозаветный текст по своей ценности неизмеримо выше в греческом переводе так называемых Семидесяти толковников, чем искаженный еврейский.

6

С сентября 1913 г. до Рождественских каникул я жил при бабушке в Новой Деревне и ежедневно ходил на занятия в семинарию, иногда туда и обратно пешком.

Однажды в класс до урока вошел ректор. Среднего роста, худощавый, с небольшой черной бородкой и очень выразительны-

ми черными глазами. Он всегда производил впечатление очень спокойного человека, с ровной и неторопливой речью. Я сидел, помнится, на второй парте у стены вблизи входной двери. При появлении ректора класс встал. Он пришел объявить четвертные итоги успеваемости по классам и индивидуально по нашему классу. Мы выслушивали это сообщение сидя. Вдруг отец ректор назвал мою фамилию. Я мигом поднялся и уставился глазами в отца ректора. Он сказал мне, что ввиду моей успеваемости Правление семинарии предлагает мне стипендию свечного завода⁶⁵, т. е. переход на казеннокоштное положение.

Я отвесил низкий поклон отцу ректору и почувствовал, что вся кровь разом прилила к моему лицу. В сознании моем пронеслась мысль о том, что теперь я надена форму (бабушка ее сделать мне никак не могла), что я освобожу, наконец, бабушку от непосильного для нее содержания, кроме моей матери, еще и меня, девятнадцатилетнего байбака, сидящего только за книгами и ничего не зарабатывающего себе на жизнь. Это было похоже на некое тунеядство и бездельничество. Тем более что в Новой Деревне перед моими глазами протекала жизнь подростков совершенно иного образца.

Примерно через два дома от нас на той же 5-й улице жил знакомый мне мальчуган Вася Юрин. Он был всего года на два моложе меня, но не сидел дома на шее родителей, а работал уже на каком-то заводе. И дружок Юрина помоложе его, Леша Богданов, тоже был уже заводским рабочим. Это были ребята упорные, крепкой закалки, изведавшие на самих себе жизнь рабочего человека, и будничную, и праздничную. Впрочем, по-своему я тоже постигал злону дня и трудности жизни. Не так-то легко было шагать книжным путем и «грызть науку», как внушал мне инспектор городского училища, уважаемый Семен Казимирович⁶⁶.

Итак, я стал казеннокоштником и переселился в семинарию. Мне отвели в огромной спальной кровать и в другом помещении — шкафчик под моим ключом, в котором следовало держать все семинарское имущество, выдаваемое на руки, за исключением шинели, фуражки и галош. На руки нам каждый месяц выдавался сахар и чай. Кипяток можно было в любое время получить в столовой.

Каждый день утром, перед чаем и классными занятиями, и вечером, перед ужином, все живущие в семинарии ученики собирались в церковь и присутствовали на кратком богослужении. Ректор, инспектор и его помощники всегда бывали на этих богослужениях. Службу совершал очень старенький священник, прозванный семинаристами «Пека». Ученики 5-го и 6-го классов поочередно служили за псаломщика. Молитвы пели все семинаристы без специального хора. Конечно, и здесь дело не обходилось без юношеской шаловливости. Некоторые молитвы как в храме, так и в столовой, особенно молитва в честь святого покровителя семинарии Иоанна Богослова, пелись настолько громогласно, что дрожали и звенели храмовые стекла.

Можно себе представить дружный крик, вырвавшийся из двухсот натренированных глоток. Любовь к организованному крику, пожалуй, единственная бурсацкая традиция, которую я застал в семинарии и которую Н. Г. Помяловский красочно отметил в «Очерках бурсы»: «Товарищество уважало, кроме отпетых, потом силачей, потом голов, выносящих многоградусный хмель, — уважало и обширных басов. Бурса любит хорошие голоса, бережет их, лелеет, выручает из всякой беды. Ученики еще дома привыкли петь в церкви, славить Христа, служить панихиды и молебны, читать часы и Апостол, отчего у них развиваются голоса и любовь к пению. В училищах часто бывают превосходные певческие хоры»⁶⁷.

Превосходный хор был в то время и в семинарии. Его поддерживал на высоком уровне учитель пения Петр Васильевич Солтицкий⁶⁸, очень скромный, неразговорчивый, замкнутый человек с какой-то серенькой невыразительной наружностью. Он был прекрасный знаток своего дела и, кроме пения, преподавал факультативно для желающих игру на скрипке. Он же был и семинарский регент — руководитель хора, вернее, половины хора. Пение в семинарии было всегда «антифонное», т. е. на два клироса. Одним клиросом управлял Петр Васильевич, а другим — один из наиболее опытных в пении семинаристов.

Вообще-то, по программе пения каждый семинарист должен был уметь свободно читать партитуру, т. е. нотную запись

многоголосного хорового или оркестрового произведения. Каждый окончивший семинарию мог быть регентом, но, разумеется, не у всех были на то достаточные музыкальные способности и склонности.

Как-то издавна повелось, что при нашем антифоне пении обычно лучше пел тот клирос, которым управлял не учитель пения, а один из товарищей. Здесь сказывалось какое-то задрное бурсацкое соревнование — кто кого перекричит. Но отдельные молитвы, в том числе «Многолетие», пелись одним соединенным хором под управлением Петра Васильевича. В этом случае громогласие достигало своего предела, разумеется, когда это было допустимо по законам мелодии и гармонии.

На исполнении простого (не концертного) «Многолетия» хор всегда отводил душу. В этом случае соревновались в крике не клирос с клиросом, а соединенный хор с изумительным по силе басом отца эконома протодьякона Копейкина⁶⁹. Говорили у нас про него, что он по диапазону и силе голоса превосходил знаменитого Малинина, не говоря уже про Ф. И. Шаляпина⁷⁰. Не знаю, так ли это, но, во всяком случае, перекрыть, перекричать одному человеку орущий, как угорелый, мужской хор из умелых голосов — дело нешуточное и редко кому посильное.

Вот наступает исполнение «Многолетия». Все семинаристы, стоящие в парах и не участвующие в хоре, приходят в состояние сладостного и томительного ожидания. Отец эконом уже стоит на амвоне. С орарем в руке он торжественно поднимает кверху правую руку и на очень низком регистре, нижайшей октавой, но, тем не менее, ясным и звучным, почти шепотом, торжественно произносит первые слова «Многолетия». Весь храм: и хор, и молящиеся наслаждаются этими изумительными звуками. Тишина, как в пустыне. И только голос отца эконома гудит, поднимаясь с ноты на ноту, усиливаясь и звеня в ушах, как от могучего шума бури.

Сердце замирает от этого басового восхождения от октавы к октаве. Теперь уже громоподобные звуки вырываются из мощной груди отца эконома. Шея его наливается кровью — страшно смотреть, а голос с каждым произносимым словом возносится

все выше и выше. Начинают в тон голосу звучать стекла. Но вот бас добрался до последнего слова. В нем два слога «Ле — та», и на последнем из них бас, умело вибрируя голосом, приостановился на высоченной ноте, гремя и поражая слух.

Хор знает, что значит эта приостановка. Это брошен вызов всему хору. Кто кого перекричит? Двести сильнейших голосов, берущих первую ноту во всю мочь, или бас одного отца эконома? Хор неистово закричал. Кажется, рушатся стены. Дребезжат стекла. Все это происходит с молниеносной быстротой. Отец экономом хватил последний слог, и хор потонул в его могучем крике. Еще мгновение — и все голоса слились в один всесокрушающий победный гул!

Только пушечный залп, гром небесный да солдатское «ура» могут сравняться с шаловливо-горжественным криком разбушевавшихся бурсацких страстей. За какие деньги и в каком театре можно купить такое развлечение?! Нигде не купишь! Как не купить грозы и бури, пения соловья и шум леса или морских волн. Стихия неподкупна!

Иногда, обычно под праздники, семинаристы развлекались в спальне. Таких кощунственных песнопений я после семинарии нигде не слыхивал. Мне, не привычному к такому пению, казалось диким и возмутительным то, что я видел и слышал. Но бурсацкое ухо ко всему этому было привычно. Здесь закатывались прекрасно исполняемые «молебны» в честь «Сергия Каменноостровского чудотворца» или сквернословный акафист в честь «святых монашенок» и т. п. Это были, по-видимому, «родимые пятна» бурсацких нравов: они, как тяжелая наследственность, переползали из поколения в поколение, стали неискоренимой традицией.

Но я в семинарии был чужак — «иносостловный», отличавшийся от товарищей и возрастом (в классе я был самый старший), и по светскому воспитанию. Ко мне приглядывались, а я ни с кем не торопился сблизиться. Мне было не до приятелей, их заменяли учебники, над которыми мне немало пришлось потрудиться, особенно над греческим словарем Вейсмана⁷¹ и над латинским — Шульца⁷².

Мои познания в древних языках были слабоваты, а переводы задавались довольно обширные. На первых порах мне приходилось усиленно разбираться буквально над каждой переводимой строкой. Я старательно выписывал и заучивал каждое незнакомое слово и все время был начеку. Это быстро подметили мои классные приятели и со свойственной юности эгоистичностью использовали мое терпение и трудолюбие.

Перед самым уроком греческого языка перед партией, за которой я сидел, толпилось несколько нерадивых одноклассников. Они наперебой просили сказать значение или смысл того или другого слова или перевод какой-нибудь трудно понимаемой фразы. Я охотно удовлетворял их просьбы. Но дальше этого наше сближение не шло. Лишь впоследствии я подружился с тремя семинаристами: одноклассником Ванюшкой Алексеевым, выпускником Б. М.⁷³ и Федором Разумовским⁷⁴.

Алексеев бывал у меня, знал всех моих родственников и даже иногда ходил со мной на собрания Братства, с которым я не порывал связи, будучи уже семинаристом. Он был сын крестьянина одной из деревень лужского уезда. Жили они зажиточно. Он в деревне окончил церковно-приходскую школу и стараниями тамошнего батюшки был устроен в Александро-Невское духовное училище. Окончил его и перешел в духовную семинарию.

Мы с ним, по всей вероятности, и сдружились-то на почве нашего инородного положения. У него в семинарии друзей не было. Учился он неплохо, но его несколько не интересовала семинарская премудрость. Доучившись до 4 класса и выдержав экзамены в 5-й, он ушел из семинарии и поступил весной 1916 г. в университет на естественное отделение, стремясь осуществить свое страстное желание стать агрономом. Он прекрасно рисовал, любил искусство и понимал его.

В семинарии выходил рукописный журнал. Иллюстрации и карикатуры обычно рисовал Алексеев. Мы с ним дружили и после ухода его из семинарии. Когда организовался Ленинградский Сельскохозяйственный институт, он перешел туда и окончил его. Революцию он воспринял по-крестьянски. Увлёкся политикой, сочувствовал, а может быть, и принадлежал к партии тру-

довиков. Мне были совершенно чужды и непонятны его политические увлечения и классовые инстинкты, которые я в себе не ощущал. Впрочем, на этой почве между нами никогда никаких недоразумений не возникало. Не знаю, каким путем ему удалось втереться в семью одного профессора Военно-медицинской академии. К довершению всего, он женился на его дочери и поселился в его семействе. Думаю, что это для моего друга было роковой ошибкой: он срубил дерево явно не по себе и, связав свою судьбу с чуждой ему средой, он был подхвачен бурными волнами событий и бесследно исчез из жизни.

Борис М. был совершенно иного происхождения и характера. Он принадлежал к духовному сословию и происходил из села Рождествена. Рыжеватый, с веснушчатым лицом и бесцветными глазами, он не привлекал своей наружностью. Но зато был интересный собеседник. В то время он увлекался психографологией и усердно читал Моргенштерна⁷⁵, расхваливая его на все лады. Мы с ним как-то быстро сошлись, хотя он был на два класса выше меня, что, вообще говоря, по семинарским повадкам было серьезным препятствием к установлению между нами приятельских отношений. Никакого покровительства с его стороны не было, да оно и не требовалось, так как в своем классе я держал себя независимо.

В вечерние часы во время самостоятельного приготовления уроков в классе я частенько подолгу прогуливался с Борисом по длинному коридору, беседуя и споря по самым разнообразным философским, литературным и историческим вопросам. Мне нравился его живой ум с бурсацко-ироническим уклоном и его горячий темперамент. Богословских разговоров он не любил, называя их елейным пустословием. Надо сказать, что в ту пору семинарская выгучка ограничивалась классным помещением, а за пределами класса никто елейных разговоров не вел и не любил их. Впрочем, пожалуй, такой индифферентизм ко всему школьному тогда был свойственен любому учебному заведению. Тяжелая школьная повинность всегда требовала умственной разрядки и смены впечатлений. Тогдашняя семинария внешним своим видом не походила на монастырь: ни в вестибюле, ни в коридорах

никаких икон не было, как это сделано теперь во имя какого-то внешнего благочестия.

Борис окончил семинарию в самый разгар империалистической войны и сразу же был призван на военную службу. Вскоре он стал офицером и попал на фронт. Я получил от него с юго-западного фронта несколько писем и фотокарточку, изображавшую его офицером, одиноко стоявшим на каком-то поле. Потом следы его потерялись.

Третий мой семинарский приятель, Федор Разумовский, был одноклассник Бориса, но ничем не походил на него. Красивый, немножко херувимообразный юноша с изысканными светскими манерами, Федор знал себе цену и всегда боялся недоценить свои внешние и внутренние достоинства. Сын мелкого чиновника, сирота, учившийся на казенный счет, Федор мечтал о благополучном восхождении к злачным житейским пажитям. Между прочим, он хорошо пел и играл на скрипке. Ни Борис, ни я не симпатизировали Федору. Я всегда с жадным интересом следил за частыми словесными боями между моими приятелями. Обычно словопрения начинал Борис. Он любил подтрунивать над философией Разумовского, которую тот не скрывал от нас.

«Так как же, Федор, — спрашивал его Борис в моем присутствии, — значит, ты теперь окончательно сформировался в философском отношении?! Я, брат, все забываю твое мудреное самоопределение, повтори, пожалуйста». «Что же тут мудреного, — охотно отвечает Федор, — я причисляю себя к практическим идеалистам». «Слышишь, Евгений, — обращается ко мне Борис, — учись, брат, учись у Федора. Он знает, что говорит. У него, брат, философия прочная, безгрешная и безошибочная. Он далеко пойдет. Где нам за ним угнаться! Только знаешь ли, Федор, никак я не возьму в толк, как это ты так ловко умудрился соединить практицизм с идеализмом? Ты, брат, всех философов перещеголял».

Такие иронические замечания Бориса, кажется, не трогали «практического идеалиста». Он не сомневался в своих способностях проложить себе приличный житейский путь.

Военная служба его не коснулась, как Бориса. Он сумел приобрести себе сильную поддержку. Ему удалось пробраться в дом инспектора духовной академии Зарина⁷⁶, влиятельного чиновника. Свояченица Зарина, престарелая девица лет 40, безумно влюбилась в красивого юношу. Федор на ней женился. Получил место настоятеля в одном из женских монастырей около станции Плюсса⁷⁷. Скоро был награжден камилавкой и протоиерейством. Так благоденствовал «практический идеалист».

Выбила его из седла революция. Он связался не то с живоцерковниками, не то с обновленцами — с кем-то из тех церковников, кто отрицал единобрачие духовенства, разрешал не только вторичный брак, но и развод. Последнее ему было особенно важно, ибо престарелая свояченица Зарина теперь ни с какой стороны не представляла интереса для «практического идеалиста». Он развелся с ней и женился вторично.

Последний раз я видел его в тридцатых годах. Однажды после собрания в Учебном отряде подводного плавания, где я в то время был штатным преподавателем, я вошел в трамвай вместе с другими моряками. Народу было в вагоне много. Мы веселой толпой остановились у дверей. Вдруг, чувствую, кто-то дергает меня за рукав. Ба! Это Федор Разумовский. Он — в рясе, прикрытой пальто. Мы о чем-то заговорили. Через 2–3 остановки он выходил. Мы пожали друг другу руки и распрощались навсегда.

Весной 1914 г. я перешел в 3-й класс. Одетый в форму, с радостным и горделивым чувством достигнутой цели я поехал в Лугу. Остановился в семействе Васильевых. Мне посчастливилось приехать к выпускному акту в Городское училище. Я пошел на акт. Всё — и лестница на 2-й этаж, и коридор, и стены, и классы — такое близкое, родное. А инспектор Семен Казимирович, а Разумник Константинович⁷⁸, а законоучитель... Они одним своим видом вызывают множество глубоких воспоминаний. Как и при мне, когда я здесь учился, отец Александр служит благодарственный молебен с водосвятием. Ученики поют. Учитель пения, соборный регент, управляет хором. Я стою не с учениками, а с их родителями, в толпе присутствующих на молебне и, конечно, пробрался в первый ряд: пусть меня все видят, мне есть чем похвастаться.

Я не обманулся в честолюбивом намерении. Как только кончился акт, ко мне подошли Семен Казимирович и отец Александр. Они поздоровались со мной за руку. Уже одно это было для меня немаловажным событием. Ведь всего два года назад я дрожал перед каждым из них, стоя у классной доски. А теперь я пожимаю их руку как хороший знакомый.

«Где вы учитесь?» — спрашивает меня Семен Казимирович. «В Санкт-Петербургской духовной семинарии», — у меня даже щекочет в горле от такого красноречивого ответа. И глядя на своего бывшего законоучителя в упор, я не без тайного умысла подчеркиваю, что уже перешел в третий класс. Мне чудится завистливое удивление на лице священника. Для этого есть, как мне кажется, вполне достаточные основания. Ни один из сыновей батюшки не мог осилить в духовной семинарии даже первого класса: им непреодолимо препятствовали тупость и лень.

Они были достаточно избалованы отцовскими заботами и разболтаны лишними деньжонками и скверными товарищами. В Луге это было всем известно. Вот почему мне доставляло злорадное удовольствие сказать в глаза отцу Александру, что я перешел в 3-й класс.

«Семен Казимирович, — обращаюсь я к инспектору, — надо ли кому-нибудь из ваших учеников репетитора? Я в Луге проживу все лето и буду давать уроки». «Зайдите ко мне на днях, поговорим. Уроки нужны».

Кажется, на другой же день я зашел к Семену Казимировичу, и он рекомендовал мне зайти к нескольким лужским торговцам, дети которых имели осенние переэкзаменовки по хорошо знакомому мне образцу, причем я мог сослаться на рекомендацию инспектора.

Таким путем я приобрел в Луге некоторую известность как репетитор. Частные уроки у меня всегда были и даже в изобилии. Днем я занимался с шалопаями разных степеней, чаще всего арифметикой и русским языком, а по вечерам гулял в церковном саду и на вокзале со знакомыми лужанками. Лето промелькнуло быстро, как приятное сновидение. Я попрощался с Семеном Казимировичем, поблагодарив его за внимание к своему бывшему

ученику, вернулся в столицу и продолжал преодолевать семинарскую премудрость.

7

Однажды, после обычной вечерней молитвы я вышел из храма одним из первых и зачем-то пошел не вниз, в столовую на ужин, а наверх. Быстро пробежав по лестнице, я приостановился на площадке третьего этажа. Передо мной мелькнула фигура какого-то семинариста, и он мне быстро и повелительно проговорил: «Идите скорей! Не останавливайтесь!» В это же мгновение по всему коридору потух свет, и я в потемках добрался до спального помещения. В тот момент я не придал этому происшествию никакого значения, а в действительности-то тут совершалось на моих глазах бессмысленное преступление, через час ставшее известным всей семинарии и за ее пределами.

Как впоследствии обнаружилось, один из семинаристов, некто Кучумасов⁷⁹, которого я никогда не знал, сводил за что-то личные счета с ректором. Для этого он не пошел на вечернюю молитву, вооружился чугунной массивной вьюшкой⁸⁰ и стал на верхней площадке поджидать выхода ректора из храма. С занятого Кучумасовым наблюдательного поста в лестничные пролеты хорошо была видна дверь в храм и вся храмовая площадка. Ректор вышел из храма не один (такой случай едва ли мыслим). Его окружали инспектор, два помощника инспектора (один из них — Алексей Александрович Сокольский) и, может быть, еще несколько семинаристов, задержавшихся в храме. Словом, на площадке у входа в храм оказалось несколько человек. В ничто, метя в ректора, Кучумасов бросил вьюшку. Она вдребезги разбилась у ног собравшихся на площадке, но, к счастью, никого не задела.

Происшествие это вызвало в семинарии большой переполох. Начальство принимало свои меры, а учащиеся — свои. По-видимому, поведением учащихся кто-то руководил. Начались сходки по спальням и в большой общей умывальной

комнате. На одной из таких сходов был и я. Там говорилось, что по чувству товарищеской солидарности никто из семинаристов не должен выдавать товарища в угоду начальству. Все поддерживали это предложение. Тем не менее, через одного из семинарских служащих, подслушавшего речи на сходах и проведавшего фамилию виновника всего шума, начальству стало известно, кто бросил вьюшку в ректора. Он был вызван в Правление, но решительно отрекся от приписываемого ему поступка.

Может быть, с целью отвлечь от Кучумасова тяжкое обвинение, а может быть, наоборот, чтобы инцидент с ним использовать как повод для более широких требований семинарских реформ, на продолжавшихся сходах была выработана обширная петиция, требовавшая для семинаристов многих льгот. Помню, между прочим, требовался допуск учащихся к пользованию фундаментальной библиотекой, куда допускались только преподаватели.

Выбранная на сходке делегация была уполномочена вручить петицию семинарскому начальству. И она была вручена. Таким образом, дело осложнялось и явно выходило за пределы семинарии.

Вмешался митрополит Владимир. Он приехал в семинарию со словом надлежащего увещания, но ему не удалось это благое намерение. Еще в вестибюле он был освистан и скрылся от семинаристов в квартире ректора.

Тогда было поручено Учебному комитету при Святейшем Синоде произвести в семинарии официальную ревизию. Появился впервые виденный мною чиновник-звездоносец очень преклонного возраста. Он ходил по урокам, вызывал к себе поодиночке семинаристов, интересуясь делом заподозренного Кучумасова и нашими настроениями. Выход из семинарии в город допускался только с ректорского разрешения. Семинаристы угрожали забастовкой, а им угрожали закрытием семинарии и чисткой учащихся.

Когда судьба Кучумасова была предreshена (ему грозило исключение с «волчьим билетом»), семинарские страсти разбуше-

вались с прежней силой. Бой шел за «волчий билет». Товарищество категорически возражало. По этому вопросу никто из семинаристов не допускал и мысли об отступлении перед желанием начальства. После многих и упорных переговоров между враждующими сторонами товарищество победило: Кучумасов был исключен из семинарии без порочного отзыва о его поведении. И что же? Примерно через год мы увидели Кучумасова на семинарском вечере в офицерской форме и с георгиевским крестом на груди. Этот вечер, скорее всего, происходил в 1915 или 1916 г. и был посвящен воспоминаниям о семинаристах, участвовавших в Первой мировой войне. Некоторые из них к тому времени уже погибли на поле боя.

Месяца за два до этого вечера меня вызвал к себе новый семинарский преподаватель, окончивший духовную академию, иеромонах Николай Ярушевич (ныне митрополит Московский и Коломенский)⁸¹. Он преподавал только в старших классах, и в то время я у него не учился. Он дал мне свое собственное патриотическое стихотворение о гибели двух русских военных кораблей в бою с немцами и попросил при нем прочитать вслух. Я прочел. И он поручил мне подготовиться к декламации этого стихотворения на предстоящем вечере. Откуда отец Николай знал обо мне и почему именно меня выбрал читать свое стихотворение, мне совершенно неизвестно. Я выучил стихотворение наизусть, а оно было довольно большое.

Вот и вечер. Актный зал наполнен высокопоставленными представителями духовного сословия и их присными. Здесь и митрополит с сонмом епископов. Здесь и обер-прокурор Святейшего Синода Саблер.

Вступительную речь, вернее доклад о семинаристах-воинах, делает преподаватель истории Анатолий Семенович Судаков⁸², известный у семинаристов под кличкой «жизнь». Его худощавая фигура с маленьким, но очень подвижным лицом производит впечатление нервного возбудимого человека. У него довольно быстрая речь, гладкая, ровная, совершенно правильная, без сучка и задоринки. Голос звучный, мягкий, выразительный, приятный.

По-видимому, он немножко волнуется, что еще более украшает его речь повышенной эмоциональностью. Он читает, но настолько искусно, что если не смотреть на оратора, то никак не подумаешь, что у него перед глазами строго продуманный и написанный текст. Это достигается не только умелым чтением, но и текстом максимально приближенным по стилю к устной речи с выразительными паузами, риторическими вопросами, обращениями к персонажам, упоминаемым в речи, и их живым, красочным описаниям.

За докладом следует традиционное выступление бывшего воспитанника семинарии артиста Мариинского театра Молчанова. Он приехал в карете со своим аккомпаниатором. Под гром аплодисментов он пропел трогательно-величественно «Спите, орлы боевые». Семинаристы, особенно богословских классов, так оглушительно хлопают не только потому, что он сейчас исполняет в актовом зале. Они ему хлопают авансом в предвкушении того наслаждения, которое их ждет в спальне. Как только кончится концерт, «богословы» окружают артиста плотным кольцом и проводят его в ту самую спальню, которая когда-то была и спальней артиста. Там они вместе с ним вволю наслушаются и напоятся из самого изысканного «семинарского» репертуара. Начальство не противодействует этому развлечению.

Молчанов пропел перед высокими гостями и восторженными ценителями хорошего вокального исполнения. Пропел и хор подготовленные траурные номера под руководством учителя пения.

В один из интервалов я слышу звучный голос конференсье, назвавший мою фамилию. Я на кафедре. Громким уверенным тоном я называю имя присутствующего здесь автора того стихотворения, которое я декламирую. Прочтя с доступной мне выразительностью, как учил меня творец стихотворения, некоторое количество строк, я вдруг чувствую, что память мне изменила. Две-три томительных секунды молчания. Но кафедра для меня не новость. Сама по себе и слушатели бессильны меня смутить. Я быстро вынимаю из бокового кармана написанный текст стихотворения и, не меняя тона, с прежней выразительностью справляюсь с делом до конца.

Аплодируют автору прочитанного произведения, но я эти аплодисменты принимаю на свой счет и благодарно раскланиваюсь.

На Ружейной улице в доме школы имени А. С. Пушкина происходили собрания какого-то религиозно-философского общества. Какая-то злая сила потянула меня туда с одной революционно настроенной женщиной, молодой тетушкой одного из моих учеников. Эта начитанная и образованная дама иногда пыталась влиять на мое мировоззрение. Помню, однажды она убедила меня прочесть письмо священника Гогофа к Бебелю⁸³ и ответ последнего. Я прочел.

Ответ Бебеля мне сильно не понравился своей плебейской грубостью и безапелляционностью суждений. Моя симпатия была на стороне священника. Я написал по этому поводу довольно обстоятельное рассуждение, которое вернулось ко мне со многими вопросительными знаками и пометками на полях, сделанными рукой моей знакомой. И вот, может быть, в отместку за пометки я уговорил эту даму сходить на религиозно-философский доклад.

Мы немножко опоздали. Собрание происходило в узкой длинной комнате с одним окном. Посредине длинный стол. Вдоль стен мягкая мебель. На одном конце стола сидел какой-то маститый заслуженный священник с какими-то орденами и золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. На другом конце стоял оратор, по своим манерам напоминающий адвоката. Вдоль стен в роли слушателей сидели немолодые женщины с аристократической внешностью.

Мы сели. Прислушались. Меня забеспокоила тема доклада. Оратор доказывал божественное происхождение самодержавия. Еще больше я перетрусил, когда моя собеседница в весьма раздраженном тоне стала мне высказывать свое возмущение и темой доклада, и рассуждениями докладчика. «Какая возмутительная нелепость, сплошная чушь, — говорила мне моя спутница, причем довольно громко и без стеснения. — Неужели это действительно основано на Библии? Неужели Библия написана для русских черносотенцев? Нет, Женя, как хотите, я буду протестовать. Здесь можно высказывать свои убеждения? Разрешается выражать?»

Я сидел, как на иголках. Не знал, что предпринять: если попробовать уйти, она, пожалуй, не согласится. Остаться — она и впрямь вяжется в спор. Но ничего путного от такого спора получиться не могло. Что она могла сказать по существу библейских размышлений? А возмущение ее оратором все усиливается, точно ее подпаливают огнем. Наконец, чтобы ее успокоить, я говорю ей: «Подождите! Пусть он кончит свою белиберду. Я буду ему возражать. Согласны?» Она пожала мою руку.

А оратор продолжал доказывать божественное происхождение самодержавной царской власти, пересыпая свою речь многочисленными библейскими текстами в русском переводе, что резало мое бурсацкое ухо, приученное к славянскому тексту. Я уловил, как мне казалось, доминирующий тезис «защитника самодержавия». Он сводился к искусному повторению истории первого еврейского царя Саула и его помазания на царство первосвященником и последним Судьей пророком Самуилом. В общем, оратор с красноречивой пышностью пересказывал невзыскательным слушательницам краткое содержание первой Книги Царств.

Я старался подметить слабую сторону в его аргументации, такую брешь или щелку, в которую можно было бы просунуть ядовитое сомнение или уличить оратора в искажении библейского текста. Я понимал всю недопустимость для себя, семинариста, сойти в предстоящем споре со строго библейской почвы, что *volens-nolens*⁸⁴ сделала бы моя спутница и тем, по моему мнению, погубила бы дело. Ведь «*De principiis non est disputandum*»⁸⁵, тем более на таком ортодоксальном собрании под руководством заслуженного пастыря Церкви.

Обдумывая все это, я ужасно волновался. Меня немного подбадривала мысль, что оратор, вероятно, человек светский, и вряд ли он знает все ветхозаветные книги, особенно те, о которых непосредственно идет речь, лучше семинариста, только что сдавшего экзамен по историческим книгам Ветхого Завета.

Единственный человек в этом собрании, со знанием которого я не мог не считаться, был священник. Весь вопрос в том, как он отнесется к моему предстоящему выступлению и не осудит ли его. Тем более что мне самому сложившиеся в уме возра-

жения представлялись довольно скользкими, недостаточно ясными и трудными для изложения в приемлемой, не слишком острой форме. Впрочем, основной мой тезис, опровергающий оратора, не вызывал во мне никаких колебаний. Мне представлялось, что я, как Одиссей, поплыву сейчас между Сциллой и Харибдой: надо было угодить и моей собеседнице, и не обидеть ее противников.

Оратор окончил доклад. Я, взглянув на свою спутницу, встал с места и попросил у председателя слова. Он разрешил. Утомленные слушательницы оживились. Некоторые в лорнет поглядели на меня, может, с любопытством, а может, с неодобрением, как на выскочку. В данный момент мне было все равно: я хотел угодить только моей спутнице.

«Господа, — начал я свое возражение, — мне кажется, что докладчик слишком много говорил нам о царе Сауле и слишком мало о пророке Самуиле. А между тем, первая Книга Царств гораздо драматичнее рассказывает о происхождении царской власти у евреев, чем об этом передал нам докладчик. Дело происходило совсем не так мирно. Если строго придерживаться библейского текста, от которого, как мне кажется, иногда докладчик отходил непозволительно далеко, то картина получится иная, чем здесь было нарисовано.

Позвольте мне, господа, повторить историю с еврейским царем по Библии. До царей были Судьи, об этом написана целая книга, которая так и называется — “Книга Судей”. Последним Судьей был тот самый Самуил, который по велению Божию поставил первого царя Саула. Об этом нам подробно рассказал докладчик. Но спросим себя, какой же государственный строй был у евреев при Судьях? До царской власти? Библия ясно отвечает на этот вопрос: было Богоправление, или теократия. Это была у евреев традиционная форма правления.

Последним представителем этой формы правления был первосвященник Самуил. Спрашивается, зачем же евреям понадобилась царская власть? И на этот вопрос Библия дает такой же ясный ответ. Евреи решили отвергнуть свою традицию из-за слепого подражания другим, языческим народам, ну, скажем, егип-

тянам, имевшим у себя фараонов. Хорошо ли это было? Нет, не хорошо, так как в этом случае царя предпочитали Богу. Самуил, последний Судья, был возмущен желанием народа иметь у себя царя. Он, Самуил, как первосвященник излил свое возмущение и негодование по этому поводу перед Богом.

Жаль, господа, что у меня под рукой нет Библии: можно было бы с пользой для сегодняшнего собрания перечитать 8-ю главу первой Книги Царств. Там сильно сказано о сетованиях Самуила, что жестоковыйный, неблагодарный еврейский народ отворачивался от Божьего водительства ради царского руководства. Самуил был до такой степени расстроен, что Самому Богу пришлось его утешать и успокаивать.

Самуил считал себя лично оскорбленным желанием народа заменить его, Самуила, царем. Он был стар, но не уходил добровольно с поста Судьи еврейского народа. Чем же Бог утешил Самуила? А Он ему сказал, что уж если и есть для кого обида, то не для Самуила, а для Самого Бога. Самуил только служитель Божий — первосвященник, и народ, отказываясь от него, тем самым отказывается от Бога.

Так у евреев заменялась теократия автократией, т. е. власть небесная властью земной. Таково, по Библии, существо дела с возникновением царской власти. Мне кажется, докладчик совершенно обошел эту сторону дела. Вот что я хотел дополнить, господа».

Заключительного слова докладчик не попросил, мое рассуждение осталось без ответа.

Когда мы с дамой вышли из помещения, она еще раз пожала мне руку и сказала, что ей понравилось мое рассуждение тем, что я возражал докладчику теми же библейскими соображениями. По-видимому, Библия книга очень противоречивая. И она напомнила мне спор Бебеля со священником Гогофом.

Тут уж я заспорил с ней. Имя Бебеля меня тогда раздражало. Мне он представлялся тогда грубым полемистом, не уважавшим противника и не умевшим спокойно спорить.

Я сказал спутнице: «Конечно, Библия книга очень противоречивая. Она написана в разное время, разными людьми и по разным

поводам. Но скажите, пожалуйста, какая же реальная правдивая книга не противоречива? Ведь сама жизнь противоречива, как же могут быть не противоречивы книги? Вот вам нравится Бебель, не Гогоф. Гогофу я больше симпатизирую, чем Бебелю, только за его деликатность, за более приличный тон в споре — и только».

8

Из семинарских преподавателей, кроме Петра Захаровича Белодода и Анатолия Яковлевича Судакова, о которых я упоминал, сильное влияние на мое развитие оказали: преподаватель церковной истории и дидактики Хрисанф Михайлович Попов⁸⁶ и преподаватель богословия Иван Павлович Щербов.

Первый из них отличался большой оригинальностью. Маленького роста, всегда с синими очками, скрывающими его глаза, и очень выразительной улыбкой, по которой легко можно было угадать, что он думает, — был и любимцем, и грозой семинаристов. Любили его уроки. Боялись его вопросов. Каждая лекция Хрисанфа Михайловича производила впечатление увлекательной, интересной, никогда еще не читаной книги.

Каждый исторический вопрос он освещал до крайности своеобразно. Ничего от книги. Зато каждое его слово ловилось с жадностью. Если в педагогике, что признается авторитетами, самое важное уметь заинтересовать предметом, то Хрисанфа Михайловича следует признать образцовым педагогом. Уж он-то умел вызвать живой интерес даже к скучному материалу. Исторические факты в его освещении становились весомыми, с отчетливыми контурами. Они запечатлевались в сознании, как облик хорошего знакомого.

Иногда казалось, что он не столько рассказывает событие, сколько думает сейчас о нем вместе с нами. Он постоянно подчеркивал, что всякая история, не исключая и истории Церкви, есть дело рук человеческих и подвержена действию всех человеческих слабостей и пороков. Тем не менее, было бы не только ошибкой, но и непростительной глупостью изучать христи-

анское вероучение или нравоучение, не считаясь с его земной, человеческой, иногда порочной историей. Без знания и понимания церковной истории нет и не может быть знания и понимания христианства.

В подобных указаниях мне слышался иной голос — голос Джона Вильяма Дрэпера⁸⁷, профессора химии и физиологии Нью-Йоркского университета. Книгу этого ученого «История умственного развития Европы» я уже тогда усердно читал. Конечно, между семинарским преподавателем и американским ученым была немалая пропасть, но в одном они, как мне казалось, сходились. Оба они резко разграничивали «духовную», т. е. нравственно-догматическую, сторону христианства от стороны «материальной», т. е. человеческой, исторической.

На этот счет Дрэпер выразился так: «Я ... проведу решительное различие между христианством и церковными учреждениями. Первое — дар Бога, последние — произведение человеческих потребностей, а следовательно, вполне подлежат критике, а в случае нужды — и обсуждению» (т. 1, гл. IX. С. 227). Разница между концепциями моего преподавателя и американского ученого, как мне казалось, сводилась к тому, что ортодоксальный преподаватель видел в истории Церкви не столько предмет критики и осуждения, сколько исследование, раскрытие вечного во временном, света солнца правды в мутных потоках человеческой истории, тогда как Дрэпер, наоборот, видит, прежде всего, в истории Церкви (по его терминологии, в истории церковных учреждений) предмет критики и даже осуждения, так как, по его мнению, историю христианства, по-видимому, можно, а может быть, и должно, противопоставлять истории Церкви.

Такие концепции несовместимы и, в конце концов, приводят к совершенно различным выводам. Первая из них ведет ум по пути укрепления и развития церковно-исторического самосознания, вторая же *de facto* есть вольный, не основанный на истории, сектантский путь.

Бывали на уроках Хрисанфа Михайловича курьезные недоразумения. Приведу один из них. Преподаватель объяснял дея-

тельность Константина Великого, т. е. речь шла о конце III и начале IV вв. церковной истории. Преподаватель, как я понимаю, пытался внушить нам мысль, что вся деятельность этого римско-византийского императора, основателя Константинополя как новой столицы, носила чисто органический характер и соответствовала всему тогдашнему развитию империи. В этом и заключалась сила Константина и, в конечном счете, его непобедимость. Он не насиловал естественного хода истории.

В виде побочного доказательства, но очень важного в церковной истории преподаватель ссылаясь на известный Миланский эдикт 313 г., изданный Константином совместно с Лицинием. Этим эдиктом уравнивалось в правах христианство с язычеством. Ни одной из этих противоположных религий не давалось никаких преимуществ.

Изложив все это, Хрисанф Михайлович, обращаясь к классу, предлагает желающему ответить на вопрос, чем же, собственно, велик император Константин?

Мой сосед по парте, Ванюшка Алексеев, поднимает руку, получает разрешение и говорит: «Император Константин велик, прежде всего, тем, что встал на сторону новой христианской веры и тем способствовал ее торжеству». Я видел, как губы преподавателя скривились в ироническую улыбку. Действительно, такой ответ моего приятеля представлял собой сплошное недоразумение и противоречил полностью объяснениям преподавателя, только что прослушанным нами.

Дело не ограничилось улыбкой. Хрисанф Михайлович сказал: «Значит, по вашему мнению, величие деятеля определяется степенью его принудительных мер? Тогда почему бы не причислить к сонму великих такого, например, гонителя христианства как Юлиан Отступник? Что-то у вас концы с концами не вяжутся. Садитесь».

Однажды и мне пришлось попасть на острый язычок Хрисанфа Михайловича. Да притом еще на экзамене по дидактике. По доставшемуся мне билету я отвечал успешно, но как всегда, Хрисанф Михайлович недолго любил штампованных книжных ответов. Его лицо озарилось приветливой, одобряющей улыб-

кой только в том случае, когда в ответах ученика проглядывала живая, самостоятельная мысль взыскательного критического ума, чуждого мертвящему шаблону. Пауза в моем ответе, и Хрисанф Михайлович задает мне вопрос: «Предположим, господин Смелов, вам поручено выбрать преподавателя в церковно-приходскую школу. У вас несколько кандидатов. Подумайте». Он начал спрашивать следующего экзаменуемого, а я стоял, обдумывая свой ответ, зная, что Хрисанфа Михайловича удовлетворить нелегко.

Наконец, я решил, что нашел правильный и убедительный ответ, поднял руку и уверенно посмотрел на экзаменатора. «Ну-с, какое же педагогическое качество, по вашему мнению, отличает хорошего учителя?» — повторил Хрисанф Михайлович свой вопрос. «По-моему, — отвечаю я, — хороший преподаватель должен быть примером для учащихся». Вижу — на лице экзаменатора появилась ироническая улыбочка, не предвещающая мне добра. Я оробел и выжидательно остановился.

«Что вы говорите, — заговорил Хрисанф Михайлович, — я не понимаю! О каком примере вы говорите? Вот, я ваш преподаватель, мне под 50, а вам около 20 лет. Каким же я могу быть для вас примером? Этому мешает слишком большая разница в возрасте. Я не могу жить, как вы живете, а вы не захотите сейчас жить, как живу я. Не так ли?» Я молчал: у меня не было желания вступать с ним в спор. Он продолжал: «Вот я вам для иллюстрации расскажу правдивую историю.

В одной сельской школе был учителем горький пьяница. Он любил свое дело, любил детей. Однако побороть в себе порочные наклонности он не мог. Не правда ли, по вашему определению, этот учитель не мог, конечно, быть примерным? Так же, как вы, думали о нем многие трезвые и благонравные родители. Они его осуждали, и было за что. Иногда, после очередной попойки учитель, страдая тяжелой головной болью, не мог вести урока. Тогда он говорил детям: “Мне сегодня не здоровится. Вот, я напишу на классной доске задание. Вы его делайте и не шумите. Я немножко полежу за перегородкой, а потом проверю”.

Дети его любили, слушались во всем. Школа его была образ-

цовой. Это хорошо знали по всему уезду, и никто не мог состязаться с этим учителем по успеваемости учеников.

Однако, кто-то из благочестивых прихожан, считая этого учителя недостойным занимать свое место, подал на него жалобу благочинному. Учителя уволили. На его место назначили примерного, по вашему образцу. И что же? Школа покатила под горку. Из образцовой она заняла по уезду одно из последних мест. Побились, побились с этим примерным учителем и, наконец, упростили начальство вернуть в эту школу прежнего, далеко не примерного учителя, который горячо любил свое учительское дело и которого так любили дети. Так вот, по-моему, — закончил Хрисанф Михайлович свое дидактическое поучение, — во всяком живом деле самое важное качество деятеля — это любовь к своей профессии. Где есть эта любовь, там, в конце концов, появится и успех, и образцовость, и примерность. Ну, а где любви к делу нет, там мертвой будет самая безукоризненная примерность».

Это поучение мне запомнилось на всю жизнь. Но, вероятно, за него в аттестате об окончании семинарии по дидактике я имею только тройку, т. е. по семинарской градации «хорошо».

В семинарии ходил слух о неудачной докторской диссертации Хрисанфа Михайловича. Он написал диссертацию на такую странную тему, которая не только не сулила ему получение ученой степени «доктора богословия», но могла привести при неблагоприятных обстоятельствах даже к потере места преподавателя духовной семинарии. Я точно не помню формулировку темы, но знаю, что в диссертации довольно резко осуждались некоторые буржуазные приемы создания историко-археологических музеев. По мнению диссертанта, каждый исторический памятник хорош на своем месте. Какая-нибудь египетская пирамида украшает пустыню и воспроизводит там, на своем месте глубоко поучительную историю. Но что она может воспроизвести на улице Лондона, Берлина или Петербурга? А между тем, по законам «цивилизованного» варварства ценнейшие предметы, например, римских катакомб, вы не найдете в катакомбах. Они куплены или украдены во

время войн, и вы их увидите в чужой стране, в каком-нибудь историко-археологическом музее.

Все исторические памятники, поддающиеся грабежу, давно разграблены и стали достоянием музеев европейских столиц. Этот грабеж возмущал Хрисанфа Михайловича. Он скорбел о том, что нельзя в наше время насладиться в римских катакомбах их древним искусством. Для получения подобного удовольствия бесполезно ехать в Рим. Там нет многих памятников старины. Они разбросаны по всему цивилизованному миру от Лондона до Нью-Йорка. И Хрисанф Михайлович не мог примириться с такими повадками культурных народов.

* * *

Иван Павлович Щербов преподавал все разделы богословия и древнееврейский язык. Наружностью своей он напоминал Сократа. К нему надо было привыкнуть, чтобы не замечать непривлекательной наружности. Семинаристы прозвали его неблагопристойным словом на букву «ж». Он был, бесспорно, начитаннейший из преподавателей. К нему можно было в любое время обратиться за советом, что прочесть к заданному сочинению. И он тут же называл ряд интересных статей из различных журналов. Память его была поразительна.

Он был малоразговорчив, а если разговаривал, то похоже было, что он читает богословскую лекцию и опасается сказать неверное, неподходящее слово, противоречащее какому-нибудь догмату. Зато пустых слов услышать от него было невозможно. Оратором он не был, да об этом и не заботился. Его речь была кратка, точна, ясна и всегда напоминала математические определения.

Такова сила профессии и привычки: строго следить за своим словом. Это ведь тоже искусство и, пожалуй, потруднее красноречия. Недаром говорится, что совершенным человеком можно назвать только того, кто научился обуздывать свой язык. А насколько это трудно — каждый знает из собственного жизненного опыта. Вот тут-то, вопреки мнению Хрисанфа Михайловича о бесполезности роли примера в воспитании, Иван

Павлович именно собственным примером учил своих учеников вдумчивому, серьезному, ответственному отношению к каждому своему слову.

Мне эта черта его характера очень нравилась. Я старался заимствовать ее у него, но это оказывалось очень нелегко. Я понимал, что на мои, часто легкомысленные слова невозможно опереться с тем доверием, с той верой в их незыблемость, как на слова Ивана Павловича. Мое слово иногда напоминало пух, а его было всегда подобно камню.

Иногда говорят, что богословие — предмет сухой, мертвящий душу, схоластический, очень далекий от жизни и т. д. Это не совсем так. Ведь в каждой науке есть и сухое, и «мягкое», и теоретическое, и практическое. То же — и в богословии. И преподавать его можно по-разному. Одно дело — догматическое богословие, представляющее собой всем известный (в то время) катехизис, но только катехизис многократно расширенный и углубленный. И совершенно другое дело — так называемое основное богословие, напоминающее во многом курс истории религии, науки и культуры, рассмотренный в определенном аспекте полемического свойства.

Или — одно дело нравственное богословие, особенно, в изложении немецкого богослова Дорнера⁸⁸: очень пухлый том систематизированных рецептов нравственного поведения общества, государства, Церкви и отдельных лиц разных профессий и социального положения. И совершенно другое дело — так называемое обличительное богословие. Я бы сказал, что оно способно было ввести любознательного человека в сокровенные тайны религиозных размышлений средневековых теологов, католических и протестантских.

Мне кажется, если, как говорил мне один талантливый историк, нельзя понять дух французской революции 1789 г., не прочитав «Quatre-vingt treize» Victor'a Hugo⁸⁹, то я бы сказал, что нельзя понять дух католического и протестантского средневековья, не ознакомившись с обличительным богословием.

В умелых руках Ивана Павловича мертвые теологические окаменелости оживали. Он, как сказочный волшебник, умел

вдохнуть в них живую мысль. О чем бы человек ни размышлял, сама мысль есть уже живая сила, способная и в другом человеке возбудить ответную мысль, по неоспоримому и благодетельному закону мышления: «*Du choc des opinions jaillit la vérité*»⁹⁰.

Если допустить, что человек XX века может иногда заинтересовываться вопросами, занимавшими ум средневекового мыслителя, то почему же не понять, что Иван Павлович, прекрасно знавший средневековую схоластику, мог без труда заинтересовать этой схоластикой вдумчивого человека, не чуждого истории умственного развития человечества.

Мне в то время, по правде говоря, часто интереснее было послушать рассуждения Ивана Павловича, чем прочесть о том же самом в двухтомной «Истории умственного развития Европы» Дрэпера, одной из моих настольных книг. Живое слово всегда действеннее печатных строк.

Пособиями по богословию в нашей семинарии не были стандартные учебники. Лишь изредка мы обращались к учебнику Малиновского⁹¹ или митрополита Макария⁹² по догматическому богословию. Иван Павлович облегчал нам труд. Им были написаны специальные пособия. Они были размножены литографическим способом в ограниченном количестве экземпляров и за пределы семинарии не выходили. В этих записках проявилась эрудиция Ивана Павловича в очень широком диапазоне, любовь его к богословию и его примерность в строгом выражении мыслей.

Помню, с каким неослабевающим интересом я читал и перечитывал его записки по основному богословию. Они были поистине увлекательно составлены. Никакой «мертвечины» я в них не видел. Все их содержание было пропущено через призму современности, не исключая даже и злободневности.

Как пример, укажу на то, что именно по этим запискам я впервые познакомился с экономическим учением марксизма, с дарвинизмом и т. д. Пусть это на первых порах было тенденциозное изложение, прошедшее через критику духовной цензуры. Ведь великие мысли не теряют своей силы, даже отражаясь в мутной воде заведомого искажения. Но по складу своего мышления Иван Павлович не был склонен преуменьшать силу аргументации про-

тивника, чтобы легче опровергнуть его. Он был слишком уверен в силе собственной аргументации, чтобы соблазниться таким недостойным приемом.

Сочинения, задаваемые Иваном Павловичем, разумеется, носили схоластический характер, испытывали в пишущем способность теологически мыслить и проверяли его начитанность. Я особенно в этих сочинениях старался блеснуть начитанностью. Этому мне помогала «Библиотека религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» в Соляном городке⁹³. Она занимала одну большую комнату с окнами, выходившими на Фонтанку. За решеткой помещалось книгохранилище. Остальная площадь была отведена под читальню с одним большим столом и простыми скамейками вокруг него.

Мне эта библиотека нравилась не только тем, что в ней без всякой волокиты сразу можно было получить любую богословскую книгу, но и тем еще, что в читальне я занимался почти всегда в единственном числе. Было тихо и спокойно. В библиотеке работали отец с дочерью преклонных лет. Отец, состоятельный человек, на свои собственные средства и организовал эту библиотеку. Видимо, она являлась смыслом его жизни.

Отец и дочь на своем посту были всегда вместе. Иногда они добродушно вежливо перебранивались. В молодые годы отец любил путешествовать по святым местам на Востоке. Иногда он рассказывал любознательным посетителям про свои путешествия. Из всего, что я там слышал, мне запомнился рассказ о том, как он с маленькой еще дочерью ночевал в египетской пустыне.

«Трудно представить, — говорил он, — как жутко спать ночью на песке Сахары. Под вами разостлан огромный ковер, а под ковром прямо-таки кишат змеи. Они днем от страшной жары зарываются в раскаленный песок, а прохладной ночью выползают на поверхность».

В этой библиотеке я провел за чтением и выписками из прочитанного немало часов. Поэтому мои богословские сочинения всегда были в меру насыщены выдержками из различных источников, обнаруживали мою начитанность и способствовали получению хороших оценок и отзывов о моих сочинениях.

Странная вещь получалась у меня с богословскими записками Ивана Павловича, как, впрочем, это повторялось впоследствии и при обучении в Педагогическом институте. Чем больше я увлекался каким-нибудь предметом, старательнее его изучал и, как мне казалось, лучше знал, тем более посредственную оценку получал за этот предмет. Если же я предмет знал «так себе», не был им увлечен, то получал при проверке более высокий балл.

Так, по основному богословию, которое мне нравилось, я имею в аттестате всего лишь тройку (по-семинарски «хорошо»), в то время как по догматическому и нравственному богословию, которые меня мало интересовали, и я изучал их чисто формально, мне удалось сдать на четверки (по-семинарски «очень хорошо»). Исключение из моего «индивидуального правила» — хуже сдавать то, что я лучше знаю, представляет обличительное богословие. Оно мне нравилось немногим менее основного, а получил я за него все-таки четверку.

Правда, был еще один семинарский предмет, которым я очень увлекался и изучал его гораздо шире, чем того требовала программа, и за который, однако, я имею в аттестате полный балл. Это гомилетика, т. е. проповедничество. Но здесь мне помогли практические навыки, приобретенные мною еще на миссионерских курсах под руководством Д. И. Боголюбова.

Дело в том, что после теоретического испытания по гомилетике, которому я подвергся у отца Николая (Ярушевича), требовалось публичное выступление в одном из храмов с проповедью. Мне пришлось выступать в храме за Невской заставой. Подготовленную проповедь никто не проверял: важно было не столько то, что написано, а то, как сказано, и какое впечатление это сказанное произвело на слушателей.

Я знал, что сама по себе кафедра меня особенно не смутит, хотя здесь и будут присутствовать наряду со слушателями и строгие ценители моего выступления с иеромонахом Николаем, прекрасным проповедником. Надо было подобрать такую тему, которая бы позволила мне найти легчайший путь к сердцам слушателей, ударить по чувствам и обеспечить успех патетической части моего предстоящего выступления.

Я не знал, кто будет меня слушать. Но я твердо знал совет Квинтилиана⁹⁴, что лучшие слова — те, которые вытекают из сердца искренно и просто. А о том, что такое настоящий пафос, я знал мнение такого мастера публичной речи, как Цицерон. Он в «De oratore»⁹⁵ говорил о пафосе, между прочим, вот что: «Главная задача оратора заключается в том, чтобы расположить к себе слушателей и настроить их так, чтобы они более подчинялись волнениям и порывам чувства, чем требованиям рассудка».

Я знал и в теории, и на практике, что первое условие настоящего пафоса есть искренность. Там, где искренности нет, настоящего пафоса быть не может. А вторым неперемнным условием пафоса является простота выражения своего чувства. Если вы со всей простотой и безыскусственностью прочтете кому-нибудь стихотворение, которое вас сильно волнует, то впечатление у слушателей вам обеспечено. И такого впечатления вам не достигнуть одними средствами декламации.

Все это я взвесил, когда готовился к ответственному выступлению по гомилетике.

Приехал. Оказалось, что я не в храме. Это зал при храме. Передняя стена превращена в иконостас. Переднее возвышение наподобие амвона. Немного влево от середины амвона — кафедра. А дальше — скамьи для слушателей, много рядов. Я перед выступлением находился в небольшой комнате, где местный священник поджидал меня. Он записал мою фамилию и тему проповеди. Потом он вывел меня через дверь прямо на амвон и представил слушателям.

Их было много. Преобладали женщины. Я встал за кафедру, не вынимая написанной проповеди из кармана: всякая бумажка мертвит живое впечатление. Тем более что то, что я задумал сказать в этот раз, мне не казалось трудным.

Я перекрестился. Слушатели последовали моему примеру. Это первый контакт между нами. Контакт жеста, подобный поднятию рук при голосовании. Я заговорил... Вот примерное содержание моей экзаменационной проповеди:

«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя! Так, братия и сестры, мы с вами исповедуем нашу постоянную, нерушимую

живую связь с нашим Творцом. И не правда ли, сколько радости, утешения и поддержки дает эта крепкая вера христианской душе, особенно душе скорбящей, озлобленной, т. е. удрученной невзгодами жизни. Мы, православные христиане, веруем в Бога Отца — Вседержителя, и эта вера дает нашей душе спасительную силу переносить любые житейские испытания.

Бог Вседержитель всегда с нами и с нашими близкими, дорогими нашему сердцу людьми! Что может быть для нас радостнее такого сознания. Мы не можем знать, что ожидает каждого из нас впереди, даже через какой-нибудь час жизни. Но мы знаем по вере нашей в Отца Вседержителя: что бы не случилось, Бог всегда с нами и в радости, и в горести, и в опасности, и в трудном подвиге. Если мы уберем в душе своей святую уверенность, что Господь везде и во всем сопутствует нам, что на всяком месте владычество его, то греховное отчаяние не коснется нас.

Эту спасительную веру в Отца Вседержителя особенно нам надо крепко хранить в себе в теперешние полные тревог, волнений и опасностей для наших близких суровые дни войны.

Вот, мы сейчас с вами здесь мирно и благочестиво беседуем, а на полях сражений в окопах наши родные и знакомые стоят лицом к лицу со смертью, со страданиями защищая Родину». (В этом месте проповеди я заметил, как многие слушательницы стали вытирать глаза и раздались жалостливые возгласы и горестные причитания.) Чтобы усилить патетическое воздействие на верующих, я рассказал им о фантастическом случае, прочитанном мною в какой-то не очень серьезной газете, подделывающейся под невзыскательные вкусы своих читателей.

Газета сообщала о чудесном происшествии на фронте: один полковник, помнится, по фамилии Нечволодов, носил на груди под кителем массивный металлический крест, материнское благословение. Во время одной жестокой атаки пуля попала в этот крест, как когда-то Петру Великому, и полковник не был убит. Этот рассказ вызвал в сердцах впечатлительных, нервных и взволнованных женщин рыдания. Мне самому стало трудно говорить из-за подступившего волнения, и я поспешил окончить проповедь, попросив верующих пропеть молитву Господню. После молитвы

раздался гул благодарственных возгласов. Вместе со священником я ушел через боковую дверь в смежную комнату.

«Ну как ваше мнение?» — спросил я его. «Хорошо, очень задушевно. Вы приезжали бы к нам еще. Слушатели будут рады». «Благодарю вас. Мне очень приятно, что удалось удовлетворить слушателей».

Так закончилось мое изучение гомилетики в семинарии, но моя любовь к ораторскому искусству на этом не закончилась. Всю последующую жизнь я продолжал и теоретически, и практически заниматься искусством речи.

9

Вернемся к рассказу об Иване Павловиче.

Его скромная тихая жизнь среди книг и богословских размышлений была нарушена революционными событиями. Примерно весной 1919 г. он был выселен из казенной семинарской квартиры. Семинария еще раньше прекратила свое существование. Сбылись над ней злорадные пожелания Ивана Саввича Никитина⁹⁶:

Но авось пора настанет —
Бог на Русь святую взглянет,
Благодать с небес пошлет —
Бурсы молнией сожжет!

Какой-то добрый человек помог Ивану Павловичу обосноваться в Александро-Невской лавре. Квартиру, бывшую келью, отвели ему в правом крайнем углу лаврского корпуса (если стоять спиной к собору). Иван Павлович поселился в ней вместе с прислуживавшей ему старушкой, женщиной очень худощавой и крайне молчаливой.

Я как-то раз зашел к нему. Не застал его дома и спросил старушку, как они поживают, здоров ли Иван Павлович, все ли у них благополучно. Она мне ответила и пожаловалась, что все было бы сносно, но холодно в этой бывшей келье. Дрова- т. е.,

да ни она, ни Иван Павлович не могут их нарубить: у ней сил нет, а у него одышка, и она боится за его здоровье. Я попросил ее принести дров и топор. Дрова оказались действительно трудноватые — толстые да сучковатые, а топорик жидковатый. Тут нужен был бы колун. Ну, впрочем, попробуем. Я не без труда наколот ей несколько охапок дров и потом много раз захаживал к старушке за тем же самым.

Проведал об этом Иван Павлович, позвал меня к себе, благодарил и попросил взять на память какую-то красочно оформленную книжку с изображением ветхозаветных предметов еврейского культа. Иван Павлович знал о моей библиофилии. В течение моей семинарской учебы я часто обращался к нему за советами, что приобрести в «тузовском»⁹⁷ книжном магазине для пополнения моей собственной библиотеки исторического, философского и богословского содержания.

Дело в том, что значительную часть моего заработка от уроков, а впоследствии от службы, я всегда тратил на покупку книг. Эту привычку мне никогда не удавалось в себе подавить. По указанию Ивана Павловича мне в свое время удалось приобрести такие уникальные книжки, как, например, историческая переписка между С. Ю. Витте и К. П. Победоносцевым о судьбах Православной Церкви в России. Книжка была издана только для членов тогдашнего правительства.

Иван Павлович стойко, без единого слова жалобы переносил житейские невзгоды и превратности судьбы. Он мог в то бурное время, когда падали и разбивались вдребезги привычные вековые устои общественной и личной жизни, попасть в разряд «буржуев» и понести незаслуженное возмездие за чужие грехи. Но, к счастью, его миновала чаша сия. Он, видимо, никакого участия в политической жизни не принимал. Власть его не трогала. Кажется, ему даже не пришлось чистить улицы и выполнять другие принудительные физические работы вместе с «буржуями». Он был использован в Публичной библиотеке для проведения в порядок не разобранных фондов.

Я однажды спросил Ивана Павловича, почему при своих обширных знаниях он не устроился преподавателем в среднюю

школу, как это сделали преподаватель семинарии и историк А. Я. Судаков и помощник инспектора А. А. Сокольский? Иван Павлович ответил мне, что он не представляет, что он мог бы преподавать в советской школе и кому нужны его знания. Под знанием, вероятно, он подразумевал в тот момент богословские предметы. Их изучению он отдал всю свою жизнь и все свои умственные силы. А эта специальность теперь в советской школе и даже в жизни никакого спроса не имела.

Перекрашиваться в фальшивый политический цвет Иван Павлович не хотел, а вероятнее всего, и не мог в силу окостенелости своих убеждений, привычек и взглядов. Довольно скоро судьба ему снова улыбнулась. В Ленинграде открылись Пастырские курсы для подготовки молодых священнослужителей. Проректором этих курсов стал Иван Павлович. Курсы помещались на бывшем подворье Троице-Сергиевой лавры на Фонтанке против Аничкова дворца.

Иногда там организовывались публичные лекции с участием профессоров Ленинградского университета. Помню, я был однажды там на лекции известного историка Древнего Востока Бориса Александровича Тураева⁹⁸. Лекция была о древнеегипетской религии. Я был крайне удивлен, когда, прежде чем взойти на кафедру, профессор подошел под благословение присутствующего на лекции митрополита Вениамина⁹⁹.

Кроме Б. А. Тураева, на Пастырских курсах читали доклады профессора Николай Онуфриевич Лосский¹⁰⁰ и Карсавин¹⁰¹. Им, вероятно, было приятно отдохнуть от тогдашней суматошной жизни под привычной сенью церковно-мистического корабля.

Последние годы жизни Иван Павлович создал себе семейный уют: он женился. Но злой рок неожиданно и преждевременно прервал его земное существование. Прах его покоится на Никольском кладбище Александро-Невской лавры против здания бывшей духовной академии недалеко от забора. Это единственная могила из числа бывших моих семинарских преподавателей. Мне приятно изредка бывать у этой могилы и вспоминать своего старого учителя на месте его погребения.

* * *

Когда Санкт-Петербургским митрополитом был назначен Питирим, никому не известный архиепископ из Сибири, в семинарию приехал попрощаться со своими питомцами смещенный митрополит Владимир. Он отправлялся на Киевскую митрополию.

Всех семинарских собрали в актовъй зал. Уроки были прекращены. Митрополит вышел безо всяких церемоний. Мы даже не пропели ему обычного входного «Достойно». Он был в повседневном одеянии. Наружностью он походил на аскета. Высокий, очень худощавый, прямой и стройный, крайне болезненного вида, он считался прекрасным проповедником, но голос его был до такой степени слабым, что, стоя в этот раз близко от него, я все же не мог расслышать всего, что он нам говорил.

Мы окружили его плотным кольцом. Он стоял среди нас, как пастырь среди стада. Выражение его лица было утомленное и очень грустное. Речь, обращенная к нам, соответствовала печальному состоянию духа гонимого митрополита. Он говорил нам о непрочности человеческого благополучия, о тщете, суетности человеческой жизни, об изменчивости счастья. Мне тогда показалось, что в скорбных словах старого монаха просачивается чувство едкой обиды. Эти проводы произвели на меня тогда да, вероятно, и на товарищей тяжелое впечатление. По-человечески было жаль несправедливо обиженного старика.

Он с каждым из нас по-отечески облобызался, даже не дав нам, как положено, поцеловать его морщинистую стариковскую руку. Потом, благословив нас общим благословением, он уехал к последнему месту своего земного служения. В Киеве он был убит.

Свержение самодержавия застало меня за усиленным изучением семинарских учебников предпоследнего, пятого класса. Я был поглощен упорным умственным трудом. Отдыхал я за чтением статей журнала «Вестник знания»¹⁰² да изредка посещениями собраний Сампсониевского братства, куда после удаления Д. И. Боголюбова из столицы перекочевали некоторые члены братства во имя Христа Распятого. Здесь собрания про-

исходили в одном из классов дома Сампсониевской церкви на втором этаже.

В Сампсониевском братстве мне было скучно. Не хватало Дмитрия Ивановича, который умел вливать энергию и возбуждать живой, деятельный интерес в своих слушателях. Здесь собрания вел священник Сампсониевской церкви о. Василий Петропавловский¹⁰³. Это был типичный рядовой пастырь, не способный увлечь или зажечь своим словом. Иногда бывал на собраниях Сокольский, но он тоже не отличался живостью характера и поднять упавшее настроение не мог.

Дух свежести и молодого задора сюда приносили вместе со мной еще два семинариста: мой приятель по классу Вася Алексеев (к этому времени оставивший семинарию и поступивший в университет) и воспитанник одного из младших классов Тихомиров, юноша очень самоуверенный, но способный и деятельный. Он своими выступлениями, содержательными и оригинальными, производил заметное впечатление на слушателей. Его речи нравились.

Я питал к нему антипатию за его самоуверенно-высокомерный характер, за барскую лощеность (он был сын состоятельного священника), а может быть, еще и за то, что он бесцеремонно пренебрегал семинарской традицией уважать товарища, старшего по классу. Поэтому его удачные выступления в Братстве вызвали во мне некоторую зависть.

Я в то время был уже достаточно избалован собственными успехами и похвалами слушателей. Правда, это особенной гордости во мне не вызывало. От похвал моя голова не кружилась, так как я всегда считал себя только учеником Дмитрия Ивановича, видел колоссальную разницу между его талантом и своими скромными способностями. И ограничивался в проповедничестве лишь добросовестным подражанием ему.

Я знал, что Тихомиров проповедует не только в Сампсониевском братстве, но и на «яхточке», превращенной в плавучую церковь и стоявшей тогда у набережной в Новой Деревне против рынка у кольца трамвая. Кроме того, Тихомиров при чьем-то покровительстве печатался в каком-то духовном журнале. Я знал,

что к нему очень хорошо относится священник «яхточки» иеромонах Сергей — недавно вернувшийся из Америки миссионер, произведший на новодеревенских прихожан очень сильное впечатление, а на о. Павла¹⁰⁴ (настоятеля стародеревенской церкви) и на о. Якова¹⁰⁵ (священника той же церкви) тяжелое и неприятное: успех о. Сергия болезненно задевал материальные интересы этих священников.

Дело дошло до того, что стародеревенское духовенство, не удовлетворяясь доходами Серафимовского кладбища, добилось в подрыв о. Сергию открытия на втором этаже рыночного корпуса филиала стародеревенского храма. Однако, о. Сергей, культурный, приятный в общении монах, настолько умело поставил дело на «яхточке», что в его подвижной импровизированной церкви всегда было полно. Многие почитательницы о. Павла изменили своему кумиру и перебежали на сторону о. Сергия.

Я в этой церковной ссоре не участвовал. Но с о. Сергием мне сблизиться не удалось, отчасти, пожалуй, и потому, что о. Сергей приблизил к себе Тихомирова и одного из его светских покровителей и наставников в писательском ремесле. Это был постоянный сотрудник духовного журнала «Паломник»¹⁰⁶, горький пьяница, пристроившийся к о. Сергию в качестве «проповедника».

Сама наружность этого «писателя» вызывала во мне отвращение. Невысокий, небрежно, даже грязно одетый, с большим восточного типа красным от пьянства носом, надменный и резкий в выражениях, часто нетрезвый, он казался мне злой карикатурой на «проповедника». Но я знал, что он говорил хорошо и что о. Сергей, умный и разборчивый в людях, имел какие-то непонятные мне основания приблизить к себе этого «квазимоду». Я не раз в глаза Тихомирову говорил об этом типе обидные и даже оскорбительные «бурсацкие» шуточки, подыскивая для них колкие «библейские» сравнения.

Вероятно, Тихомиров передавал мои отзывы о своем руководителе самому «руководителю», а может быть, и о. Сергию. Закрываю это из того, что сей тихомировский наставник иногда выражал ко мне снисходительное презрение, а о. Сергей полное

равнодушие. Мне в то время, ввиду моих отношений к Тихомирову, и презрение его наставника ко мне, и равнодушие о. Сергия были безразличны.

Меня тогда удивило одно непредвиденное и довольно скандальное церковное происшествие: в первые же дни февральской революции о. Сергей расстригся, женился на одной новодеревенской крестьянке, дочери состоятельных родителей, и уехал с женой к себе на родину — на Украину. Шуму по этому поводу среди прихожан было немало, а «яхточку» куда-то увезли.

Итак, в Сампсониевском братстве я усердно соперничал в проповедничестве с Тихомировым. Его успех меня раздражал.

10

В Братстве бывали рабочие. Среди постоянных посетителей собраний был один престарелый, по фамилии Ларионов. Он ходил сюда вместе со своей женой — старушкой. Это была очень симпатичная пара. Оба были опрятны, скромны, добродушны и набожны.

Я с ними был знаком, а впоследствии бывал у них и на городской квартире, и на даче. Они ко мне относились с чисто родственной привязанностью. От старого рабочего мне приятно было иногда слышать похвальные отзывы о моих выступлениях на собраниях за их искренность, простоту, сердечность и доходчивость. Но еще более меня радовали его неодобрительные отзывы о речах Тихомирова. «Что он красно говорит — это верно, — говорил мне старик, — но тепла от его слов не бывает, до сердца они не доходят».

Что ж, думал я, ведь Тихомиров еще гомилетику не изучал. Он, может быть, еще не понимает, какую важную роль в любой проповеди играет эмоциональная сторона дела. Ведь даже если не только что на сердца, а на озябшие руки лить ледяную воду, то это совсем не то же самое, что на заочневшие руки полить теплой воды. Но где же взять теплое слово, если твое сердце холодно, как лед?

И у меня от таких размышлений усиливалось желание овладеть искусством красноречия. Я знал, что оно очень нелегкое искусство, я это знал из собственного опыта. Иногда и мыслишки есть, и все обдуманно перед выступлением, а начнешь говорить, и сам чувствуешь, что не получается того, что задумал: слова умные да холодные, не хватает собственного настроения, душевного жара. И потому тебе не овладеть сердцами слушателей, а стало быть, их вниманием. Не хватает пафоса!

Я хорошо понимал, что «слово — великая сила, но что оно в любую минуту может обратиться в нашего предателя, изменить нам». Я хотел научиться волновать аудиторию. А разве можно этого достичь без умелого пафоса? Без патетической части речи? Теория говорит, что нельзя! Я понимал эту категоричность. Но как разволновать другого, когда ты сам не взволнован: ведь неподвижный предмет не вызывает в другом предмете движения.

Мне был глубоко созвучен совет древнеримского теоретика ораторского искусства Марка Фабия Квинтиллиана, утверждавшего, что «лучшие слова — это те, которые вытекают из сердца, искренно и просто». Без таких слов пафоса не бывает! Но такие слова на улице не подыметь, их надо вырастить в своем сердце, иногда тяжелыми переживаниями, не без собственных волнений.

Однажды старушка Ларионова, как всякая заботливая жена, пожаловалась мне на своего мужа, что он слишком много курит, что ему это запрещено врачами и что от неумеренного курения ему иногда бывает очень плохо. «Муж вас очень любит, — сказала она мне, — ваши слова на него хорошо действуют. Поговорите, пожалуйста, с ним о вреде куренья. Может быть, он вас больше послушает, чем докторов». Я сказал ей, что подумаю, как лучше это сделать.

Старик Ларионов, добрый и ласковый, был мне приятен. Жаль было, что он не может справиться с дурной и вредной привычкой. Говорить с ним с глазу на глаз, пожалуй, будет менее действенно, чем говорить про вредную привычку публично, но, разумеется, не оскорбляя ничьего достоинства. Впрочем, нет! Был один человек, достоинства которого я с удовольствием не

пощадил бы — это был все тот же Тихомиров. К моему удовольствию, он при этом курил, вероятно, потому, что курение, по мнению молодого человека, повышает солидность.

Получался хороший случай. Можно сказать проповедь о греховном пристрастии к курению, одновременно в помощь симпатичному Ларионову и в обличение неприятному Тихомирову. И вот однажды, когда на собрании были и тот, и другой, я выступил с хорошо продуманными соображениями на эту тему. Я постарался против курения сказать все, что мог сказать с религиозно-нравственной точки зрения. Примерно, мои рассуждения выглядели так.

Жизнь — дар Божий, и к ней надо бережно относиться, т. е. не отдавать ее во власть дурных привычек. Христианская жизнь немислима без суровой борьбы с пороками и соблазнами. Тяжко бывает видеть, когда хороший добрый христианин не может побороть в себе вредную слабость, такую, например, как курение. Обидно бывает видеть душевную слабость, бессилие перед жалкой и ничтожной папирской, которая губит здоровье и часто не только свое, но и окружающих. А злая привычка иногда настолько овладевает человеком и ослабляет его волю к борьбе, что он не может ее побороть, даже когда эта дурная привычка вызывает болезнь и грозит здоровью и даже жизни (это я говорил для Ларионова и ему подобных).

А что сказать о молодых людях, которые добровольно приучают себя курить? Они бессмысленно подражают взрослым, но не в полезном и хорошем, а во вредном и дурном, своим поведением они показывают дурной пример другим молодым людям и своим товарищам. И совсем уж позорно, когда молодой человек своими словами проповедует евангельские истины, а привычками оскорбляет человеческий разум и впадает в постыдное рабство собственной похоти (это я сказал для Тихомирова). Конечно, мое слово было не без ссылок на Священное Писание.

Результат меня искренне порадовал. Спустя некоторое время старушка Ларионова очень благодарила меня и от себя, и от мужа за мою проповедь о вреде курения. «Мой-то ведь бросил курить, — с радостью говорила она мне. — Он очень благодарит

вас за вразумление. И до чего же он лучше себя стал чувствовать, как бросил папиросы».

Этот наглядный пример еще раз показал мне, что иногда слово является достаточно сильным оружием даже в борьбе с дурными привычками, овладевшими организмом человека. Ведь только разумное слово, согретое живым сердечным чувством, способно проникнуть в разум и душу человека, объединить благородные силы души и помочь человеку победить греховные страсти, преступные намерения или дурные вредные привычки. Значит, стоит учиться говорить у всех тех, кто показал нам пример могущества человеческого слова.

В это же, примерно, время я имел случай убедиться в том, что такое гипноз слова. По городу были расклеены афиши с выразительным и кратким лозунгом «С нами Бог!» Это была тема лекции в зале Тенишевского театра на Моховой улице¹⁰⁷. Читал ее какой-то приезжий лектор, каких было в ту пору очень много, самых различных оттенков и направлений.

Кто-то из товарищей уговорил меня послушать эту лекцию. Я пошел. Мы сидели довольно высоко в полукруглом, довольно обширном зале. Он был переполнен. На эстраде пусто. Не было даже традиционного лекторского столика или кафедры. Публика была по преимуществу аристократическая. Немало военных. Может быть, они в величественной теме лекции ощущали призрака легкого спасения от революционной бури и сохранения своего обеспеченного существования. Все, и я в том числе, напряжено ждали появления лектора, кое-кто нетерпеливо посматривал на часы, висевшие над эстрадой.

Вот стрелки приблизились к назначенному времени. И лишь только это время наступило, как на эстраду вбежал среднего роста плотный мужчина кавказского типа, очень живой и подвижный. Мне показалось, что все его слова, а особенно жесты, рассчитаны на эффект. Он буквально прокричал лозунг лекции, совершая гипнотические пассы над притихшей и, видимо, удивленной аудиторией.

Одетый во все черное, он, как зловещая птица, носился по эстраде, как одержимый болезненным экстазом. Говорил он бы-

стро и громко, почти скороговоркой, и почти непрерывно проводил какие-то магические жесты, направленные на слушателей. Мне казалось, что эти жесты выразительнее его слов, за которыми трудно было следить. Они производили впечатление бессвязного набора слов, похожих на таинственные заклинания.

Мне слова лекции бесноватого лектора показались такими же непонятными, как и тогдашние события. Но, может быть, именно в неясности, таинственности и загадочности слов лектора заключалась сила его речи. Кончил он свое выступление так же внезапно, как и начал, и моментально исчез с эстрады.

Что это, думал я, покидая зал? Проповедь или гипнотический сеанс? Я пришел сюда с надеждой поучиться искусству словесного воздействия, а ушел с недоумением и с невозможностью понять то, чему я только что был живой свидетель. Так, думалось мне, никогда и нигде не следует говорить, ибо это профанация речи. Потом меня уверяли, не знаю, верно ли, что этот оригинальный лектор — богослов с высшим образованием. И мне, невольно, пришел на память распространенный среди семинаристов афоризм, гласивший, что каждый, окончивший духовную академию *de facto* становится законченным дураком.

В таком печальном умственном состоянии есть, кажется, только одна спасительная формула Блаженного Августина «*credo quia absurdum est*»¹⁰⁸.

* * *

Летом 1917 г. в свой отпуск Д. И. Боголюбов приехал в Петроград. Теперь он был в форме чиновника, как инспектор духовной семинарии, с большим академическим значком на мундире. Он был по-прежнему полон энергии. В Сампсониевском братстве произошла встреча Дмитрия Ивановича с его многочисленными почитателями. Большой зал был переполнен. Однако многих братчиков не было на этой встрече.

Одни из них, как Г. Е. Неворов, П. А. Зайцев, были призваны на военную службу и оттуда уже не вернулись, другие в поисках более сытной жизни уехали в провинцию, третьи под влияни-

ем бурных революционных событий переменяли свой взгляд на жизнь и пошли по новому пути.

Тем не менее, встреча произошла очень задушевно и доставила много радости тем, кто на нее попал. Чувствовалось, что привязанность к Дмитрию Ивановичу несколько не потускнела. Пожалуй, даже наоборот, еще более усилилась за время разлуки.

Последний раз я встретился с Дмитрием Ивановичем в квартире А. А. Сокольского в духовной семинарии. Это было в дни стихийной июльской демонстрации рабочих, солдат и матросов под лозунгом: «Вся власть Советам». Мы втроем стояли у окна, выходящего в семинарский сад. Тогда через сад была уже проведена железнодорожная ветка для доставки раненых с фронта в лазареты, расположенные в этой части города. По этой ветке, может быть, и доставлены были воинские части для подавления демонстрантов, выступивших в июльские дни против Временного правительства.

Семинарский сад был превращен в воинский лагерь. Там расположилась какая-то пехотная часть. Дымилась походные кухни. Бегали по знакомому саду солдаты. А в городе зверски расстреливали в угоду русским и иностранным империалистам рабочих и солдат, жаждавших мира и начинавших понимать, кто и при каких условиях может дать измученному трудовому народу желанный мир.

Помню, Дмитрий Иванович спросил меня, какие речи идут по городу. Я сказал, что больше всего говорится об углублении революции. Мне хорошо запомнилось это выражение, но смысл его был тогда темен для меня. О революции у меня было только отвлеченное, книжное понятие, без плоти и крови. Мне предстояло еще преодолеть учебники последнего класса семинарии, и на это уйдет еще немало сил. Тогда это для меня было главное. На другое сил бы не хватило. На деле все оказалось иначе.

* * *

Неожиданно наступил конец моего благополучия. Оно покинуло меня так же внезапно, как и пришло ко мне. Все стипендии в семинарии были ликвидированы. Я остался без средств к суще-

ствованию, безо всякой материальной поддержки. Подчиняясь обстоятельствам, проще всего было бы проститься с семинарией, отдаться бурной жизни, прекратить усилия многих лет, не доведя их до конца. Но я чувствовал в себе достаточно умственных сил, чтобы не впадать в малодушие и снова сесть за книги уже последнего класса. Можно было классные занятия не посещать, а учебники, как и прежде, я получил на руки.

Главный и самый тяжелый вопрос, вставший передо мной с неумолимой суровостью, был вопрос о питании. Говорят, кто не трудится, тот и не ест. Для меня этот афоризм перевернулся наоборот: прежде чем трудиться, надо было поесть. Но добыть хлеб насущный в конце 1917 и начале 1918 г. было очень нелегко, даже если в кармане были «керенки» — тогдашние бумажные денежные знаки.

Совет Рябушинского¹⁰⁹ сдавить горло революционного народа костлявой рукой голода осуществлялся теми, кто в своих руках держал хлебные запасы. От этого революционный Питер голодал. Я искал заработок и готов был на любую работу, лишь бы меня покормили, причем, конечно, самым невзыскательным обедом. Только бы посытнее, чтобы не кружилась голова при чтении учебников, да не клонило ко сну от истощения. Даже было бы лучше подыскать какую-нибудь физическую работу. Она бы не мешала мне зубрить «премудрость» последнего класса семинарии.

Силенки у меня были. Я их приобрел еще в Луге, занимаясь гимнастикой вместе с солдатами на плацу. Потом я не переставал самостоятельно упражняться в силовых приемах. Вместо гири или гантелей мне служили утюги. Так что физический труд меня не отпугивал. И мне посчастливилось подыскать подходящую работу.

В то время на Смоленской улице в доме под № 27 (сохранившимся до сего времени) помещалась Общественная столовая. Там было свободное место дровокола. Я с радостью согласился. Надо было обеспечить каждый день кухню дровами, т. е. наколоть их и натаскать. Дров, конечно, требовалось много, так как плита топилась весь день, но носить их было не трудно: столовая была на первом этаже. Работать можно было в любое время,

лишь бы кухня не оставалась без дров. О питании говорить не приходится: в столовой я был свой человек и даже очень нужный.

11

Теперь я сыт был всегда. Свободного времени было много. Потеря стипендии при этих условиях даже не ощущалась. А семинарского обмундирования я еще не износил. Поэтому я считал, что мне удастся благополучно завершить семинарское образование, не остановиться на последней ступеньке, а добраться до конца. Я всегда считал, что ничто так не расслабляет волю человека и не умаляет чувства собственного достоинства, как слабовольный отказ от достижения намеченной цели, как бы эта цель ни была незначительна сама по себе.

Классных занятий не было. Пройденный материал можно было сдавать на квартире преподавателя. Так я и делал. Даже не справляясь с программой, я внимательно прочитывал учебники и сдавал предмет за предметом. К апрелю 1918 г. все предметы были сданы.

В столовой я продолжал работать. Именно здесь я впервые в жизни столкнулся с представителями пролетариата. Иногда у меня с тем или иным рабочим возникали беседы. Не знаю, то ли мой общительный характер и простота в обращении, то ли мое положение «дровокола», но рабочие относились ко мне потоварищески. Если они не считали меня за своего, то не питали ко мне и враждебности, недоверия или недоброжелательства, несмотря на мою семинарскую форму. По-видимому, в их глазах (т. е. в глазах тех, с кем мне приходилось разговаривать) я не был ненавистным «буржуем». А в их речах звучала к классовому врагу непримиримая вражда.

От них же я впервые услышал ненавистное тогда у рабочих слово «кадет». Вначале я даже не понимал, о каких «кадетах» они говорят, так как это слово имело два значения — политическое и не политическое. Этим словом назывались и члены

буржуазной партии — монархисты, прикрывающиеся популярным словом «конституция», и ученики младших классов военных училищ — кадетских корпусов. Эти мои беседы происходили летом 1917 г., т. е. до Октябрьской революции.

В столовой я мог при желании ночевать, но не один, а с одним из сыновей заведующей столовой, так как продукты не убирались под замок.

Весной 1918 г. я по квартирам преподавателей сдавал последние зачеты по семинарской программе. Почему-то меня больше других предметов волновали гигиена, церковная археология и практическое руководство для пастырей.

Гигиену преподавал доктор медицины, заведующий Мариинской больницей Иван Иеронимович Козловский. Это был высокий плотный мужчина с добродушным лицом русского человека и иронически-веселым характером. К сожалению, мне не пришлось побывать на его уроках, про которые в семинарии ходили занятные рассказы.

По-видимому, он на уроках не прочь был побалагурить на посторонние темы, имеющие, однако, поучительный смысл. Так, вызывая ученика к ответу, он подтрунивал над ним, говоря: «С кем это вы вчера удирали от меня на Старом Невском? С двоюродной сестрой, вероятно? — Доктор жил где-то около Полтавской улицы. — Эх, сестры, сестры... Приятная прогулка, а потом неприятный разговор с доктором в лазарете и еще более неприятные процедуры». После такого игривого вступления Иван Иеронимович рассказывал о тех дурных болезнях, которые коварно подстерегают молодого человека, ослепленного похотью, на каждой улице большого города.

Мне же на долю выпал только труд изучения толстого учебника по гигиене, где очень много внимания уделялось санитарии, предупреждению эпидемий, распознаванию мнимой смерти от действительной и гигиене учебных помещений. В кабинете, обставленном массивной кожаной мебелью, Иван Иеронимович принял у меня зачет по гигиене. Вопросы он задавал конкретные, вроде расчета кубатуры класса на одного учащегося и тому

подобное. Без внимательного прочтения учебника на подобные вопросы ответить было бы немыслимо. Мои ответы были оценены на четверку, т. е. «очень хорошо». Такую оценку я имею и в аттестате.

Другое дело, церковная археология. Этот предмет мне казался лакомством. Уже сам учебник профессора Покровского¹¹⁰ ласкал взор. Небольшой по размеру сравнительно с другими учебниками, хорошо иллюстрированный, на прекрасной бумаге и выразительно, талантливо изложенный. Он больше походил на занимательную книгу для чтения, чем на привычные учебные пособия.

По существу, церковная археология заключала в себе изучение элементов архитектуры, историю храмостроительства с характеристикой разнообразных стилей, начиная от римских катакомб и первых христианских храмов и кончая постройками XIX века. Кроме того, изучалась иконопись — западная, византийская и древнерусская, т. е. киевская, новгородская, псковская и московская.

Это изучение пластических искусств было интересно, но только не для экзамена. Одно дело — наслаждаться изяществом архитектурных или живописных шедевров, и другое дело — научиться рассказывать о них экзаменатору на отметку. Попробуйте-ка дать анализ даже несложного произведения искусства с точки зрения его техники, его компоновки (композиции), экспрессии и выполнения. Это нелегко.

Меня утешало только то, что все-таки легче рассказать о зрительных восприятиях, чем, например, передать своими словами любой псалом Давида. И будет совсем хорошо, если, к примеру, отец Николай (Ярушевич), преподаватель церковной археологии, вздумает спросить меня о знаменитом храме Софии в Константинополе. Тут все легко удерживается памятью: построил этот храм Юстиниан, византийский император, первый по счету, известный своим плебейским происхождением, но настолько честолюбец, что вознамерился создать в своей столице храм более великолепный, чем это в древности сделал еврейский царь Соломон.

Строили Константинопольский храм азиатские зодчие — Анфимий из Траллеса и Исидор из Милета. Время постройки —

тридцатые годы шестого века. Это здание типично-византийское и по архитектуре, и по отделке. В нем использованы без счета драгоценные материалы — золото, серебро, слоновая кость, драгоценные камни. Главная архитектурная особенность этого храма — его купол. Он громаден: его диаметр равен 31-му метру. Купол вписан в квадрат, который опирается на четыре большие арки. Отверстие каждой арки равно диаметру. Арки поддерживаются четырьмя огромными столбами. С этого времени на Востоке вошли в употребление купола, привычные нашему глазу.

На таком рассказе не трудно заработать и полный балл. Не правда ли? Но моя сладкая мечта не сбылась.

Отец Николай принял меня радушно. Он жил тогда во втором этаже крайнего правого дома у калитки. Обстановка бедная: простой стол и несколько стульев. Келья монаха. Вошел он ко мне в простом подряснике, как всегда, с приветливой улыбкой на красивом выразительном лице. Я по своей бурсацкой неотесанности даже не подошел к нему под благословение. Я думал о том, как бы благополучно отделаться от церковной археологии.

Отец Николай усадил меня за стол и сам сел рядом. Я волновался. Он, видимо, это заметил и не торопился меня спрашивать. Я же с нетерпением ждал его вопроса. «Расскажите, — предложил он мне, — о Владимиро-Суздальском стиле. Подумайте!» Вопрос мне не показался трудным. В моем воображении мелькнул образ лужского собора, хорошо мне известного, напоминающего владими́ро-суздальские храмы. Но не мог же я сейчас рассказывать о лужском соборе!? Надо было говорить о древних, знаменитых храмах г. Владимира и его окрестностей.

Я задумался, припоминая, о каких памятниках повествует учебник. Припомнился мне знаменитый Дмитриевский собор во Владимире. С рассказа о нем я и начал ответ на вопрос, предложенный мне отцом Николаем: «После Киева в развитии церковного зодчества важную роль сыграл город Владимир. В деле постройки русских храмов Владимир стал учителем Москвы. Наиболее типичным храмом владими́ро-суздальской постройки является в городе Владимире Дмитриевский собор.

Он построен в конце XII века. Он белокаменный — из известняка. Отличается большой стройностью и торжественным величием. Торжественность собора достигнута пышным убранством фасадов и барабана, на котором поставлен единственный купол. Весь барабан разукрашен выпуклыми каменными изображениями. Все стены собора с внешней стороны обложены аркатурными колонками, как поясом. Внутри собора есть замечательная фреска, изображающая «Страшный суд».

Я остановился. Отец Николай меня спросил: «А какая еще более выдающаяся церковь, чем Дмитриевский собор, сохранилась от этого периода?» Этот вопрос помог мне припомнить Покровскую церковь вблизи города Боголюбова, известную под названием «Покрова-на-Нерли». Я назвал ее. Отец Николай одобрительно кивнул головой и попросил дать характеристику этого храма. «Покров-на-Нерли наиболее типичное церковное строение владими́ро-суздальского зодчества XII в. Это небольшая церковь из белого известняка. Церковь одноглавая. Купол лежит на очень высоком барабане. Храм отличается замечательной стройностью, как и все владими́ро-суздальские храмы. Наружные стены украшены уступами и колонками».

«Хорошо, — остановил меня отец Николай. — Объясните, пожалуйста, что вы понимаете под “аркатурой”»? «Под аркатурой я понимаю, например, фризы и вообще ложные арки, колонки или другие лепные украшения». «Правильно! А всегда ли в антаблементе бывает фриз?» «Нет, не всегда! Бывает неполный антаблемент. Тогда он состоит только из архитрава, положенного на колонну, и карниза, а фриз между ними отсутствует». Так я сдал церковную археологию, получив за нее в аттестате полный балл.

С отцом Николаем мне пришлось еще раз встретиться при сдаче зачета по практическому руководству для пастырей. Учебник по этому предмету был очень толстый. В сущности, эту книгу меньше всего можно было назвать учебником в обычном смысле слова. Это был справочник, указатель — как должен поступать священник в любом затруднительном случае при богослужении или при совершении таинств и треб. Случаи эти были настолько

многочисленны и разнообразны, что запомнить их не могла бы и самая крепкая память. Я просто не знал, как мне быть с этим предметом. Оставил его сдачу под конец и всё не мог решиться поехать к отцу Николаю. Но волнения мои оказались пустыми.

Все вышло иначе, чем я предполагал. Отец Николай задал мне два или три нетрудных вопроса (не помню уже каких) и отпустил меня, поставив полный балл. Последним предметом я сдавал отцу ректору «Изыяснение Священного Писания Нового Завета, апостольские послания и Апокалипсис». Он принял меня в передней своей квартиры, помещавшейся в первом этаже учебного корпуса с окнами на Обводный канал. Спрашивал меня стоя и недолго.

Так я закончил полный курс Петроградской духовной семинарии по первому разряду с правами студента.

* * *

Закончился существенный период моей жизни. Первым из моих родственников мне удалось получить среднее образование. Оно досталось мне ценой не только личных усилий, но и благоприятных, счастливых обстоятельств. Я, с семинарским аттестатом в кармане, стоял на распутье. Все, что я с немалым трудом изучил, отвергнуто революционной жизнью. По сравнению с Иваном Павловичем, моим учителем, мои знания были ничтожны. Но если его знания, по его собственному признанию, были теперь бесполезны, то что же сказать про мои? Не сбылась ли надо мной печальная римская поговорка «*Oleum et operam perdididi*»¹¹¹?

Я чувствовал, что мне предстояла новая и еще более суровая выучка. И учителем будет сама жизнь.

12

По какой-то надобности я был однажды вблизи Витебского вокзала. Иду днем по Загородному к Невскому. Вид у меня самый неказистый: измызганная красноармейская шинелишка, на ногах обмотки, на голове буденовка с нашитой матерчатой крас-

ной звездой, за плечами винтовка и вещевой мешок. Около 5-ти углов навстречу мне появляется какая-то знакомая фигура.

Среднего роста, худощавый стройный мужчина с небольшой черной бородкой. На нем плохонькое коротенькое пальто, будто бы с чужого плеча. На голове синяя шляпа, в руках небольшой чемодан. Я всматриваюсь и, вероятно, на моем лице выражается неподдельное изумление — да ведь это отец ректор в таком необычно-маскарадном виде.

Я почтительно подхожу к нему, любезно приветствую его и прошу дать мне его чемоданчик. По-видимому, он поражен нашей встречей не менее моего, но обычное его смиренное, спокойное самообладание нисколько не изменяет ему. Его вид, несмотря на его необычайное одеяние, внушает мне привычное к нему, как к отцу ректору, уважение. Я невольно чувствую внушительное расстояние между ним и собою. Единственное, что я решаюсь себе позволить, это спросить его, куда он идет, и когда узнаю, что он идет на Витебский вокзал к поезду, то я уже без его разрешения, но по самым безукоризненным побуждениям осмеливаюсь проводить его и донести его чемодан.

Вероятно, эти проводы выглядели довольно оригинально со стороны. Могло показаться, что какой-то подозрительный субъект идет под конвоем вооруженного красноармейца.

Мы шли молча. Я не решался его расспрашивать, а он, по-видимому, не находил нужным со мной разговаривать. Может быть, в то время ему было не до разговоров о нашей неожиданной встрече. Его волновали иные чувства и мысли. Он обдуманно и добровольно уезжал из Советской России, очевидно, совершенно чуждой ему по духу, в родную буржуазную Эстонию. Я проводил его до поезда, посадил в вагон и, как полагалось по семинарской традиции, передавая ему чемодан, поцеловал на прощанье его руку.

Впоследствии я узнал, что протоиерей Василий Мартинсон, из рук которого я получил семинарский аттестат, был профессором богословского факультета какого-то эстонского университета и пользовался большим авторитетом. Там же, в Эстонии он и скончался.

* * *

В Лавру я попал случайно. И так же случайно оказался около свежей могилы. Хоронили преподавателя греческого языка духовной семинарии Александра Михайловича Смирнова¹¹². В последний путь его провожали не более 15–20 человек. Никого из преподавателей семинарии на похоронах не было. На могиле выступал с речью незнакомый мне молодой худощавый мужчина. Это был, как я потом узнал, профессор духовной академии Андреев¹¹³. Он называл себя в речи учеником Александра Михайловича и говорил о ярких качествах покойного как преподавателя и как знатока греческого языка.

Под впечатлением прощального слова Андреева мне представился живой Александр Михайлович в классе на уроке. Это был тучный мужчина, лицом напоминавший Сократа. Он производил впечатление спокойного, флегматичного и добродушного человека. Когда ученик перед его кафедрой читал и переводил урок, Александр Михайлович любил слушать с закрытыми глазами, как бы в дремоте. Но малейшая ошибка в предложении или удареении какого-нибудь замысловатого греческого слова никогда не ускользала от его внимательного слуха, и он тотчас же открывал глаза, что без слов ясно говорило о какой-нибудь ошибке ученика.

Только раз на моих глазах Александр Михайлович проявил возмущение поведением своих учеников. Это вполне понятное возмущение он выразил также весьма своеобразно, не так, как это делалось обычно.

Однажды ученики пожаловались отцу ректору на Александра Михайловича. Поводом послужили домашние его задания. Нам показалось, что они непомерно велики: надо было переводить несколько страниц греческого текста. Отец ректор принял нашу делегацию и, выслушав жалобу, пообещал переговорить по этому поводу с Александром Михайловичем.

Мы ликовали. Наша победа нам казалась несомненной. Но эта радость продолжалась неделю. Первое занятие после конфликта прошло обычно. Лишь в конце урока мы поняли, насколько был обижен нашей жалобой преподаватель.

Когда раздался звонок, возвещавший конец занятия, Александр Михайлович поднялся с кафедры и, ничего не говоря, собрался уходить из класса.

Дежурный ученик, едва скрывая победную улыбку, с повышенной вежливостью спросил преподавателя: «А что же переводить к следующему занятию?» «Переводите, сколько можете, сколько вам по силам», — был спокойный ответ. И он вышел из класса.

Нами овладела восторженная радость. Значит — делай, что хочешь. Своя рука владыка! Зачинщики всего этого предприятия собрались за одной из парт и, обменявшись мнениями, назначили для всех размер перевода к следующему уроку. Обычный текст был сокращен раза в два. Всем казалось это решение добросовестным и справедливым, а главное, не обременительным, выполнимым без обычных усилий.

Наступил, как нам казалось, приятный урок, свидетельствующий о мирном разрешении в нашу пользу столкновения с преподавателем. Александр Михайлович, как всегда, вошел в класс неторопливой грузной походкой, сел за кафедру и вызвал одного из учеников. «Ну, сколько вы перевели?» — доброжелательно и с видимым интересом спросил Александр Михайлович. Ученик ответил. «Хорошо! Читайте и переводите». Не успел ученик прочесть два-три первых предложения, как был остановлен преподавателем, попросившим приступить к переводу.

Мы переводили тогда платоновскую Апологию Сократа на суде. Текст своеобразный, довольно трудный. Мы привыкли к снисходительному отношению Александра Михайловича к нашим неполадкам и затруднениям в переводе. Он обычно помогал нам вникнуть в идиоматические выражения, освоить оригинальную грамматическую форму и не взыскивал с нас за негладкий грамматический анализ. Не то было сейчас.

Теперь Александр Михайлович спокойно задавал переводить такие «простые» грамматические вопросы, от которых большинство из нас содрогалось и заранее чувствовало свое бессилие выкрутиться из беды. Преподаватель задавал самый простой грамматический вопрос, на который мы обязаны были дать

вразумительный ответ. Но от таких вопросов мы давно отвыкли. Мы твердо знали, что в греческом языке есть значки, обозначающие ударения, как и в церковнославянском.

В греческом языке таких значков три: значок острого ударения «/», обличённого ударения «~» и тяжелого, или тупого, ударения «\». Эти значки при переводах лишь в очень редких случаях имели для нас значение, ну, а при чтении мы их учитывали бессознательно. Но они, конечно, подчинялись своим фонетическим правилам греческого языка, которые мы обязаны были знать, но которые мы основательно забыли.

И вдруг сейчас Александр Михайлович одного из вызванных к кафедре спрашивает: «Вот, вы прочитали очень глубокую по смыслу фразу: «Ἐγὼ σὺνοῦδα εἰμαυτῶ σοφὸς ὢν», т. е. Сократ утверждает: «Я совсем не сознаю, что я мудр». Так! Вы перевели эту мысль приблизительно правильно. Но скажите, пожалуйста, почему здесь в слове «εἰμαυτῶ» над последней буквой, над омегой с подписной йотой, поставлено обличённое ударение?» Мы все тревожно замерли от этого вопроса, подумав, «эва, куда гнет Александр Михайлович — в грамматические дебри, куда мы успели отвыкнуть ходить и где мы спотыкаемся на каждом шагу».

Наш товарищ попытался спастись от безжалостных объятий грамматических правил. Он ответил: «Здесь обличённое ударение, потому что омега буква долгая по природе». «Так, а скажите, пожалуйста, на каких слогах в слове может стоять обличённое ударение?» Молчание. «Значит, не помните! Грамматику не повторяете, забыли самые элементарные правила. А скажите, в каком случае обличённое ударение может быть поставлено на втором от конца слоге?» Молчание. «Что же делать? Придется поставить вам неудовлетворительный балл. Садитесь».

В этот урок никому не хотелось идти к кафедре. Но Александр Михайлович продолжал вызывать к ответу одного за другим. Результат получался один и тот же: ревнивая грамматика мстила нам за наше равнодушие к ней. Дама оказалась безжалостной. И скверные отметки в журнале увеличивались. Всегда в каждом классе всякого училища обязательно бывает первый ученик. Был

в то время и у нас в классе такой ученик по фамилии Паршуков. Он всегда все знал. Его также в этот раз Александр Михайлович вызвал отвечать.

Как всегда, Паршуков уверенно прочел текст и перевел его, как нам казалось, безукоризненно. Мы думали, гроза миновала. Первый ученик успокоит оскорбленного преподавателя, примирит его с «бунтарями», дерзнувшими вступить в неравную борьбу. И как же мы были разочарованы, огорчены, смущены и испуганы, когда Александр Михайлович стал задавать и Паршукову такие вопросы по существу перевода, на которые тот ничего не мог ответить и беспомощно молчал, как и прочие его товарищи, уже подвергшиеся суровому испытанию требовательного и придирчивого преподавателя, каким мы доселе Александра Михайловича никогда не видали.

Паршуков сел за парту, осрамившийся и тоже с плохим баллом. Значит, несомненно, мы потерпели полное поражение. Урок превратился в избивание младенцев. Каждая минута сурово выбивала из нас преждевременное торжество и учила нас скромности, уважению к преподавательской власти и разумному способу устранения всех возможных недоразумений между нами, учениками и преподавателями.

Невыносимо томительный урок окончился, как и всё на свете. Преподаватель встал из-за кафедры и безмолвно пошел к дверям. Мы разом загалдели, трудно было понять, о чем. Александр Михайлович остановился. Дежурный ученик членораздельно пересказал наш галдеж. От лица всего класса он попросил преподавателя точно указать, до какого места мы должны перевести текст к следующему занятию.

Снисходительная и по-прежнему добродушная улыбка едва промелькнула по добро-спокойному лицу Александра Михайловича. Он вернулся на кафедру, раскрыл платоновскую Апологию и указал, от какого до какого абзаца следует перевести к следующей встрече, напомнив при этом, что грамматику надо повторять, хотя бы мы ей особо не занимались. Все мы разом повеселели, понимая, что теперь нам нет причины бояться грамматики.

А теперь я видел перед собой гроб с останками моего бывшего преподавателя. Вот его опустили в могилу на самом косогоре у пруда, почти на траверзе конца семинарского сада. Вот и могила засыпана. Появился новый белый деревянный крест со знакомой надписью — «Александр Михайлович Смирнов».

Могилы этой теперь нет. Думаю, что родственники перенесли его прах на другое кладбище.

Комментарии

¹ Боголюбов Дмитрий Иванович (4 (16) февраля 1870 г. — 22 июня 1953 г.). Родился в селе Барабановка Бузулукского уезда Самарской губ. Окончил Самарскую ДС (1890) и Московскую ДА (1894) со степенью канд. богословия. Тамбовский, с 1898 г. — харьковский, с 11 октября 1903 г. санкт-петербургский епархиальный миссионер; с 17 января 1908 г. санкт-петербургский епархиальный противосектантский миссионер, с 9 июля 1913 г. инспектор Ставропольской ДС, с 12 августа 1914 г. инспектор Воронежской ДС, с 25 (12) ноября 1918 г. петроградский епархиальный миссионер. Затем до 1921 г. на гражданской службе в Харькове. В 1922 г в Москве рукоположен во иерея, стал помощником Патриарха Московского свт. Тихона по управлению Московской епархией; возведен в сан протоиерея. Выступал против обновленчества, активно участвовал в диспутах на религиозные темы, в которых отстаивал религиозное мировоззрение. Неоднократно арестовывался. Участник Всероссийского миссионерского съезда в Казани (1897). В 1911 г. за книги «Миссионерские беседы со штундо-баптистами» и «Православный противосектантский катихизис» удостоен премии митрополита Макария (Булгакова). С 7 июня 1944 г. доцент и заведующий кафедрой истории и обличения раскола и сектантства Православного Богословского института (с 1946 г. — Московская ДА). 24 января 1947 г. удостоен степени магистра богословия и звания профессора, с 1950 г. заслуженный профессор. 13 сентября 1951 г. освобожден от преподавательской работы и назначен духовником академии (до 3 февраля 1953).

См.: *Матюшин С., диакон*. Боголюбов Дмитрий Иванович // ПЭ. Т. 5. М., 2003. С. 457–458.

² Под редакцией Д. И. Боголюбова при СПб. Братстве ревнителей православной веры во Имя Христа Распятого издавался миссионерский листок «Дело веры». Все листки, вышедшие в 1911–1912 гг., в 1914 были переизданы. В 1913 г. издание не осуществлялось. Что касается миссионерской деятельности Д. И. Боголюбова, то, например, в № 9 от 12 февраля 1912 г. на обложке была размещена следующая информация: «Так как теперь среди православных христиан немало встречается отступников от нашей веры, которые свое отступление прикрывают “пустыми” и “дутыми” словами, то для об-

личения этих людей и для укрепления в правой вере своих братьев и сестер санкт-петербургский епархиальный миссионер-проповедник Д. И. Боголюбов, с благословения Владыки Митрополита, еженедельно беседует о путях нашего спасения во Христе Иисусе:

- в воскресенье — в церкви Св. Симеона, что на Моховой ул.;
- в понедельник — в столовой Балтийского судостроительного завода, что по Косой линии;
- во вторник — в церкви Св. Екатерины, по Старо-Петергофскому проспекту, вблизи Нарвских ворот;
- в среду — на Большой Охте, в церкви Святого Духа;
- в четверг — по 8 линии Васильевского острова, в церкви Благовещения;
- в пятницу — за Невской Заставой, в церкви Смоленской Божией Матери.

Около половины 8-го вечера начало каждой беседы».

³ *Сперанский Александр Владимирович*. Окончил Новгородскую ДС (1885). С 1885 г. священник Николаевской церкви с. Ремды Гдовского уезда, с 9 декабря 1894 г. священник церкви святого апостола Петра в Лахте СПб. уезда, с 10 февраля 1896 г. священник Екатерининского собора Луги, с 6 мая 1913 г. протоиерей.

⁴ Рим. 8:24–25.

⁵ Фисгармония (нем. fisharmonium, от греч. physa — мехи и harmonia — гармония) — клавишный пневматический музыкальный инструмент с воздухомнагнетающим педальным устройством, известен с начала XIX в. Звуки извлекаются колебаниями металлических язычков, приводимых в движение струёй воздуха, которая накачивается двумя ножными педалями. По форме близок пианино. Древнее название — гармонiuм.

⁶ *Жидков Яков Иванович* (16 (28) сентября 1885 г. — 27 октября 1966 г.) — председатель Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов, член Исполнительного комитета Всемирного совета баптистов. В 1902 г. стал членом молодежной баптистской общины в СПб., до 1912 г. ее руководитель. С 1913 по 1924 г. руководил в Царицыне Средневожским районом Союза евангельских христиан. В 1924 г. возвращается в Ленинград, становится одним из работников Всесоюзного совета евангельских христиан, занимается издательской

деятельностью, руководит библейскими курсами, становится председателем Союза евангельских христиан и в 1932 г. со всем Всесоюзным Советом евангельских христиан переезжает из Ленинграда в Москву. В октябре 1944 г. в Москве собрался объединенный съезд евангельских христиан и баптистов, на котором произошло объединение Союза евангельских христиан и Союза баптистов в один Союз — ВСЕХБ. Позднее к нему присоединились христиане веры евангельской (пятидесятники) и братские меннониты. С 1944 г. бессменно руководил этим объединением.

См.: Памяти Я. И. Жидкова // ЖМП. 1967. № 2. С. 55–56.

⁷ Текст песни и музыка — народные.

Разлука, ты разлука,
Чужая сторона.
Никто нас не разлучит,
Лишь мать сыра земля.
Никто нас не разлучит,
Лишь мать сыра земля.
Всегда, всегда навеки, —
Так жалобно пою.
И нас с тобою, милой
Разлуке предаю.
И нас с тобою, милой
Разлуке предаю.
Зачем нам разлучаться?
Зачем в разлуке жить?
Не лучше ль нам расстаться
И друг друга любить?
Не лучше ль нам расстаться
И друг друга любить?

⁸ Новая Деревня — исторический район СПб. на правом берегу Большой Невки, напротив Каменного острова (Приморский район). Деревня возникла в середине XVIII в. как поселение крепостных крестьян графа Бестужева-Рюмина, переселенных в Петербург с Украины для строительства дворца и парка на Каменном острове. Новой ее стали называть по отношению к Старой Деревне, расположенной напротив Елагина острова. В XIX в. Новая Деревня — дачная местность. В 1894 г. по территории Н. Д. была проложена ветка Приморской железной дороги Санкт-Петербург — Сестрорецк.

⁹ «Записки о Галльской войне» (лат. *Commentarii de Bello Gallico*) — сочинение Гая Юлия Цезаря, в котором в восьми книгах он в точной, сжатой и энергичной манере описал свое завоевание Галлии в 58–50 гг. до н. э., а также две переправы через Рейн и высадку в Британии. В Древнем Риме сочинение Цезаря считалось образцом лаконичной, сухой аттической прозы, оказав решающее влияние на становление стиля Тацита и ряда других историков. Традиционно является первым произведением классической латыни, которое читают на уроках этого языка (в элементарном курсе древнегреческого подобное место занимает «Анабасис» Ксенофонта).

¹⁰ Ἀνάβασις («Анабасис», или «Анабасис Кира» («Поход Кира»), греч. Κύρου ἀνάβασις) — одно из лучших сочинений древнегреческого писателя и историка, ученика Сократа Ксенофонта. В этой книге содержится описание похода Кира против Артаксеркса и отступление греческого наемнического отряда, в рядах которого был сам Ксенофонт, через всю Малую Азию к побережью Черного моря. По литературным достоинствам и правдивости «Анабасис» соперничает с комментариями Цезаря о галльской войне. Как писателя, Ксенофонта очень ценили в древности. Цицерон говорил, что «его речь слаще меда, а голосом его говорят Музы». Поэтому по произведениям Ксенофонта изучали классическую греческую прозу и в дореволюционных школах в России.

¹¹ С 1923 г. улица Ленина.

¹² «Дело веры» — издание при СПб. Братстве ревнителей православной веры во Имя Христа Распятого. Выходило под редакцией Д. И. Боголюбова до двух раз в месяц в 1911–1912 и 1914 гг. В 1913 г. был перерыв в издании.

¹³ Церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы — первая деревянная полковая церковь была построена в начале царствования императрицы Анны Иоанновны и освящена 30 января 1732 г. во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы на участке, где квартировали гарнизонные полки. Через восемь лет на ее хорах был устроен Ильинский придел. Так как церковь была холодной, то по распоряжению императрицы Екатерины II рядом с ней была построена небольшая каменная церковь, освященная 26 февраля 1766 г. во имя Тихвинской иконы Божией Матери. Она простояла до 1809 г. К 1793 г. деревянная Введенская церковь совсем обветшала и была разобрана, а на ее месте по проекту городского архитектора И. М. Лейма стали возводить новое

каменное здание трехпривольного приходского храма, которое было достроено в 1806 г. 15 июля 1806 г. главный придел новой церкви был освящен во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Правый — Тихвинский придел (на месте разобранной церкви) был освящен 7 ноября 1809 г., а левый — теплый Ильинский — 9 октября 1810 г. В 1839–1840 гг. церковь была расширена архитектором В. Е. Морганом, который построил вместо деревянной — каменную двухъярусную колокольню. После расширения церкви в ней, у алтарной апсиды были устроены еще два придела: во имя новопрославленного святителя Митрофана Воронежского и в честь преподобного Андрея Критского. В ограде храма были выстроены две часовни — Тихвинская и Введенская. Церковь была одной из самых посещаемых в городе; это был единственный храм на Петербургской стороне, имевший пять престолов. С 1922 г. церковь являлась обновленческой. Закрыта и снесена в 1932 г. Сейчас на ее месте сквер.

¹⁴ Миссионерские беседы со штундо-баптистами. (Опыт библейского обоснования православно-христианских истин, отвергаемых сектантами.) Харьков, 1902. 5-е изд., пересм. и доп. СПб., 1911.

¹⁵ 1-е изд. СПб., 1903. 16-е изд. Пг., 1917.

¹⁶ Ряд критико-апологетических статей. СПб., 1909.

¹⁷ В выходивших под редакцией Д. И. Боголюбова миссионерских листках «Дело веры» размещалась следующая информация об антисектантских изданиях:

«Для укрепления библейских познаний и для ответов сектантам рекомендуется запастись книгами Д. И. Боголюбова:

1. Православный противосектантский катихизис, 13-е изд., цена 15 коп.

2. Миссионерские беседы со штундо-баптистами, 5-е изд., стр. 380, цена 1 руб. 50 к.

Обе эти книги содержат в себе все необходимое, что надобно знать православному простолудину для духовного отпора сектантам.

Склад издания в книжном складе Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. С.- Петербург, Стремянная, д. 20». (См., напр., № 10. 1914.)

¹⁸ *Миллер Вильям* (1782–1849) — основатель адвентизма. В 1816 г. после своего обращения стал членом баптистской церкви и начал за-

ниматься чтением Библии. Особое внимание он обратил на пророчества в книге Даниила (8:13–14; 9:24–27), а также на другие тексты, касающиеся пришествия Христа. Пророчествовал, что пришествие Христа произойдет в 1843 г., а после уточнения своих вычислений перенес дату на 22 октября 1844 г.

¹⁹ *Ван-Бейнинген Федор Константинович* — отставной полковник русской службы, проповедовал о втором пришествии Спасителя. В 1906 г. выпустил в Петербурге книгу: «Бодрствуйте! Се, грядущий скоро!» Это было уже второе, «уточненное и исправленное» издание; первое, с другим названием вышло в 1903 г. («Близость второго пришествия Спасителя»). Согласно предсказаниям полковника, 1933 г. должен быть пределом исторических событий, предсказанных пророком Даниилом. Автор строит геометрическую схему, своеобразный «параллелограмм», одну из сторон которого образуют даты ветхозаветных событий от возникновения Вавилонского царства (747 г. до н. э.) до гибели Иерусалима и «вавилонского плена» еврейского народа (587 г. до н. э.). Последней дате и должна была соответствовать параллельная — по прошествии «семи времен», т. е. 2520 лет (семь раз по 360 лет) — дата 1933 г. Д. И. Боголюбов в 1908 г. поместил две статьи относительно учения и учеников В.-Б. в «Прибавлениях к Церковным ведомостям»: «О петербургских хилиадах — учениках Ван-Бейнингена» (ПЦВ. 1908. № 10. С. 488–490) и «Еще о петербургских хилиадах — учениках Ван-Бейнингена» (ПЦВ. 1908. № 15–16. С. 745–748). «Хилиазм проповедует в Петербурге отставной полковник Ван-Бейнинген, но не как сектант, особенно адвентист, а как любитель, без сомнения, “от нечего делать”. В этом с бесспорностью убеждаются все, лично слушавшие вялую, тягучую и слабо обоснованную речь полковника. <...> Г. Ван-Бейнинген сущность своих бесед с народом на Гороховой ул., д. 32 клонит к выводу, что Спаситель второй раз на землю, для основания здесь своего 1000-летнего царства придет непременно в 1932–33 гг.» (*Боголюбов Д. И. О петербургских хилиадах — учениках Ван-Бейнингена // ПЦВ. 1908. № 10. С. 488.*)

²⁰ Иуд. 3.

²¹ Мф. 18:6.

²² «И язык — огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геены. Ибо всякое естество

зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естественным человеческим. А язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда» (Иак. 3:6–8).

²³ Молокане — одна из разновидностей духовных христиан, религиозная секта в России. Сложилась в конце XVIII в. в Тамбовской губернии и затем распространилась в Закавказье, Крыму, Сибири, Закаспийской и Карской областях. Основателем секты считается Семен Уклеин, первоначально примыкавший к духоборам. М. отрицали Церковь, церковную иерархию, пост, иконы и богослужebные обряды православия. Моления у М. совершаются в моленных домах; руководят сектой старцы-пресвитеры. На молениях поют библейские тексты. Впервые термин «молокане» был использован в конце XVIII в. в отношении людей, отвергших православный культ. Есть несколько теорий происхождения названия «молокане». Согласно одной из них, молокане пили молоко в постные дни, когда прием «скоромной» пищи запрещен православными канонами, за что их и прозвали М. Сами М. предпочитают ссылаться на упомянутую в Библии метафору «духовного молока» (1 Пет. 2:2). В Российской Федерации небольшие группы М. сохраняются в Тамбовской и Оренбургской областях. В 1991 г. образован «Союз общин духовных христиан-молокан» (Москва).

²⁴ Пашковцы — сектанты, названные так по имени своего «главы», отставного гвардии полковника В. А. Пашкова. Секта образовалась под влиянием проповеди английского лорда Редстока, приехавшего в Россию в 1874 г. Секта пользовалась большим влиянием в 1870–80-х гг. В 1876 г. было создано «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», задача которого по уставу состояла «в доставлении народу возможности приобретать на самом месте жительства его и за дешевую цену книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета и сочинения духовно-нравственного содержания». Общество выпустило в свет более 200 брошюр. В 1877 г. Пашкову было запрещено устраивать религиозно-назидательные беседы; в 1878 г. церковной власти поручено было увещевать Пашкова и его единомышленников оставить свое заблуждение и вернуться в лоно Православной Церкви. Лишенный возможности действовать в СПб., Пашков перенес свою проповедь в провинцию. В 1883 г. Пашков вновь поселился в СПб. и в апреле 1884 устроил вместе с графом Модестом Корфом съезд из представителей штундистов, баптистов и молокан, с которыми у П. есть точки соприкосновения. Заседания съезда были прекращены распоряжением правитель-

ства, а 24 мая 1884 г. состоялось высочайшее повеление о закрытии «Общества поощрения духовно-нравственного чтения». Пашковцы отрицали иконы, святых, таинства и церковную иерархию. Согласно их учению, вследствие грехопадения человек бессилен оправдаться своими делами; он может спастись верою во Христа.

²⁵ Мф. 25:31–40.

²⁶ Деян. 15:28.

²⁷ 1 Тим. 3:15.

²⁸ Калашниковская набережная (в настоящее время Синопская набережная) — называлась так с 1887 г. по фамилии хлеботорговца Калашникова, владевшего здесь в начале XIX в. пристанью, складскими помещениями и хлебной биржей. В декабре 1952 г. переименована в Синопскую (в память о блестящей победе в 1853 г. русского флота под командованием адмирала Нахимова над превосходящим по численности турецким флотом под Синопом на Черном море). Эта набережная идет по левому берегу Невы, между мостом Александра Невского и Смольным проспектом.

²⁹ *Кратиров Дмитрий Дмитриевич* (15 (27) ноября 1875 — 22 августа 1952). Родился в Кадникове Вологодской губ. Сын обер-офицера. Окончил Вологодскую ДС (1896) и СПб. ДА (1900), канд. богосл. Два года служил в Министерстве внутренних дел. 25 марта 1903 г. рукоположен во священника к церкви Александровского приюта на Крестовском острове в СПб. С 1904 г. служил в Спасо-Колтовской церкви, с 1911 г. настоятель Введенской церкви на Петербургской стороне. Арестован 5 сентября 1922 г. Проходил по делу об изъятии церковных ценностей. С 1928 г. настоятель Троицкой церкви в Лесном. Вновь арестован 27 декабря 1930 г. и приговорен 8 октября 1931 г. к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Постановлением от 16 августа 1933 г. условно-досрочно освобожден. С 1933 г. проживал в Новгороде. Вновь арестован 10 июля 1938 г., но 10 января 1939 г. освобожден. Во время войны был вывезен в Германию. В 1945–1952 гг. настоятель русского Воскресенского собора в Берлине.

См.: Прот. Д. Д. Кратиров // *Голос Православия*. Берлин, 1952. № 12. С. 48–50; *Осипова И. И.* Сквозь огонь мучений и воды слез. М., 1998. С. 312; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 310.

³⁰ *Мардарий (Ускокович Иван; 1889 — 12 декабря 1935)* — черногорец, окончил Кишиневскую ДС, в 1916 г. — Петроградскую ДА. С 17 августа 1916 г. преподаватель гомилетики и соединенных с нею предметов Александровской Ардонской ДС. В 1917 г. Святейшим Синодом РПЦ назначен руководителем Сербской миссии в Америке. 25 апреля 1926 г. в Соборной церкви Белграда Сербским Патриархом Димитрием (Павловичем) рукоположен во епископа Американско-Канадского (Новограчаницкой митрополии). Скончался в Америке.

³¹ Высшие женские (Бестужевские) курсы — открыты в СПб. с разрешения министра народного просвещения графа Д. А. Толстого в 1878 г. Во главе педагогического совета в качестве заведующего курсами стал профессор К. Н. Бестужев-Рюмин (отсюда название курсов Бестужевскими), которого в 1881 г. заменил А. Н. Бекетов (состоявший с 1879 до 1885 г. и председателем комитета Общества для доставления средств высшим женским курсам). Курс преподавания, первоначально рассчитанный на 3 года, уже в 1881 г. был сделан четырёхлетним. Курсы имели три отделения: словесно-историческое, физико-математическое и специально-математическое; последние два различались только со второго курса. Почти по всем предметам и на всех отделениях проходили практические занятия, особенно по естественным наукам, для чего курсы располагали богато обставленными кабинетами, лабораторией, библиотекой, а впоследствии и аудиториями, специально приспособленными к чтению экспериментальных лекций. В качестве преподавателей привлекались лучшие профессора университета и других высших учебных заведений Петербурга. В 1918 г. были преобразованы в III Петроградский университет, который в 1919 г. вошел в состав Петроградского университета.

³² Кнехты (голл. knecht) — парные металлические тумбы, отлитые вместе с основанием — плитой. Кнехты устанавливаются на палубе в носовой, кормовой части и у бортов судна и служат для закрепления тросов при швартовке.

³³ Конь-камень (Коневец) — огромный валун серого гранита с прожилками кварца размером 9 на 6 и высотой чуть более 4 метров; бесспорно, является одной из самых ярких достопримечательностей острова Коневец. Это единственный камень на Коневце таких больших размеров, вес его — более 750 тонн. В историческом отношении валун представляет собой одно из редких сохранившихся языческих святилищ. Предполагается, что некогда рядом с ним проводились

языческие ритуалы. Форма камня отдаленно напоминает конскую голову. Возможно, отсюда произошло и его название. Конь-камень дал название и самому острову, в то время как финны называли его Рантасаари — Прибрежный остров. В конце XIV в. на остров пришёл св. Арсений Коневецкий. Здесь он встретил рыбака по имени Филипп и узнал от него о жертвоприношениях. Св. Арсений, как сказано в его житии, посчитал это место «пуще дремучего леса ужасом бесовским окруженным». По легенде, он провел в молитве в своей келье целую ночь, а наутро совершил вокруг камня крестный ход с иконой Богородицы в руках и окропил валун святой водой. Согласно житию, духи вышли из камня, превратились в черных воронов и улетели прочь к противоположному берегу Ладожского озера, который с той поры стал называть Чертовой бухтой (Сортан-лахта). Вместе с бесами, согласно преданию, с острова исчезли и змеи. Чтобы навечно утвердить превосходство православной веры над языческой, монахи Коневецкого монастыря возвели на вершине камня небольшую деревянную часовню. Неясно, в каком столетии была построена самая ранняя часовня на Конь-камне, возможно, что еще при жизни св. Арсения. Однако известно, что она отстраивалась заново в 1815 и 1895 гг.

³⁴ В церковно-исторической науке не существовало и не существует однозначного ответа на вопрос о времени возникновения Валаамского монастыря. Отсутствует важнейший источник датировки — древнее житие преподобных Сергия и Германа. Возникновение обители относят то к XIV в., то к первым векам распространения христианства на Руси — X–XI вв. Первую датировку (XII–XIV вв.) подерживали церковные историки XIX в.: еп. Амвросий (Орнатский), еп. Филарет (Гумилевский), Е. Е. Голубинский. Вторая концепция относит основание монастыря к X–XI вв. Она опирается на одну из редакций жития преподобного Авраамия Ростовского, содержащую упоминание о пребывании преподобного на Валааме в X веке, а также на ряд летописных упоминаний о переносе мощей преподобных Сергия и Германа с Валаама в Новгород в 1163 г. Церковная и монастырская традиции придерживаются последней концепции, утверждающей, что основание обители произошло в эпоху Крещения Руси. Известно предание о посещении Валаама апостолом Андреем Первозванным. Основатели монастыря — преподобные Сергий и Герман — были греческими миссионерами и пришли на ладожские земли в первой половине X в. Представляется возможным совместить два взгляда на время возникновения обители: древняя монашеская жизнь на Валааме после XI в. могла прекратиться, а затем возобновиться на рубеже XIV–XV вв.

³⁵ «Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: “поднимись и ввергнись в море”, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам» (Мк. 11:23–24).

³⁶ *Антоний (Вадковский Александр Васильевич*; 3 (15) августа 1846 — 2 (15) ноября 1912). Окончил Тамбовскую ДС (1860), Казанскую ДА (1870). С 27 октября 1870 г. доцент Казанской ДА по кафедре гомилетики и пастырского богословия. Магистр богословия (1871). Овдовев и потеряв детей, 4 марта 1883 г. принял монашество с именем Антоний, 5 марта рукоположен в сан иеродиакона, 6 марта — в иеромонаха, 14 ноября 1883 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Казанского Иоанно-Предтеченского монастыря, 12 декабря 1883 г. утвержден экстраординарным профессором Казанской ДА, с 12 ноября 1884 г. инспектор Казанской ДА. В августе 1885 г. назначен инспектором и профессором СПб. ДА, с 15 апреля 1887 г. ректор СПб. ДА. 3 мая 1887 г. рукоположен в сан епископа Выборгского, викария С.-Петербургской епархии. С 24 октября 1892 г. архиепископ Финляндский и Выборгский, с 27 октября 1892 г. член Св. Синода. Доктор церковной истории (1893). 25 декабря 1898 г. утвержден митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, с 9 июня 1900 г. первенствующим членом Святейшего Синода. 22 апреля 1906 г. избран членом Государственного совета.

³⁷ *Никандр (Феноменов Николай Григорьевич*; 2 (14) мая 1872 — 18 февраля 1933, Ташкент). Родился в семье священника Орловской епархии. Во время обучения в Киевской ДА 3 июня 1897 г. пострижен в монашество, 10 апреля рукоположен во иеродиакона, а 15 августа — во иеромонаха. В 1897 г. окончил академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Тульской ДС. 1900 — инспектор Кутаисской ДС. 1901 — инспектор Тифлисской ДС. С 21 января 1902 г. ректор Тифлисской ДС в сане архимандрита. Указом от 19 мая 1905 г. определен быть епископом Бакинским, но 2 июня того же года назначен епископом Кинешемским. 10 июля 1905 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. С 15 февраля 1908 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 20 марта 1914 г. епископ Вятский и Слободской. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1918 г. архиепископ Крутицкий. С 1920 по 1925 г. епархией не управлял. С ноября 1925 г. митрополит Одесский. С 1927 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский.

³⁸ *Сокольский Алексей Александрович*. Окончил Владимирскую ДС (1904) и СПб. ДА (1909). С 16 августа 1912 г. санкт-петербургский епархиальный противосектантский миссионер-проповедник, с 11 декабря 1913 г. преподаватель обличительного богословия, истории и обличения старообрядчества Пензенской ДС, с 19 декабря 1913 г. помощник инспектора СПб. ДС. В начале 1920-х гг. петроградский епархиальный миссионер-проповедник.

³⁹ Братья Верзины — Николай Леонидович и Владимир Леонидович. Оба закончили Ярославскую ДС. СПб. ДА Николай Верзин окончил в 1906, а Владимир — в 1913 г.

⁴⁰ *Шкловский Владимир Борисович* (12 (24) марта 1889 — 24 ноября 1937). Окончил 3-е реальное училище в СПб. и историко-филологический факультет Петербургского университета (1910). С 29 сентября 1910 г. лектор французского языка СПб. ДА. Преподавал в Екатерининской женской гимназии, единоверческом реальном училище, Торговой школе Б. Шкловского (1905–1918), на общеобразовательных курсах для взрослых Б. Шкловского. Член-деятель Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, выступал с беседами в Троицкой церкви Общества на Стремянной улице, с беседами в Серафимовской церкви за Невской заставой, член Христианского содружества учащейся молодежи. В 1914 г. мобилизован в армию, с 1915 г. переводчик в главном управлении Генерального штаба. С 1917 г. заведующий Бюро Петроградской церковной частной миссии (утв. 27 сентября 1919 г.). Редактор издававшегося при миссии осведомительного листка «Церковные вести» (1918). 14 июня 1918 г. года вместе с другими членами миссии участвовал в поднесении адреса Патриарху Тихону во время его посещения Петрограда. Принимал участие в работе Литейного отделения Александро-Невского Общества трезвости (при храме на Спасской ул., 27), будучи членом его попечительного совета, заведывал библиотекой-читальней для трезвенников, участвовал в беседах и чтениях с «волшебным фонарем». С 1918 г. преподаватель французского языка 3-го Педагогического института. Читал курс истории западноевропейских литератур на одногодичных Высших педагогических курсах. Весной 1918 г. читал «Идеологию западного журнализма» в 1-й Всероссийской школе журнализма (П. М. Пильской). Осенью 1918 г. составитель иностранных бумаг и переводчик в Украинском консульстве в Петрограде. С 1918 г. преподавал в Торговой школе. Преподавал на Богословских курсах, возглавлявших-

ся протоиереем Виталием Лебедевым. 13 октября 1919 — 13 февраля 1920 г. член Комиссии духовно-учебных заведений Петроградской епархии. 2 января 1920 г. (20 декабря 1919) он был избран этой Комиссией преподавателем латинского новозаветного текста и творений св. отцов Западной Церкви в Петроградском Богословском институте. В 1921 г. В. Б. Шкловский возглавил миссионерскую секцию Совета братств. Будучи псаломщиком храма на Спасской улице, вел библиейский кружок, специализируясь на борьбе с сектантами. По делу Братств в 1922 г. был арестован. Постановлением ГПУ от 4 января 1923 г. был осужден на 2 года ссылки в Архангельскую губернию. В 1926–1928 гг. преподаватель латинского языка на Высших богословских курсах. С 1925 г. научный сотрудник Яфетического института Академии Наук. Впоследствии был доцентом Ленинградского университета. Расстрелян.

См.: *Антонов В. В.* Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 424–445; *Бовкало А. А.* Владимир Борисович Шкловский // *Петербургские чтения 97. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003»*. СПб., 1997. С. 196–197; *Степанова Л. Г.* О Владимире Борисовиче Шкловском // *Ленинградский мартиролог 1937–1938*. Т. 3. СПб., 1998. С. 547–549.

⁴¹ *Шкловский Виктор Борисович* (12 (24) января 1893, Петербург — 5 декабря 1984) — писатель, литературовед.

⁴² *Хмельницкая Т. Ю.* Шкловский Виктор Борисович // *БСЭ*. Т. 29. М.: «Советская энциклопедия», 1978. С. 423.

⁴³ *Фидеизм* (фр. *fidéisme*, от лат. *fides* вера) — религиозное мировоззрение, утверждающее примат веры над разумом.

⁴⁴ В первой половине 1910 г. на заседании совета СПб. ДА в связи с кончиной лектора Ивана Ивановича Фаснахта (†1910) для замещения освободившейся вакансии были предложены две кандидатуры, но выборы были отложены до начала следующего 1910/1911 учебного года (*Журналы заседаний совета СПб. ДА за 1909/1910 уч. г. СПб., 1910*. С. 329). Повторно вопрос о замещении кафедры был рассмотрен на заседании совета 28 августа 1910 г. Всем семи кандидатам, подавшим заявление о желании занять вакантное место, было предложено прочитать пробные лекции. Уроки 13–16 сентября дали только пять

кандидатов, но и из них оказалось сложно выбрать наиболее достойного. На заседании совета СПб. ДА 18 сентября было определено поручить кандидатам дать второй урок студентам. На следующем заседании совета, 29 сентября после второго урока (27–28 сентября) было проведено голосование. Большинством было принято определение зачислить лектором французского языка выпускника Императорского СПб. университета по историко-филологическому факультету Владимира Борисовича Шкловского с 29 сентября 1910 г. Данный выбор был утвержден митрополитом 2 октября (Журналы заседаний совета Санкт-Петербургской ДА за 1910/1911 уч. г. СПб., 1911. С. 24–26, 54–56, 58–60).

⁴⁵ С фр.: «Собеседник, участник беседы».

⁴⁶ Тузов А. — книгоиздатель.

⁴⁷ Вероятно: «Указание, как и в каком душевном обстоянии и каким псалмом надо утешаться». Пг.: Тип. Auseklis, 1917. 16с.

⁴⁸ Вероятно, имеется в виду книга: «О словаре лингвистической терминологии». Л., 1928.

⁴⁹ С лат.: «Все свое ношу с собой».

⁵⁰ С лат.: «Добрый и дорогой брат, да будет тебе земля легкой». Ср. наше: «Да будет тебе земля пухом».

⁵¹ *Щербов Иван Павлович* (29 мая (9 июня) 1873 — 13 апреля 1925). Окончил Витебскую ДС (1894) и СПб. ДА (1898), канд. богосл. С 15 июня 1900 г. преподаватель основного, догматического и нравственного богословия СПб. ДС. Преподаватель закона Божия в Исидоровском ЕЖУ. Учредитель и организатор «Религиозно-философских собраний» в Петербурге. 10 июля 1918 г. избран членом Петроградского епархиального миссионерского совета. 30 сентября 1918 — 1924 — заведующий Богословско-пастырским училищем в Петрограде, где преподавал до кончины. С 23 января 1920 г. проректор, преподаватель. С 27 июля 1920 г. профессор кафедры догматического богословия, с 1 сентября 1922 г. временно и. о. ректора Петроградского Богословского института. 6 февраля — 1 июля 1920 также его казначей. С 1919 г. член Александро-Невского братства, в

январе 1920 г. избран членом приходского совета лаврских церквей. Арестован 30 июня 1922 г. по делу православных братств. 21 августа 1922 г. освобожден под подписку о невыезде. Дело в отношении его прекращено 14 сентября 1922 г. постановлением Петроградского губотдела ГПУ. После закрытия 2 мая 1923 г. Богословского института возглавлял религиозно-философский кружок, заседания которого проходили на его квартире. Архивист в 1-й секции IV отделения государственного Архивного фонда. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

⁵² *Афанасьев Дмитрий Петрович* (1843–1891), писатель, магистр Казанской ДА (1868). Автор учебников по Ветхому Завету, приспособленных к семинарскому курсу. Нередко заменял объяснение текста парафразом или пересказом Библии, что рассматривалось его критиками как методологический недостаток. Составил «Учебное руководство по предмету Св. Писания» для первых трех классов духовных семинарий (несколько изданий); «Учебное руководство по библейской истории ветхозаветной Церкви» (изд. 2-е. Ставрополь, 1890), «Толкование на книгу пророка Исаии с введением к изъяснительному чтению пророческих книг Ветхого Завета» (Ставрополь, 1893); «Толкование на книгу пророка Иеремии» (Ставрополь, 1894).

⁵³ Нынешний адрес: д. 17.

⁵⁴ *Козловский Иван Иеронимович*. Окончил Могилевскую ДС (1889) и медицинский факультет Томского университета (1894). 3 марта 1904 г. доктор медицины. С 1 марта 1909 г. врач СПб. ДА. С 1 января 1912 г. старший врач Мариинской больницы для бедных, больницы «Памяти жертв революции». Городской санитарный врач СПб. Врач Богословско-пастырского училища.

См.: Очерк жилищных условий жизни Имп. С.-Петербургской Православной духовной академии. СПб., 1914. С. 32.

⁵⁵ Дортуар (фр. *dortoir*) (устар.) — общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях.

⁵⁶ С лат.: «Занятия человеческие и занятия Божественные».

⁵⁷ С лат.: «Защитник Церкви».

⁵⁸ *Помяловский Николай Герасимович* (11 (23) апреля 1835, Санкт-Петербург — 5 (17) октября 1863, там же) — русский писатель, прозаик, автор реалистических повестей. Родился в семье дьякона. Учился в Александро-Невском духовном училище. Окончил СПб. ДС (1857). Дебютировал в печати очерком «Вукол», опубликованным в 1859 в «Журнале для воспитания». В 1861 г. в журнале «Современник» напечатал повести «Мещанское счастье» и «Молотов». В 1862–1863 гг. в журнале «Время» и «Современник» печатались его «Очерки бурсы».

⁵⁹ *Белодед Петр Захарович*. Окончил Черниговскую ДС (1897) и СПб. ДА (1901), канд. богосл. В 1901–1902 гг. профессорский стипендиат. С 27 сентября 1902 г. надзиратель и учитель приготовительного класса Александро-Невского ДУ, с 23 января 1903 г. помощник инспектора, с 8 октября 1905 г. преподаватель словесности и истории русской литературы СПб. ДС.

⁶⁰ Хрия (от греч. χρεία — польза, пользование) (лит.) — речь, рассуждение, составленное по заданным правилам.

⁶¹ *Светилин Александр Емельянович* (1841, Рязанская губерния — 3 (15) октября 1887, СПб.) — профессор СПб. ДА. Сын сельского священника; окончил Рязанскую ДС и СПб. ДА (1865). Магистр богословия (1867). Преподаватель логики и психологии в Смоленской ДС, в 1867 г. переведен в СПб. ДА, с 1868 г. бакалавр по кафедре логики и психологии. В 1884 г. оставил преподавательскую деятельность. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Научные труды: «Учебник формальной логики» (с 1870 по 1916 г. 14 изданий), «Разбор логики, изданной проф. М. И. Владиславлевым» («Журн. Мин. нар. просв.», 1874, № 8 и 10; 1875, № 5) и «Умеренный материализм» (актовая речь. СПб., 1878).

⁶² Исагогика (греч. εισαγωγή) — библейская дисциплина, которая сообщает вводные сведения о книгах Священного Писания, необходимые для толкования. Разделяется на общее введение (учение о богодухновенности, история канона, текстология, история толкования) и частное введение (сведения отдельно для каждой книги об авторе, содержании и имеющейся экзегетической литературе).

⁶³ Здесь: герменевтика (древнегреч. ἑρμηνευτική) — библейская дисциплина, которая изучает принципы и методы толкования Священного Писания.

⁶⁴ *Мартинсон Василий Антонович* (1874 — 7 февраля 1955). Окончил Рижскую ДС (1896) и СПб. ДА (1900), канд. богосл. С 30 июня 1900 г. помощник инспектора, с 21 декабря 1902 г. и. д. инспектора, с 27 июня 1903 г. инспектор СПб. ДС. 17 февраля 1907 г. рукоположен в сан священника. С 25 января 1910 г. ректор СПб. ДС. Возведен в сан протоиерея. В 1922 г. выехал в Эстонию, где до 1940 г. занимал должность профессора богословского факультета Тартусского университета.

⁶⁵ В дореволюционных духовных школах со второй половины XIX в. стало весьма распространенным явление, когда на частные суммы архиереев, выпускников, светских лиц учреждались стипендии для своекоштных студентов, обязанных платить за свое образование. Стипендия свечного завода была учреждена в 1899 г. Так, известно, что на заседании совета академии было рассмотрено отношение СПб. епархиального свечного завода от 24 мая 1899 г. за № 107, согласно которому съезд депутатов духовенства Санкт-Петербургской епархии, состоявшийся в феврале 1899 г., «в заботах об увековечении благодарной памяти о Высокопреосвященном митрополите Палладии (20 июня 1827 — 5 декабря 1898), основателе и благоустроителе епархиального свечного завода, являющегося ныне обильным источником, из коего наша епархия широко почерпает средства для удовлетворения своих благотворительно просветительных потребностей», определил учредить на средства этого завода в СПб. духовно-учебных заведениях 10 постоянных стипендий: 1 — в СПб. ДА, 5 — в СПб. ДС, 2 — в Исидоровском епархиальном женском училище и 2 — в Александро-Невском мужском духовном училище (Журналы заседаний совета СПб. ДА за 1890/1891 уч. год. СПб., 1896. С. 190–191).

⁶⁶ Шпаковский С. К.

⁶⁷ См., напр.: *Помяловский Н. Г.* Очерки бурсы: Повести. М.: Эксмо, 2007. С. 89–90.

⁶⁸ *Солтицкий Петр Васильевич*. Окончил Кишиневскую ДС (1899) и регентские классы придворно-певческой капеллы. С 23 августа 1900 г. псаломщик церкви с. Непоротова Хотинского уезда Бессарабской губ., с 24 апреля 1902 г. преподавал закон Божий в церковно-приходских школах в Петербурге. С 30 января 1908 г. учитель церковного пения и руководитель семинарского хора СПб. ДС. В 1920-е гг. был учителем пения в школах Лужского уезда.

⁶⁹ *Копейкин Александр Алексеевич* — диакон, с 6 сентября 1901 г. экононом СПб. ДС.

⁷⁰ *Шляпин Федор Иванович* (1 (13) февраля 1873, Казань — 12 апреля 1938, Париж) — русский певец (бас-баритон). Как певец был фактически самоучкой, но уже в возрасте 17 лет успешно выступал в составе небольшой провинциальной оперной труппы. 5 апреля 1895 г. дебютировал в петербургском Мариинском театре, в 1896 г. в московской частной русской опере Саввы Мамонтова в Москве, где впервые раскрылись музыкальное и актерское дарования певца. С огромным успехом выступал в Европе, пел на сцене нью-йоркской «Метрополитен-опера». Всемирную славу принесло ему исполнение заглавной партии в опере Мусоргского «Борис Годунов»; к выдающимся достижениям относится также исполнение партий в операх «Фауст» Гуно, «Садко» Римского-Корсакова, «Мефистофель» Бойто, «Дон Кихот» Массне и «Жизнь за царя» Глинки. Шляпин покинул Россию в 1922 г.

⁷¹ *Вейсман Александр Давидович* (1834, Ковенская губерния — 28 октября (10 ноября) 1913 г., СПб.) — российский филолог-классик, педагог, автор знаменитого греческо-русского словаря. (Греческо-русский словарь. СПб., 1879; в 1899 вышло 5-е изд.)

⁷² *Шульц Г.* Латинско-русский словарь, приспособленный к гимназическому курсу. СПб., 1865. Многократно переиздавался.

⁷³ *Молчанов Борис Николаевич* (род. 24 ноября (6 декабря) 1896 — ?) — сын диакона церкви села Рождествено Царскосельского уезда.

Впрочем, поскольку его фамилия в тексте воспоминаний заменена инициалом, речь может идти и об известном протоиерее Борисе Николаевиче Молчанове (24 июля (5 августа) 1896 г. — 22 августа 1963 г., Нью-Йорк). Окончил Петроградскую ДС (1916) и артиллерийское училище. По окончании училища служил в артиллерийских частях на Румынском фронте Первой мировой войны. Участник Белого движения в рядах Северо-Западной добровольческой армии ген. Н. Н. Юденича. С 1920 г. в эмиграции во Франции. В 1927 г. рукоположен в сан диакона и назначен на русский приход в Медоне. В 1928 г. окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже и перешел в клир Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Священник. Настоятель православного прихода в Медоне (1927–1933). Настоятель церквей в Лондоне (1933–1938), Бейруте (1938), Белой Церкви (1938–1941). После (1945–1950) войны настоятель различных приходов в Германии и Австрии (в лагерях для перемещенных лиц). Во Франции с 1950 г., настоятель прихода в г. Нильванж (РПЦЗ). В 1956 г. переехал в США. Служил настоятелем приходов РПЦЗ в Миннеаполисе и в Джексон Хайт (шт. Нью-Йорк). С 1959 г. второй священник кафедрального собора Знамения Божьей Матери в Нью-Йорке, сотрудник канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ. Митрофорный протоиерей (1962). Погребен на кладбище женского монастыря Ново-Дивеево близ г. Нанует (шт. Нью-Йорк).

⁷⁴ *Разумовский Федор Васильевич, протоиерей* (1895–?). Окончил Петроградскую ДС (1915). Служил в Спасо-Успенском соборе. Выслан в марте 1935 г. (?) из Ленинграда.

⁷⁵ Имеется в виду книга: *Моргенштерн Илья Федорович*. Психографология или наука об определении внутреннего мира человека по его почерку. Более 2000 автографов разных выдающихся людей древности и нашего времени с их портретами. СПб., 1903.

В книге рассказывается об истории графологии, приводится психографологическое описание нескольких сотен почерков. Читатель узнает, как отражаются в почерке психологические и физические особенности человека, как меняется характер письма с возрастом, сможет по собственному почерку определить свои скрытые возможности. Он найдет в книге образцы почерков императоров и преступников, полководцев и писателей, гениев и сумасшедших. Особый интерес представляет психографический анализ почерков известных исторических личностей (Петр I, Екатерина II, Наполеон, Борис Годунов, Пугачев, Пушкин, Достоевский, Ницше и др.). Одна из самых известных и первых книг, изъятых после Октябрьской революции из всех библиотек России, содержащая характеристики известных революционеров, писателей, царей, государственных деятелей и прочих исторических личностей.

⁷⁶ *Зарин Сергей Михайлович* (3 (15) октября 1875 — 20 сентября 1935). Окончил Тамбовскую ДС (1895) и СПб. ДА (1899), канд. богосл. 16 августа 1899 — 15 августа 1900 профессорский стипендиат по кафедре нравственного богословия. С 23–26 октября 1900 г. учитель русского и церковно-славянского языков в 1-м штатном, а с 17 марта 1902 г. во всех штатных классах Александро-Невского ДУ. С 23 октя-

бря 1900 г. одновременно преподаватель Исидоровского ЕЖУ. 4 апреля 1907 г. магистр богословия. С 17 октября 1909 г. доцент, с 11 июня 1910 г. экстраординарный профессор кафедры пастырского богословия, с 30 сентября 1910 г. перемещен на первую кафедру Нового Завета СПб. ДА. С 22 ноября 1910 г. инспектор, с 1 октября 1917 г. проректор, с 10 июля — и. о. ректора Петроградской ДА. С 22 марта 1921 г. профессор кафедры нравственного богословия и агиологии в Петроградском Богословском институте. Уклонился в обновленчество. Профессор Московской Богословской академии. 18 мая 1925 г. доктор богословия (по совокупности трудов). Член Президиума, секретарь и заведующий юридическим отделом обновленческого Священного Синода. С 30 декабря 1924 г. член Учебного комитета. Секретарь первоиерарха.

⁷⁷ Определением Св. Синода от 3–9–17 ноября 1910 г. в деревне Нежадово близ станции Плюсе учреждена Воскресенско-Покровская женская община, 20 ноября 1914 г. преобразованная в Воскресенско-Покровский монастырь. Федор Разумовский 15 мая 1916 г. был назначен вторым священником этой общины.

⁷⁸ *Полигнотов Разумник Константинович* (? — 20 января 1917). Сын псаломщика Павловского собора Гатчины. С 10 февраля 1897 г. и. д. псаломщика церкви села Мроткино Лужского уезда. С 13 января 1903 г. и. д. псаломщика Димитриевской церкви Бельского погоста Лужского уезда, с 1905 г. и. д. псаломщика церкви Михаила Архангела Лубино Лужского уезда, утв. 13 марта 1907 г.

⁷⁹ Вероятно, Кучмасов Александр, учившийся в СПб. ДС в 1909–1912 гг.

⁸⁰ Вьюшка — покрывка, обыкновенно круглая чугунная, вкладываемая в печную трубу для прекращения тяги воздуха.

⁸¹ *Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич)*; 31 декабря 1891 (12 января 1892) — 13 декабря 1961). Родился в семье протоиерея в г. Ковно. Учился в частном пансионе В. Л. Владнецкой, ковенской классической гимназии. Окончил СПб. Введенскую гимназию (1909, золотая медаль). В 1909 г. поступил на математическое отделение физико-математического факультета СПб. университета, где проучился один год. В 1910 г. поступил в СПб. ДА, которую окончил в 1914 г., канд. богосл. С 1914 г. профессорский стипендиат по кафедре церковного права. Одновременно в 1913–1914 гг. слушал лекции на юридическом

факультете СПб. университета. 10 октября 1914 г. пострижен в монашество, 11 октября рукоположен во иеродиакона, а 12 октября во иеромонаха. 18 октября был командирован на театр военных действий в санитарно-питательный поезд в качестве духовника-проповедника с сохранением звания профессорского стипендиата, 27 ноября переведен и. о. полкового священника лейб-гвардии Финляндского полка, но 27 декабря был освобожден от этих обязанностей по болезни и вернулся в ДА. С 18–19 августа 1915 г. преподаватель гомилетики, литургики, практического руководства для пастырей Петроградской ДС. 16 декабря 1917 г. (утв.) — магистр богословия («Церковный суд в России до издания Соборного уложения Алексея Михайловича в 1649 г. Историко-каноническое исследование». Пг., 1917). В мае-августе 1917 г. был членом комиссии Св. Синода по делам монастырей и монашествующих. С 5 июля 1917 г. член Духовного собора Александро-Невской лавры.

Осенью 1914 г. был допущен к преподаванию психологии в женской гимназии М. С. Михельсон в Петрограде. В 1915–1916 гг. был законоучителем в реальном училище Черняева. Одновременно с 12 декабря 1916 г. был настоятелем церкви св. Николая Чудотворца при Николаевской детской больнице в Петрограде, а с 18 марта 1918 г. председателем Свято-Николаевского братства при ней. 8 февраля 1920 г. утвержден почетным настоятелем. 4 декабря 1918 г. вновь был зачислен в студенты Петроградского университета.

21 октября 1918 г. утвержден преподавателем Петроградского Богословско-пастырского училища (литургика, гомилетика, церковная археология), которым оставался до 1 января 1921 г. С 20 ноября 1918 г. и. д. настоятеля Петропавловского (б. придворного) собора в Петергофе. 3 января 1920 г. утвержден почетным настоятелем и почетным председателем приходского совета Петропавловского собора Петергофа. 2 февраля 1921 г. избран почетным членом Знаменского приходского братства при Петропавловской церкви мызы Знаменка. 22 апреля 1921 г. утвержден в звании почетного попечителя Бабигонского Александрийского прихода. 14 декабря 1919 г. назначен наместником Александро-Невской лавры. 15 декабря 1919 г. возведен в сан архимандрита.

20 декабря 1919 г. избран преподавателем Богословского института по кафедре пастырского богословия, которым оставался до 22 июня 1920 г. 23 января 1920 г. избран ректором Богословского института, но 30 января отказался от должности.

27 марта 1922 был назначен, а 7 апреля хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. Арестован

1 июня по обвинению в контрреволюционной деятельности. Освобожден 7 июня. С октября 1922 по февраль 1923 г. возглавлял «Петроградскую автокефалию». Арестован 10 февраля 1923 г. Приговорен 30 марта к 3 годам ссылки в Усть-Кулом. 5 октября 1923 — 15 марта 1926 заведующий метеорологической станцией в Усть-Куломе Вологодской губ. по назначению Главной геофизической обсерватории в Петрограде. В 1926 г. вернулся в Ленинград, был приглашен читать каноническое право на Высшие богословские курсы, дал согласие, но затем отказался. С Пасхи 1927 по февраль 1928 г. временно управлял Ленинградской епархией. Председатель Ленинградского епархиального совета. Почетный настоятель Входеоерусалимской Знаменской церкви Ленинграда. С 1935 г. архиепископ с правами епархиального архиерея. В 1936–1940 гг. управлял Новгородской и Псковской епархиями. 14 ноября 1936 — 4 марта 1937 настоятель Князь-Владимирского, 4 марта 1938 — 19 мая 1939 Николо-Богоявленского соборов, до 26 октября 1940 г. состоял в штате собора. С 1940 г. архиепископ Волынский и Луцкий, экзарх западных областей Украины и Белоруссии. 9 марта 1941 г. возведен в сан митрополита. С 15 июля 1941 г. митрополит Киевский и Галицкий, экзарх всея Украины. С 12 февраля 1944 г. митрополит Крутицкий, с 7 апреля 1947 г. Крутицкий и Коломенский. 11 апреля 1949 г. доктор богословия. Председатель Отдела внешних церковных сношений с 4 апреля 1946 по 21 июня 1960 г.

С апреля 1949 г. член Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, с августа 1949 г. член Советского комитета защиты мира. 6 августа 1955 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. С 19 сентября 1960 г. на покое.

См.: *Ведерников В.* Светлой памяти митрополита Николая // ЖМП. 1962. № 1. С. 14–22; *Никитин В.* Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич). К 90-летию со дня рождения (1891–1961) // ЖМП. 1982. № 1. С. 26–33; *Шаповалова А.* Митрополит Крутицкий Николай // ЖМП. 1945. № 4. С. 47–55.

⁸² *Судаков Анатолий Семенович.* Окончил Новгородскую ДС (1898) и СПб. ДА (1902), канд. богосл. С 1902 г. профессорский стипендиат. С 28 марта 1903 г. помощник инспектора, с 11 сентября 1910 г. преподаватель гражданской истории СПб. ДС.

⁸³ Переписка священника Гогофа и Бебеля издавалась как в царской России, так и после революции 1917 г. Существовало даже несколько переводов.

См., напр.: Христианство и социализм / Пер. с нем. Л. Кручининой. СПб.: «Утро», 1906. 24 с.; Христианство и социализм: религиозная полемика между свящ. Гогофом из Гюффе и А. Бебелем / Пер. с нем. Е. и И. Леонтьевых. СПб.: «Новый мир», 1906. 32 с.; Христианство и социализм: Переписка между свящ. Гогофом и социал-демократом А. Бебелем / Пер. с нем. Л. Кручининой. Изд. 3-е. М.: Изд. Комитета памяти В. М. Бонч-Бруевича (Величкиной), 1920. 32 с.

⁸⁴ С лат.: «Волей-неволей; хочешь, не хочешь».

⁸⁵ С лат.: «О принципах не спорят».

⁸⁶ *Попов Хрисанф Михайлович* (19 (31) марта 1866 — ?). Окончил Спб. ДА (1890). С 1 ноября 1890 г. преподаватель обличительного богословия, истории и обличения русского раскола и местных сект Курской ДС, с 28 октября 1893 г. преподаватель общей церковной и библейской истории и истории Русской Церкви Спб. ДС. С 20 сентября 1899 г. секретарь правления.

⁸⁷ *Дрэпер (Draper) Джон Вильям* (1811–1882) — физик, химик, физиолог и историк. Родился и учился в Англии, но рано поселился в Соединенных Штатах; был профессором сначала в Виргинии, потом в Нью-Йорке. Главные сочинения: «*Treatise on the Forces which produce the organization of plants*» (1844); «*Textbook on Chemistry*» (1846); «*Natural Philosophy*» (1847); «*Human Physiology, statical and dynamical*» (1856; рус. пер.: «Физиология человека, статическая и динамическая»); «*History of the Intellectual Development of Europe*» (пер. на рус. яз. 1866: «История умственного развития Европы»); «*History of the Conflicts between Religion and Science*»; «*History of the American Civil War*» (1867–1870).

⁸⁸ *Дорнер (Dorner) Исаак Август* (1809–1884) — протестантский богослов, профессор богословия в Берлинском университете. Главные его труды: «*Entwicklungsgeschichte der Lehre von der Person Christi*» (1839); «*Geschichte der prot. Theologie*» (Мюнхен, 1867); «*System der christlichen Glaubenslehre*» (1879–81); «*Gesammelte Schriften aus dem Gebiete der systematischen Theologie, der Exegese und Geschichte*» (1883). Монография «Система христианского нравоучения» («*Sistem der christlichen Sittenlehre*») была издана посмертно. На рус. язык она была переведена и издана под ред. профессора Московской ДА

М. Тареева в 1913 г. (М.: Т-во типо-литографии И. М. Машистова, 1913).

⁸⁹ *Гюго (Hugo) Виктор Мари* (26 февраля 1802, Безансон — 22 мая 1885, Париж) — французский писатель (поэт, прозаик и драматург), глава и теоретик французского романтизма.

«*Quatre-vingt treize*» («Девяносто третий год») — последний роман В. Гюго, написан в 1874 г.

⁹⁰ С фр.: «Из столкновения мнений проистекает истина» (ср.: «В споре рождается истина»).

⁹¹ *Малиновский Николай Платонович* (18 (30) ноября 1861 — 28 января (10 февраля) 1917) — протоиерей, богослов. Родился в семье сельского священника в селе Рабанги Вологодской губ.. Окончил Вологодскую ДС, в 1885 г. окончил Московскую ДА. Преподавал в Харьковской ДС (1885–1893), затем был инспектором Ставропольской (1894–1901), ректором Подольской (1902–1906) и Вологодской (1906–1916) ДС. В 1894 г. удостоен степени магистра богословия после защиты диссертации «Православное догматическое богословие» (Харьков, 1895). С 19 октября 1916 г. на покое. Основные труды: «Индальгенции и таксы непогрешимых пап за грехи» (1905), «О таинствах как средствах освящения человека» (1908), «Православное догматическое богословие». Т. 1–4. Сергиев Посад, 1895 (т. 1), 1910 (т. 2); 1903; 1904; 1909 [к 3 и 4 тт. имеются критические «Замечания и поправки» проф. архим. Илариона (Троицкого)]. Вышло учебное пособие для духовных семинарий «Очерк православного догматического богословия». Вып. 1–2. Каменец-Подольск, 1904, 1906; 2-е изд. Сергиев Посад, 1911, 1912, 1914. Также в более сжатом виде «применительно к программам по закону Божию в старших классах средних учебных заведений» (светских) — «Очерк православно-христианского вероучения с изложением предварительных понятий о религии и откровении вообще и обзором вероисповедных особенностей Римской церкви и протестантизма». Сергиев Посад, 1912.

⁹² *Макарий (Булгаков Михаил Петрович; 1816 — 9 (21) июня 1882)*. Родился в селе Сурково Новооскольского уезда Курской губ. в семье священника. Окончил Белгородское ДУ (1831), Курскую ДС (1937) и Киевскую ДА (1841). 15 февраля 1841 г. рукоположен во иеромонаха. С 1841 г. преподаватель церковной и гражданской истории в Киевской ДА. В 1842 г. одновременно ректор Киево-Подольских ДУ. В

1842–1844 гг. помощник инспектора СПб. ДА. В 1844–1857 гг. ординарный профессор догматического богословия СПб. ДА; в 1847–1849 гг. преподавал также историю Русской Церкви, в 1853–1857 — историю русского раскола. В 1844–1850 гг. инспектор СПб. ДА. С 17 декабря 1844 г. архимандрит. В 1850–1857 гг. ректор СПб. ДА. С 28 января 1851 г. епископ Винницкий, викарий Каменец-Подольской епархии, настоятель Шаргородского Свято-Николаевского монастыря. С 1 мая 1857 г. епископ Тамбовский и Шацкий, с 18 апреля 1859 г. епископ Харьковский и Ахтырский, с 8 апреля 1862 г. архиепископ. С 20 июля 1868 г. член Святейшего Синода. С 10 декабря 1868 г. архиепископ Литовский и Виленский, с 8 апреля 1879 г. митрополит Московский и Коломенский. Похоронен в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры. Основные труды: История Русской Церкви. Т. 1–12. СПб., 1883; Руководство к изучению христианского православно-догматического богословия. М., 1913; Православно-догматическое богословие. Т. 1–2. СПб., 1895; Введение в православное богословие. СПб., 1913; История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1868; Слова и речи, произнесенные в 1841–1868 гг. СПб., 1891; Слова и речи, произнесенные в 1869–1878 гг. СПб., 1890; Слова и речи, произнесенные в Московской епархии в 1879–1882 гг. СПб., 1890; История русского раскола. СПб., 1889.

⁹³ Соляной городок — комплекс построек в центральной части Санкт-Петербурга, между набережной р. Фонтанки, Соляным пер., ул. Пестеля и Гангутской ул. В 1718 году в этом районе была устроена Партикулярная верфь (для постройки гражданских судов) на Фонтанке напротив Летнего сада. От комплекса верфи сохранилось здание Пантелеимоновской церкви. После переноса верфи на Выборгскую сторону в 1780-х гг. канал был засыпан. На территории верфи были построены амбары для хранения соли (отсюда название) и вина. С 1870-х гг. здания Соляного городка (д. 9) использовались как выставочные помещения, там разместились Сельскохозяйственный и Педагогический музеи. В этом же доме в 1946–1952 гг. разместился музей обороны Ленинграда, а с 1989 г. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Название сохранилось в наименовании Соляного переулка.

⁹⁴ *Квинтилиан Марк Фабий* (лат. Marcus Fabius Quintilianus, ок. 35 — ок. 96) — римский ритор (учитель красноречия), автор «Наставлений оратору» (*Institutio oratoria*), учебника ораторского искусства, который изучали во всех риторических школах, наряду с сочинениями Цицерона.

⁹⁵ *Цицерон Марк Туллий* (Marcus Tullius Cicero) (106–43 до н. э.) — римский оратор и философ. Автор диалога «De oratore» («Три трактата об ораторском искусстве», 55 до н. э.). В 3-х книгах перечисляются основные требования к оратору. Диалог требует от оратора обширных познаний в области философии, истории, законодательства и литературы с тем, чтобы он мог перенести обсуждение любого вопроса в более высокие сферы, а не ограничиваться узко-юридическими проблемами.

⁹⁶ *Никитин Иван Саввич* (21 сентября (3 октября) 1824 — 16 (28) октября 1861) — русский поэт. Родился в семье торговца свечами Саввы Евтихиевича Никитина (1793–1864). Учился в ДС (до 1843 г.). Пьянство и буйный характер отца привели семью к разорению, вынудившему Никитина стать содержателем постоялого двора. После первых публикаций вошел в кружок местной интеллигенции во главе с Н. И. Второвым и К. О. Александровым-Дольником, среди участников которого был его будущий душеприказчик, биограф и редактор изданий его сочинений М. Ф. Де-Пуле. Занимался самообразованием, изучая французский и немецкий языки, а также произведения русских и зарубежных писателей (Шекспир, Гюго, Гёте, Шиллер, Гейне и другие). На ссуду В. А. Кокорева в 1859 г. открыл книжный магазин с библиотекой, который стал важным центром литературной и общественной жизни Воронежа. Писал рассказы в стихах о горькой доле бедняков, гражданскую и пейзажную лирику («Русь», «Утро»). Написал поэмы («Кулак», 3-я редакция 1858 г.), прозаический «Дневник семинариста» (1860).

⁹⁷ См. выше примеч. 51.

⁹⁸ *Тураев Борис Александрович* (24 июля (5 августа) 1868 — 23 июля 1920) — востоковед, основоположник отечественной школы истории и филологии древнего Востока (в частности, египтологии) и эфиопистики. Окончил восточный факультет СПб. университета (1891). По окончании университета во время заграничной командировки занимался у Г. Масперо и А. Эрмана, вел научную работу в музеях Берлина, Парижа, Лондона и ряда городов Италии. С 1896 г. приват-доцент, с 1904 г. экстраординарный, с 1911 — ординарный профессор СПб. университета. В 1898 г. за диссертацию «Бог Тот. Опыт исследования в области истории древне-египетской культуры» (Лейпциг, 1898) получил степень магистра всеобщей истории, а в 1902 г. за труд «Исследования в области агиологических источников истории

Эфиопии» (СПб., 1902) — доктора. С 1913 г. член-корреспондент, в 1918 г. академик Российской Академии наук. С 1912 г. хранитель собрания египетских древностей Музея изящных искусств в Москве. Член Предсоборного Совета и Поместного Собора 1917–1918 гг. Великолепно знал богослужебный устав Церкви, был одним из составителей службы Всем Русским Святым. Был старостой университетской церкви святых апостолов Петра и Павла. Автор свыше 150 работ, охватывающих проблемы истории, истории религии и Церкви, археологии, искусства, филологии, источниковедения и историографии. Помимо основных избранных им дисциплин — египтологии и эфиопистики — Тураев занимался также семитологией, ассириологией, шумерологией, коптологией, хеттологией, урартоведением и др.

⁹⁹ *Святитель Вениамин (Казанский Василий Павлович; 17 (29) апреля 1873 — 13 августа 1922)*. Сын священника Нименского погоста Каргопольского уезда Олонецкой губ. Окончил Каргопольское ДУ (1887), Олонецкую ДС (1893) и СПб. ДА (1897), канд. богосл. Пострижен в монашество 14 октября 1895 г., рукоположен во иеродиакона 21 ноября 1895 г., во иеромонаха — 19 мая 1896 г. С 24 сентября — 3 октября 1897 г. преподаватель Священного Писания Рижской ДС, с 12–13 августа 1898 г. инспектор Холмской, а с 6 октября 1899 г. СПб. ДС; 18 февраля 1902 г. возведен в сан архимандрита. С 2 апреля 1902 г. ректор Самарской, а с 12 октября 1905 г. СПб. ДС. 30 декабря 1909 г. назначен и 24 января 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1910–1917 гг. состоял председателем СПб. епархиального училищного совета. В связи с увольнением на покой митрополита Петроградского Питирима (Окнова) 6 марта 1917 г. назначен временно управляющим Петроградской епархией (временное управление, вплоть до особых распоряжений, было возложено на него еще 2 марта). 24 мая избран и 25 мая утвержден архиепископом Петроградским и Ладожским, причем 26 мая Александро-Невская лавра изъята из управления Петроградского архиерея. С 14–17 июня архиепископ Петроградский и Гдовский; 13 августа возведен в сан митрополита Святейшим Синодом, что 14 августа было утверждено Временным правительством. 7 декабря на Поместном Соборе избран кандидатом в члены Священного Синода. 26 января 1918 г. назначен настоятелем Александро-Невской лавры. 25 сентября вызван для присутствия в Св. Синоде в порядке очереди. В июне 1922 г. был арестован и привлечен к суду по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей». 5 июля 1922 г. Петроградским губревтрибуналом приговорен к расстрелу и расстрелян. Реабилитирован 31 октября 1990 г.

за отсутствием состава преступления. Причислен к лику святых на Архиерейском соборе 31 марта — 4 апреля 1992 г.

¹⁰⁰ *Лосский Николай Онуфриевич* (6 (18) декабря 1870, Креславка — 24 января 1965, Париж) — философ, историк философии. Окончил естественный и историко-филологический факультеты СПб. университета. С 1916 г. профессор этого университета. В 1922 г. выслан из России советским правительством. С 1922 по 1942 г. жил в Праге. С 1942 по 1945 г. профессор философии в Братиславе (Чехословакия). С 1947 г. после переезда в США преподавал в Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке в звании профессора.

¹⁰¹ *Карсавин Лев Платонович* (1 (13) декабря 1882, Санкт-Петербург — 12 июля 1952, Абезь, Коми АССР) — русский религиозный философ, историк-медиевист, поэт. Родился в Петербурге в семье актера балета Мариинского театра. Брат балерины Тамары Карсавиной. Окончил историко-филологический факультет СПб. университета (1906). С 1909 г. преподавал в Историко-филологическом институте и на Высших женских курсах; приват-доцент СПб. университета (1912). Магистерская диссертация — монография «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков» (1912; защитил в 1913). Инспектор Историко-филологического института (1914). Докторская диссертация — «Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии» (1915; защитил в 1916). В 1921 г. избран профессором общественно-педагогического и правового отделений факультета общественных наук Петроградского университета, председателем общественно-педагогического отделения. В августе 1922 г. арестован и приговорен к высылке за границу без права возвращения. Выслан в ноябре 1922 г. В Берлине избран товарищем председателя бюро Русского академического союза в Германии; один из организаторов, затем сотрудник Русского научного института; соучредитель издательства «Обелиск». С 1926 г. в Кламаре под Парижем возглавил «Евразийский семинар», член редколлегии газеты «Евразия» (ноябрь 1928 — сентябрь 1929) и ее ведущий автор. В 1928–1940 гг. преподавал (с 1929 на литовском языке) в Литовском университете в Каунасе (с 1930 г. университет Витаутаса Великого, с его переводом в Вильнюс (1940) — Вильнюсский университет), с 1941 г. одновременно преподавал в Художественном институте. Короткое время работал в Художественном музее. В 1944 г. отстранен от преподавания в университете, уволен из музея. В 1949 г. уволен из Художественного института, арестован, обвинен в участии в евразийском движении и

подготовке свержения советской власти. В марте 1950 г. приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в заключении.

¹⁰² «Вестник знания» — ежемесячный иллюстрированный научно-популярный и литературный журнал с приложениями для самообразования; издавался с 1903 г. с перерывом в 1918–1922 гг. Редакторами журнала в разное время были: В. В. Битнер — до 1918 г., академик В. М. Бехтерев — до своей смерти в 1928 г., академик С. Ф. Платонов — до ареста в 1930 г.

¹⁰³ *Петропавловский Василий Александрович* (1877–1939). Родился в с. Березовский Рядок Валдайского уезда Новгородской губ. В 1901 г. закончил Киевскую ДА. Причислен к канцелярии обер-прокурора Св. Синода сверх штата. 7 января 1904 г. определен священником на диаконскую вакансию к Спасо-Бочаринской церкви, с 2 марта 1911 г. священник собора преп. Сампсона Странноприимца, около 1919 г. настоятель, протоиерей, 3 марта 1935 г. уволен за штат «ввиду установления новых штатов священнослужителей при церквях епархии». Выслан в марте 1935 г. из Ленинграда.

¹⁰⁴ *Паицкий Павел Васильевич* (? — 29 апреля 1938, частное сообщение). Окончил СПб. ДС (1883). С 1883 г. псаломщик церкви Института путей сообщения, с 1884 г. диакон, с 1892 г. диакон Благовещенской Василеостровской церкви; 15 июня 1895 г. определен вторым священником Благовещенской церкви в Новой Деревне, протоиерей (10 мая 1912), январь и июнь 1920 — январь 1924 г. настоятель.

¹⁰⁵ *Журавский Яков Львович* (30 апреля (12 мая) 1879 — 10 ноября 1937). Родился в селе Глабай Невельского уезда Витебской губ. в семье псаломщика. Окончил Витебскую ДС (1901) и СПб. ДА (1905). С 1905 г. миссионер Могилевской епархии, с 25 сентября — псаломщик Могилевского кафедрального собора. 25 февраля 1907 г. рукоположен во священника к этому собору. С 7 февраля 1907 г. преподаватель обличительного богословия и истории и обличения старообрядчества и сектантства Могилевской ДС. 29 июля 1908 — 16 августа 1912 санкт-петербургский епархиальный миссионер. С 10 мая 1912 г. священник Благовещенской церкви в Старой Деревне. Февраль 1919 — июнь 1920 ее настоятель. В 1922 г. уклонился в обновленчество. Подвергался арестам в 1921 и 1923 гг. Отпущен за недоказанностью вины. В 1923–1930-е гг. председатель Петроградского комитета группы «Живая церковь».

Протоиерей. 2 октября 1937 г. назначен настоятелем Серафимовской кладбищенской церкви. Вновь арестован 5 октября. Обвинялся в том, что «в 1935 г. был завербован польской разведкой...» Приговорен 28 октября 1937 г. к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде.

¹⁰⁶ «Русский паломник» — православный еженедельный иллюстрированный журнал, основанный в 1885 г. петербургским купцом Александром Поповицким; выходил до 1917 г. включительно. Журнал возрожден в 1990 г. Валаамским обществом в Америке.

¹⁰⁷ Тенишевское училище — среднее учебное заведение. Основано в 1898 г. князем В. Н. Тенишевым как 3-классная общеобразовательная средняя школа. В 1900–17 гг. коммерческое училище. Срок обучения 8 лет (7 общих классов и 1 спец.). Размещалось в построенном для него здании (Моховая ул., 33–35). Т. у. давало выпускникам права окончивших реальное училище. Общий курс был шире, чем в других учебных заведениях. Много внимания уделялось естественно-научным предметам, которые преподавались в течение всех 8 лет обучения, преимущественно в лабораторных условиях. При училище имелись оранжерея и обсерватория. В зале училища устраивались концерты и спектакли, проводились различные собрания и съезды. Иногда отмечают, что училище занимает особое место в культуре России, так как в первой четверти XX в. это был один из крупнейших интеллектуальных центров Санкт-Петербурга. Здесь царила поэзия и философия, на сцене Т. у. выступали самые утонченные и талантливые люди Петербурга — те, кто создавал Серебряный век русской культуры: А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин, А. Куприн, А. Ахматова, О. Мандельштам, И. Северянин, Н. Гумилев, Д. Мережковский. Г. Иванов и мн. др.

¹⁰⁸ *Credo, quia absurdum est* (лат. «я верю, потому что это противно разуму») — высказывание, ставшее афоризмом, некоторых отцов церкви, напр. Тертуллиана; поддерживалось и бл. Августином. Афоризм этот представляет более позднюю интерпретацию. У знаменитого апологета формула иная: «*Credibile quia ineptum*» — «Достоин веры, ибо нелепо» (см.: *Майоров Г. Г.* Философия как искание Абсолюта. М., 2004. С. 63). Высказывание направлено против претензий языческого эллинского любомудрия на постижение Истины. В своей защите христианского учения Тертуллиан не вводит ничего своего, а следует словам святого апостола Павла: «Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для еллинов безумие, для самих же призванных,

иудеев и еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков (1 Кор. 1:23–25).

¹⁰⁹ *Рябушинский Павел Павлович* (17 (29) июня 1871, Москва — 19 июля 1924, Камбо-ле-Бэн, Франция). Совладелец банкирского дома «Братья Рябушинские». В речи на открытии Второго Всероссийского торгово-промышленного съезда (август 1917 г.) сказал, что «в настоящее время торгово-промышленный класс повлиять на руководящих лиц не может», и предрекая финансово-экономический провал: «То, о чем я говорю, является неизбежным. Но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились». В большевистской прессе эта фраза была истолкована как призыв к буржуазии задуть революцию «костлявой рукой голода» (*Петров Ю.* Рябушинский П. П. // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 539–540).

¹¹⁰ *Покровский Николай Васильевич* (10 (22) октября 1848 — 8 (21) марта 1917) — ординарный профессор кафедры церковной археологии и литургики, доктор церковной истории. Окончил Костромскую ДС (1870) и СПб. ДА (1874). С 19 сентября 1874 г. приват-доцент СПб. ДА по кафедре церковной археологии и литургики, с 10 июня 1880 г. доцент, с 31 октября 1883 г. экстраординарный, с 13 сентября 1894 г. ординарный, с 23 октября 1899 г. заслуженный ординарный профессор; с 21 марта 1905 г. сверхштатный заслуженный ординарный профессор по кафедре церковной археологии в связи с историей христианского искусства. 23 июля 1893 — 6 октября 1899 инспектор академии. С 14 мая 1879 г. заведующий Церковно-археологическим музеем академии, организованном его заботами. Одновременно с 1877 г. лектор, а с 28 ноября 1898 г. директор СПб. Археологического института. Магистр богословия («Происхождение древнехристианской базилики», 1880), доктор церковной истории («Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских», 1892).

Курсы лекций по церковной археологии, литургики и архитектуре, которые Н. В. Покровский читал в СПб. ДА и Археологическом институте, неоднократно литографировались в рукописном варианте. Чтобы избежать ошибок, искажений и упущений Николай Васильевич подготавливает курс своих лекций по церковной археологии с многочисленными пояснительными иллюстрациями и выпускает под на-

званием «Очерки памятников христианского искусства и иконографии». До революции этот учебник издавался в СПб. три раза: в 1894, 1900 и 1910 гг. В настоящее время очерки также переизданы. См.: *Покровский Н. В.* Очерки памятников христианского искусства. СПб.: «Лига Плюс», 2000. 412 с. с илл.

¹¹¹ *Oleum et operam perdidit* (лат.) — «и масло, и труд мною потеряны напрасно», «я потерял масло и труд», «я потерял даром масло и труд», т. е. напрасно трудился; цитата из комедии Плавта «*Poenulus*» (I, 2, 119), где слова эти произносит гетера, которой напрасно пришлось украшать себя. Цицерон («Письма к близким», VII, 1, 3, «Письма к Аттику», XIII, 38, 1), употребляя это выражение, имеет в виду масло, потраченное на освещение, при котором он работал.

¹¹² *Смирнов Александр Михайлович.* Окончил Томскую ДС (1888) и СПб. ДА (1892), канд. богосл. С 17 декабря 1892 г. надзиратель, с 7 октября 1893 г. учитель греческого языка Александро-Невского ДУ, с 17 марта 1899 г. преподаватель обличительного богословия, с 29 октября 1903 г. — греческого языка в СПб. ДС. 30 (17) сентября 1918 г. утвержден секретарем Богословско-пастырского училища, с 21 октября 1918 г. преподаватель чтения новозаветных греческих текстов и св. отцов Восточной Церкви.

¹¹³ С такой фамилией профессоров в СПб. ДА не было. Однако известны два преподавателя Московской ДА — Иван Дмитриевич Андреев (1867–1927) и Федор Константинович Андреев (1887–1929). В данном случае, учитывая указание на возраст («молодой»), скорее всего, упоминается Федор Константинович.

Андреев Федор Константинович, протоиерей (1 (13) апреля 1887 — 23 мая 1929). Родился в СПб. в семье купца. В 1905 г. закончил 2-е реальное училище, три курса Института гражданских инженеров, в 1909 г. экстерном — Московскую ДС, в 1913 г. — Московскую ДА. С 16 марта 1913 г. и. о. доцента кафедры систематической философии и логики Московской ДА. Вернувшись в Петроград, в 1919–1921 гг. преподавал русскую словесность в Михайловском артиллерийском училище. Помощник заведующего Петроградского Богословско-пастырского училища. 2 января 1920 г. утвержден профессором кафедры христианской апологетики Петроградского Богословского института, с 6 февраля одновременно библиотекарь, а с 14 сентября 1921 г. член Президиума Правления, с 18 июля 1922 г. заместитель проректора. С 1921 г. член Петроградского философского общества.

19 декабря 1922 г. рукоположен во священника, служил в Казанском, с 1924 г. — в Сергиевском (б. всей артиллерии) соборе в Петрограде. В 1927 г. возведен в сан протоиерея. Дважды арестовывался. С 1927 г. служил в храме Воскресения-на-крови. Арестован 14 июля 1927 г., но 31 августа освобожден под подписку о невыезде. Постановлением от 10 ноября дело было прекращено за недоказанностью обвинения. В декабре 1927 г. ездил в составе депутации духовенства и мирян в Москву к заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) с протестом против «небывалой церковной неправды» так наз. Декларации 29 июля 1927 г. Вновь арестован 8 сентября 1928 г. Освобожден в ноябре за недоказанностью обвинения. Скончался в Ленинграде. Погребен на Братском кладбище Александро-Невской лавры.

См.: *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 300; *Андреева М. Ф., Можанская А. Ф., Фатеев В. А.* Андреев Ф. К. // ПЭ. Т. 2. С. 348–350.

Список сокращений

- б. — бывший(ая)
- БСЭ — Большая советская энциклопедия
- ДА — духовная академия
- ДС — духовная семинария
- ЕЖУ — епархиальное женское училище
- ЖМП — Журнал Московской Патриархии
- канд. богосл. — кандидат богословия
- ПЦВ — Прибавления к Церковным ведомостям
- ПЭ — Православная энциклопедия
- СПб. — Санкт-Петербург, Санкт-петербургский

Содержание

<i>Епископ Гатчинский Амвросий</i> Слово к читателям	3
<i>Елена Травина</i> О воспоминаниях дедушки	5
<i>Евгений Петрович Смелов</i> Воспоминания о годах обучения в Санкт-Петербургской духовной семинарии (1912–1918 гг.)	29
Комментарии	126

Е. П. Смелов

ВОСПОМИНАНИЯ
О ГОДАХ ОБУЧЕНИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
(1912–1918 ГГ.)

Формат 60х90/16

Объем 10 п. л.

Тираж 1000 экз.

Свято-Владимирское издательство,
101000, Москва, Старосадский пер. д. 11/1.

Редакторы *А. А. Бовкало, Д. А. Карпук*

Корректор *Г. Б. Кремнев*

Художник *И. Р. Цуп*

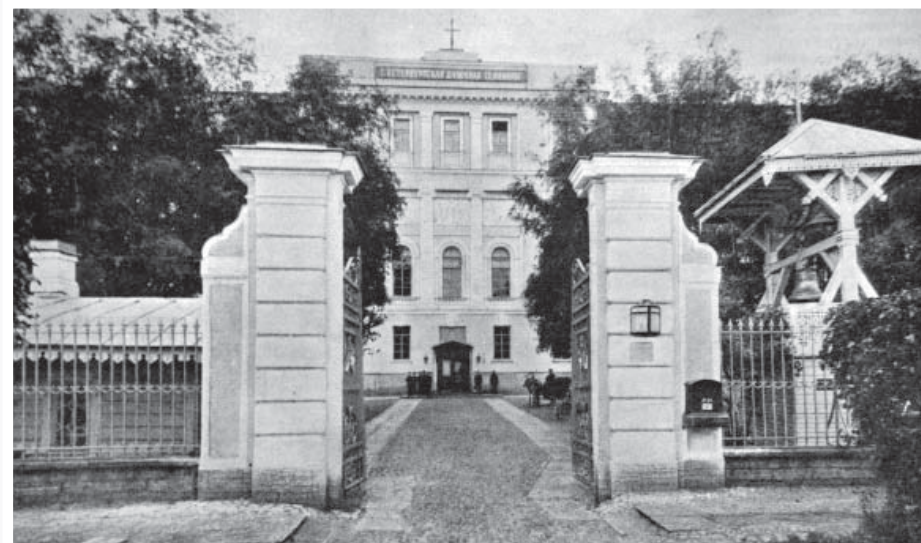
Верстка *П. С. Романов*

Митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский Антоний

Священномученик Владимир,
митрополит Киевский и Галицкий

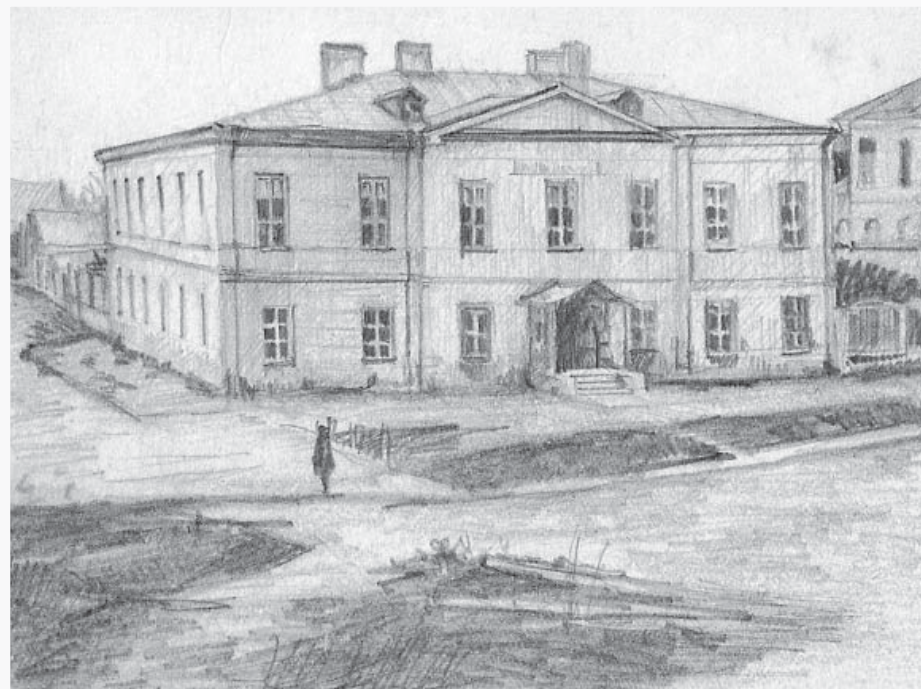
Санкт-Петербургская духовная семинария 1909 г.

Родители Е.П.смелова – Петр Васильевич и Екатерина Дмитриевна. 1893 г.

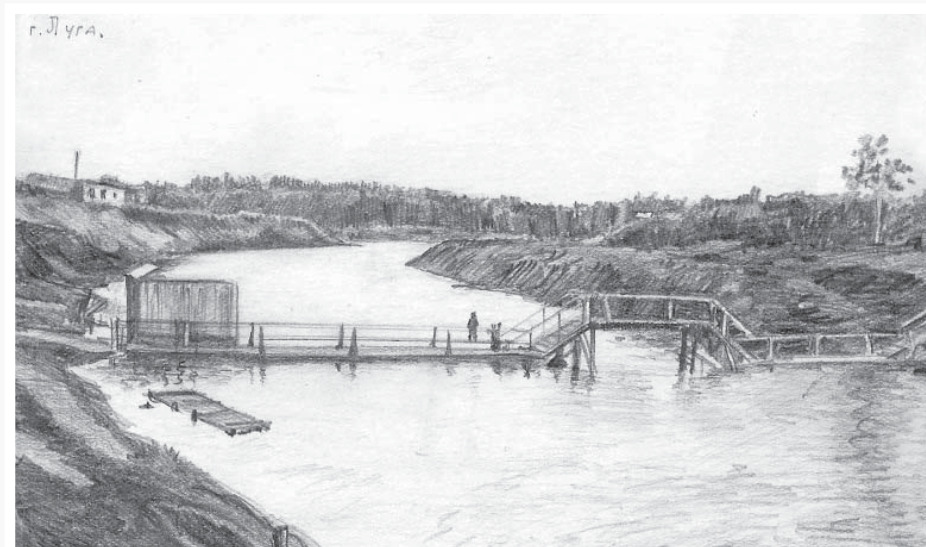
Екатерина Дмитриевна Смелова с сыном Евгением. 1895 г.

Вид Лужского городского 4-классного училища. Рис. 1912 г.

Евгений Смелов, учащийся Лужского городского училища. 1909 г.

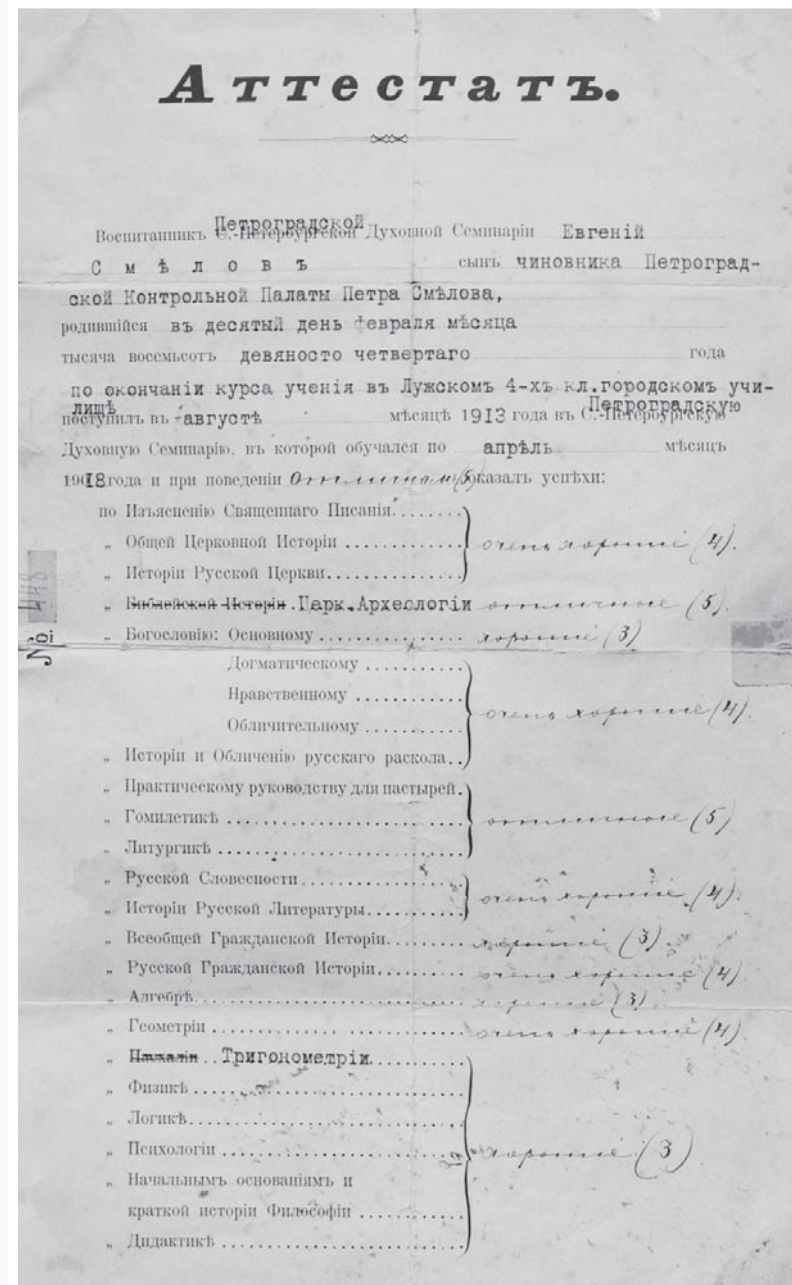
Вид на р. Лугу. Рис. 1912 г.

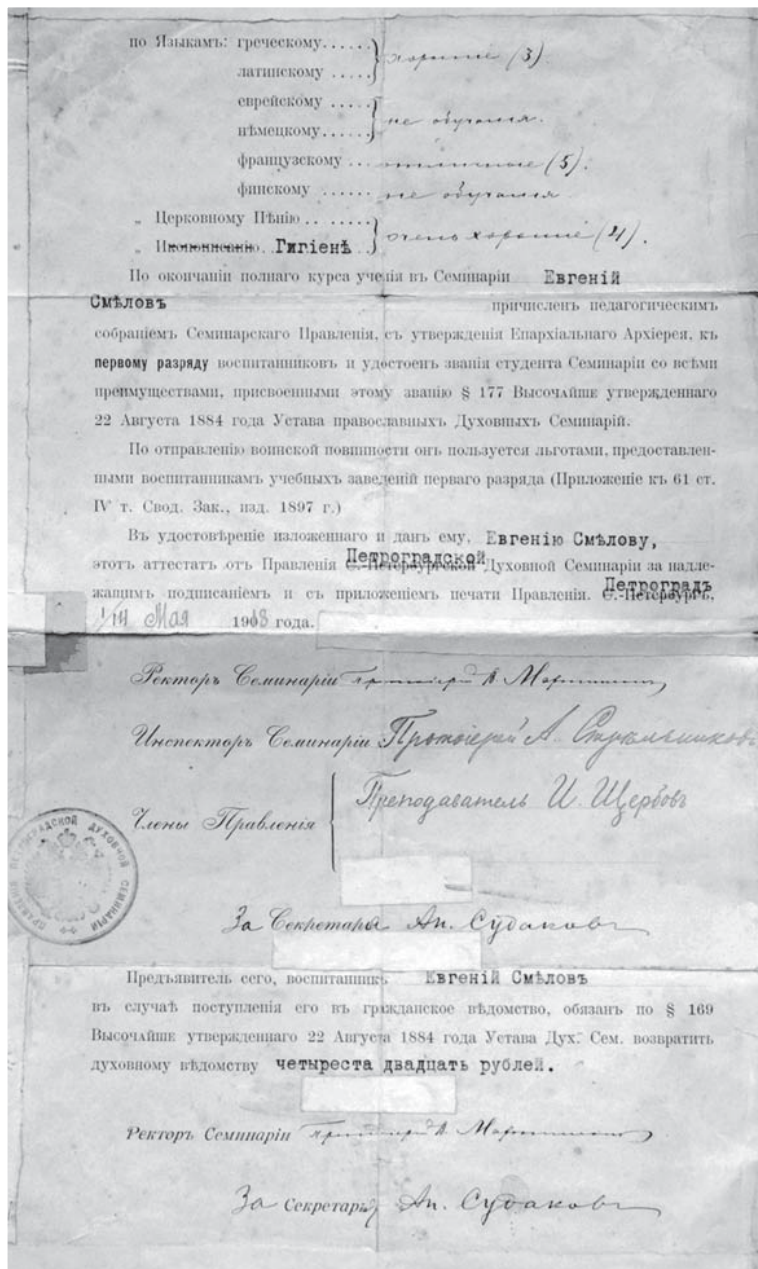
Валентин Дмитриевич Баранков, дядя Е.П. Смелова. 1906г.

Е. П.Смелов, воспитанник Спб. духовной семинарии. 1917г.

Семинарскій аттестат Е.П.Смелова

Семинарский аттестат Е.П.Смелова

Е. П. Смелов, 1918 г.

Жена Евгения Смелова, Евгения Степановна Александрова. 1920 г.

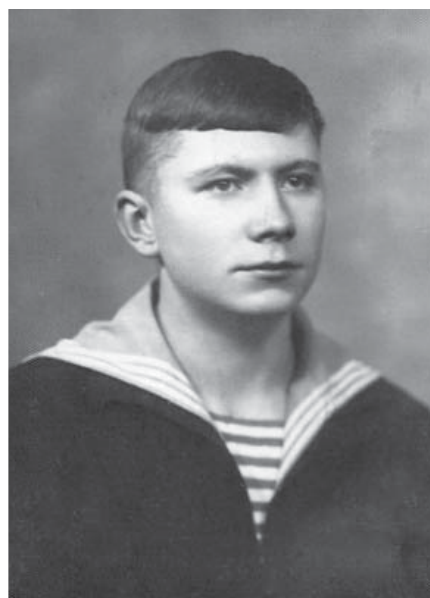
Е. П. Смелов, 1920 г.

Е. Смелов с дочерью Ольгой. 1933 г.

Е.П. Смелов, преподаватель русского языка в Учебном отряде подводного плавания. 1939 г.

Всеволод, сын Е. П. Смелова. Весна 1941 г.

Личный учетный № 03102

Дело № 875
(ссылка на личный счет)

АНКЕТА

Ленинградского Губернского Отдела Народного Образования

Фамилия Смелов

Имя и отчество (полностью) Владимир Петрович

107

На все вопросы должны даваться точные и ясные ответы.
Вопросы без ответа или замена их чертой не допускаются.

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Год рождения	1894г.
2. Место рождения	Ленинград.
3. Национальность	Белоросс.
4. Подданство (гражданство)	С. С. С. С. Р.
5. СОЦИАЛЬНОЕ: а) происхождение (брат, сословие) б) положение (рабоч., крестьян., служащий, военнообязан., учащийся и т. д.)	а) сын служащего. б) рабочий.
6. Принадлежность к политической партии: а) до февральской революции б) до октябрьской в) после " "	а) не принадлежал. б) не принадлежал. в) кандидат ЦК(О) с 12/8-25г. кандидат ЦК(О) за № 74.030.
7. ОБРАЗОВАНИЕ: а) Обще (школа, гимназия, трудовая школа, университет и др. высш. учеб. завед.) в каких учебных заведениях учился (указать название учеб. завед.), окончил ли (с каким званием), если нет, то какой класс или курс. б) Специальное (техническое, сельскохозяй. и т. д.) с подробностями, указанными в ж. и. в) Военное: какие военные учеб. завед. окончил (военные училище, курсы, школа прапорщ., академия, курсы красных командир., учебная команда и т. д.).	Мати. Петр. Ауд. Дашнарто со званием студента. Бросил 2 курса Ленингр. Медицинского Инст-та.
8. Какие знает языки: теоретически практически	Французский, латинский и греческий.

Анкета Ленинградского Отдела Народного образования. ЦГИА. Ф.2552. Оп.2. Д.2836. Л.17.

ВОПРОСЫ.	ОТВЕТЫ.
9. Основная профессия, какие знаете специальности (для педагога, предме?)	математика.
10. Ода, министр или Ленингр. Террит. Управление, в котором состоит на учете, как военнопоблаженный, время зачислен на учет (сведения помещаются из внешних документов)	О.В. Военно-Морские сборы в г. Ленинград, в отделе учета военнопоблаженных, в.к.в.ф.
11. Номер личной книжки и категория (для красноармейцев) и номер воинского билета (для комсостава и политсостава)	Удостоверение № 1728 от 26/10-21
12. Военное звание и род оружия: а) в старой армии б) в красной " " в) в белой "	а) не служил. б) админ. состав 4 категории ст. в) не служил.
13. Каким учреждением выдана оторочка, когда и за каким номером	не служил.
14. Отметка о снятии с учета: время, причина	не служил.
15. Кем и когда откомандирован, согласно какого приказа или постановления	Административный Райкомом ЦК КПС(б) УССР, Районком.
16. Личный адрес и № телефона	Лен. обл. г. Ленинград, ул. Дзержинский, д. 15, кв. 12, в.б.
17. Семейное положение и состав семьи: (перечислить всех членов семьи с указанием их имен, отчества, фамилии, возраста, занятий, адреса и лиц находящихся на вашем иждивении)	Жена - Евгения Степановна, р. 1895, сын - Василий - р. 1920. Мать - Екатерина Дмитриевна, р. 1865.
18. Имущественное положение служащего и родных его в прошлом и в настоящем (дом, хозяйство, земля, капитал)	Ничего нет.
19. Состояли ли или состоите в союзе, с какого времени и № профбилета	Членом в Союзе работников ст. в 1921, но выжили.
20. Приглажались ли к судебной ответственности когда, где, за что именно, приговор	не привлекался.

Анкета Ленинградского Отдела Народного образования.
ЦГИА. Ф.2552. Оп.2. Д.2836. Л.17.Об.

ВОПРОСЫ.	ОТВЕТЫ.			
21. Участвовали ли в литературной работе и какие имеете собственные труды	Нет. 18			
22. В какой отрасли труда считали бы свое использование наиболее целесообразным	Административ. и педагогическими.			
23. Перечислить документы: а) трудовую или удостоверение личности б) аттестат об окончании учебн. зав. в) удостоверение о прежней службе	а) удостоверение личности № 1728. б) аттестат об окончании учебн. зав. № 443.			
24. СЛУЖЕБНЫЙ СТАЖ: (перечислить все места службы в порядке их последовательности, начиная с первого места службы и кончая учреждением, в которое подающий анкету поступает)				
Наименование учреждения	Адрес учреждения	Должность	Время поступления	Время и причина увольнения
Административная служба в ЦК КПС(б) УССР	Ленинград - Боровой - Боровой - Боровой	Административный отдел. Заг. мед. техн. и инж. дел.	Ноябрь 1918	Март 1919.
Учред. Комиссия	Ленинград, ул. Дзержинский	Муж.	Апрель 1919.	Сентябрь 1921.
Организационный отдел	Ленинград.	Муж.	Март 1919.	Март 1921.
Учред. Комиссия	Москва	Заг. школа курсовых инженеров.	1921	1922.
Сов. парт. школа при Жезловском заводе	Сергиевская ул. 15.	Инженер-автомат.	Март 1921	Ноябрь 1921.

Анкета Ленинградского Отдела Народного образования. ЦГИА.
Ф.2552. Оп.2. Д.2836. Л.18.

(продолжение перечисления служебного стажа)

Наименование учреждения	Адрес учреждения	Должность	Время поступления	Время и причина увольнения
Военно-морские Лодочный Курьер Бастионный	Красная зв.	Секретарь в мет. отделе и переписки	1/2. 1922	
Центр. Женские Морские Лодочный Курьер ФККФ.	Ближний Стрелки.	Секретарь Женского отдела	1923.	
Лодочные Курьеры Коллигация Женщин В. Морские Лодочный Курьер ФККФ. Училище ФККФ.	Булгарит. Заб. уездным Комитетом	Секретарь Комитетов	до сих пор	

20. Сентябрь 1926.

Подпись заполняющего анкету: *С.С. Смельов*

Заведующий учреждением: *Богдан*

Изменения в служебном положении после заполнения анкеты:
(Заполняется личным составом)

Наименование учреждения	Адрес учреждения	Должность	Время поступления	Время и причина увольнения
<i>Уч. В. Морские Лодочный Курьер</i>	—	<i>Зав. Уч.</i>	<i>1926</i>	

Уч. тип. № 54, — Стр. № 419—13.000.

-181-

Семинария, как тогда, так и теперь помещается в доме № 19 по Обводному каналу. Главным фасад уездного корпуса в 4 этажа выходит к Обводному каналу, несколько отступая за чугунной решеткой. В то время справа у ворот решетки находилась деревянная колокольня. Около семинарии три 2-х этажные дома, два из них перед уездным корпусом справа и слева и один рядом с правой стороны корпуса, отделенные лишь узкими проходами от него. Эти дома предназначались тогда для преподавателей.

Представили себе, что мы стоим лицом к уездному корпусу. Слевой стороны от него, ограничивая семинарскую территорию, протекает речушка, именованная у нас "Монастыркой", справа забор, отделяющий Семинарию от сада духовной Академии и корпусов духовного училища. В этой стене тогда была каминка вешная, между деревьями Обводный, внутренностию доходит кери двор духовного училища и Лавру на стороне Невский...

Сзади уездного корпуса располагался обширный и довольно темный сад с скамейками...

Страница из рукописного текста воспоминаний
Е.П.Смелова